

Центральная
Европа
в поисках
новой
региональной
идентичности

Sola sub oca
dici vterus ma
mor orbis perenni

Omnia mental
opere iocunde ca

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА
В ПОИСКАХ
НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

*Ответственный редактор
доктор философских наук, профессор
Ю. С. Новопашин*

**Москва
2000**

Сборник подготовлен в Отделе современной истории и социально-политических проблем при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04488).

В коллективном труде впервые в отечественной и зарубежной политологии освещается проблема формирования новой региональной идентичности стран Центральной Европы в конце 80–90-е годы.

Термин «Центральная Европа» сегодня переходит из статуса историко-географической метафоры к статусу геополитического понятия, включающего в себя пояс государств от Балтики до Адриатики и указывающего на подобие их исторических судеб и общность перспективы. Опираясь на конкретный материал, авторы коллективного труда выявили тенденцию к новой внутрирегиональной идентификации, причем, помимо рассмотрения общих для региона аспектов становления новой региональной идентичности в политическом, экономическом и культурно-идеологическом аспектах, труд содержит и анализ ситуации в отдельно взятых странах региона.

Редколлегия

доктор философских наук Ю.С. Новопашин (отв. редактор)
доктор исторических наук Э.Г. Задорожнюк
кандидат исторических наук О.Н. Майорова

Рецензенты

доктор исторических наук профессор Б.А. Шмелев
доктор исторических наук В.В. Марьина

К читателям

Современные политические процессы в странах Европы и всего мира характеризуются ростом значимости регионального фактора. При этом понятие «регион» усложняется и являет собой уже не только географическое, этническое или конфессиональное образование. Конечно, в представляющих зоны стабильности частях земного шара – Западная Европа, Северная Америка и Мексика, в меньшей степени Дальний Восток – регион и в указанном плане выступает весьма неоднородным сочетанием. Но более важным видится то, что политическая воля лидеров стран, составляющих тот или иной регион, превращает его в некую единицу стабильности, которая в XXI в. будет, очевидно, в числе определяющих глобальное политическое устройство. В то же время существуют регионы, где ни этническое, ни конфессиональное, ни государственное начало не является сцепляющим фактором, а взаимные претензии возникают и усиливаются вопреки любой логике. Есть основания утверждать, что такие единицы нестабильности могут локализовываться и уменьшать сферу своего воздействия вследствие укрепления новой региональной идентичности.

Эти общие соображения предваряют анализ процессов, происходящих в центральноевропейском регионе, который с достаточным основанием можно считать развивающимся в сторону стабильности. Термин «Центральная Европа» сегодня преобразуется из историко-географической метафоры в геополитическое понятие, включающее в себя пояс государств от Балтики до Адриатики и указывающее на подобие их исторических судеб и общность перспективы. Центральноевропейский регион четче оформляется в качестве геополитического образования, соседствуя, с одной стороны, с регионом «Европейский Союз», а с другой – с регионом «Содружество Независимых Государств» (бывший СССР). Как таковому ему присущи черты новой региональной идентичности, если под последней понимать прежде всего тот или иной уровень осознания своей принадлежности к определенной общности всеми ее составляющими народами и государствами и совпадения (тождественности) основных целей, которые преследуют эти народы и государства. Подобное определение новой региональной идентичности в отечественной научной литературе дается, насколько можно судить, впервые, хотя в журнальных публикациях авторов представляемой книги оно уже встречалось (см.: Вестник Российской Академии наук. 1993. Вып.63. №12. С.1104–1105; Славяноведение. 1997. №3. С.3–27; Славяноведение.

1998. № 3. С. 15–29). Термины «новая региональная идентичность центрально-европейских стран», «новая региональная идентичность Центральной Европы» или новая «центральноевропейская идентичность» используются здесь как синонимы.

Представляемая работа посвящена рассмотрению различных, но все же только некоторых аспектов проблемы становления и укрепления новой региональной идентичности центральноевропейских стран. Вместе с тем авторы полагают, что в совокупности выявление этих аспектов даст читателю уже более или менее проясненное представление о том, что же следует понимать под вышеназванной проблемой, в чем ее актуальность и научная значимость. Можно, наверное, говорить об известной непреодоленности в книге традиционалистского подхода, когда авторы пытаются подчас рассуждать о новой проблеме посредством обращения к уже хорошо им знакомым аспектам развития центральноевропейских стран. Хотя с гносеологической точки зрения трудно (если вообще возможно) определять содержание того или иного нового понятия, не опираясь на уже устоявшиеся в науке подходы и понятия.

Следует в этой связи подчеркнуть, что процессы посткоммунистической внутрорегиональной идентификации центральноевропейских стран еще отнюдь не набрали силу, не устоялись, а, значит, выводы настоящего исследования – лишь первая попытка, начальный шаг на пути к осмыслению указанных процессов. Перед авторами стояла задача, опираясь на конкретный материал, выявить тенденцию к новой внутрорегиональной идентификации и показать, что народы центральноевропейского региона и часть выражающих их волю национальных лидеров вынуждены считаться с этой тенденцией во внутренней и особенно во внешней политике. Именно поэтому, помимо рассмотрения общих для региона аспектов становления новой идентичности в политическом, экономическом и культурно-идеологическом плане, выносимая на суд читателей работа содержит и анализ ситуации в определенных отдельно взятых странах.

Предпринятое в данном направлении исследование, конечно же, должно быть продолжено. Ведь все более глубокое осознание центральноевропейскими народами, их политической и научной элитой своей региональной идентичности способно сыграть в локализации здесь этнонациональных и иных непростых конфликтов весьма существенную роль, которую не заменит вмешательство с благими намерениями даже наиболее авторитетных государств и миротворческих организаций, пусть и самым конструктивным образом настроенных. К тому же исторические уроки как западной части континента, которая стала, по словам главы британского

кабинета Э. Блэра, «новой левоцентристской Европой»), так и формирующегося центральноевропейского региона приобретают все большую злободневность по отношению к собственно восточноевропейскому региону, включающему в первую очередь бывшие советские славянские республики – Беларусь, Россию и Украину, а также страны Балтии.

Для отечественного общественнознания этот последний аспект приобретает едва ли не первостепенное значение, поскольку сохраняет свою актуальность проблема разработки долгосрочной концепции налаживания и развития добрососедских связей Российской Федерации со всеми странами Центральной и Восточной Европы. Эти связи за первое посткоммунистическое десятилетие 1989–1999 гг. изменились отнюдь не в лучшую сторону. Причины такого неблагоприятного для России положения, с одной стороны, коренятся в отсутствии у наших так называемых демократических правителей более или менее четкого представления о новом характере и главных направлениях отношений РФ с вышеупомянутыми странами, в полном пренебрежении Кремля и Смоленской площади к региональному подходу. С другой же стороны, эти причины – в идеализации определенными российскими политическими кругами высокого уровня былого сотрудничества СССР с тогдашней Восточной Европой, в восстановлении которого они и хотели бы видеть в перспективе главную задачу отечественной дипломатии, забывая (или просто не ведая), что подобный уровень был, мягко говоря, специфическим, в немалой степени искусственным, показушным.

Этим сюжетам в книге тоже уделяется внимание, хотя, быть может, и недостаточное, поскольку не они были профильными. Однако важное значение упомянутой темы авторским коллективом вполне осознается, но обстоятельное ее изучение – все же дело других, специальных исследований.

Редколлегия

**НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
(Вместо введения)**

Обращение к проблемам вынесенной в название сборника темы – дело для российских обществоведов сравнительно новое, поскольку в самих центральноевропейских странах научная и политическая общественность стала акцентировать на ней внимание лишь после революционных преобразований 1989–1991 гг. В какой-то мере это продиктовано чувством, скажем так, известной исторической неполноценности, присущим в явной или неявной форме жителям данного региона, которые сравнивают положение в нем не с Россией или каким-нибудь другим государством восточнее собственных границ, а с благополучной западной частью континента. В интервью от 1 августа 1994 г. польский министр иностранных дел А. Олеховский выразил упомянутое чувство в следующих словах: «Никто не говорит, что это приятный регион. Я тоже предпочел бы родиться в Швейцарии. Это регион с очень малыми традициями сотрудничества и дружбы или симпатии друг к другу. Здесь дела вершились путем завоеваний, сражений. Но что поделаешь? Можно только терпеливо строить программы регионального сотрудничества и находить проекты, которые наводят мосты. Только таким путем можно изменить положение»¹. Разработка темы новой региональной идентичности в различных аспектах лежит, разумеется, в русле такого рода намерений.

1. Этнополитический аспект

Если на западе континента Европейский союз в качестве правового сообщества «надежно обеспечивает, – по словам немецкого дипломата Х.–Ф. фон Плетца, – мирный баланс интересов своих государств-членов, причем как большие, так и малые государства в конечном счете подчиняются решению суда»², то Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа подобной этнополитической и международно-правовой устойчивостью не

отличается; здесь еще сохраняются опасные межнациональные, межгосударственные противоречия: венгеро-румынские и венгеро-словацкие; румыно-российские и румыно-украинские; польско-российские, польско-чешские и др.³

Выдвигаются весьма разные рецепты разрешения указанных противоречий, предпринимаются и разные практические шаги. Никак, например, нельзя отнести к реалистическим рассуждения одного из венгерских парламентариев, который в июне 1993 г. заявил с трибуны своего Госсобрания: «Карпатский регион возник во время существования одного государства. Это государство было разделено на части... поэтому необходимо мирными средствами объединить данный регион в единое целое»⁴.

Нетрудно догадаться, что реминисценция об «одном государстве» есть не что иное, как отсылка к модели межнационального общения в рамках Дунайской монархии – центральноевропейских владений австрийских Габсбургов, располагавшихся в основном в Дунайско-Карпатском бассейне; модели, которая, по мнению ряда ученых и государственных деятелей, может быть использована и в условиях современной регионализации этого историко-географического бассейна. «Вчерашний мир погиб, – отметил на международной конференции 1996 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в РФ В. Зигль, – но потомки будут вспоминать его и смогут построить новое на основе нашей общей истории. И в Центральной Европе мы начинаем работу над общим домом Европы не с нуля. Я убежден в том, что Австро-Венгерская монархия – при всех ее недостатках – явилась этапом на пути к этой Европе»⁵.

Другие же в этом совсем не убеждены. Такого рода экскурсы в центральноевропейскую историю и особенно основывающиеся на них предложения по текущей политике соседи Австрии и Венгрии относят, как правило, к разряду утопий, и утопий отнюдь не безвредных. «Это игра с огнем, – откликнулся на рассуждения члена парламента ВР известный словацкий историк Л. Деак, – причем игра политически безответственная. Она вызывает недоверие и подрывает основы любого сотрудничества – в рамках «Вишеградской четверки» или других региональных группировок»⁶. В том же духе высказался тогдашний министр национальной обороны Румынии Г. Тинка, который назвал вышеупомянутые рассуждения «возрождением фантастических проектов воссоздания некоей центральноевропейской империи»⁷.

Понятно, что становление новой региональной идентичности центральноевропейских стран – это отнюдь не намерение причесать всех под одну гребенку, не установки на продвижение к «единому целому» на манер

давно канувшей в Лету Австро-Венгерской империи или более близкого нам по времени «нерушимого объединения» так называемых братских государств и их компартий. Кстати, поиски новой региональной идентичности во многом вырастают из попыток преодолеть наследие «реального социализма», на протяжении 45-летнего послевоенного строительства которого умалчалась самобытность отдельных народов под флагом приобретения более высокой и общей для всех классово-интернационалистской самобытности и возникновения в связи с этим в пределах социалистического содружества новой исторической общности людей, якобы уже функционирующей наряду с общностью «советский народ»⁸.

Не секрет, что авторы подобных утверждений имели, как правило, советскую прописку и оперировали ссылками на объективный процесс интернационализации, который будто бы уже привел к такому положению, когда экономическая и политическая жизнь в странах социалистического содружества «лишается какого-либо заметного национального своеобразия»⁹. А если еще учесть, что за всеми этими наукообразными словопроениями прошлых десятилетий просматривалось стремление «старшего брата» к отождествлению именно своей позиции с интернационалистской и утверждению за собой роли «высшей инстанции» в европейской сфере советского влияния, то наверняка становится более понятным нынешнее обращение к проблемам самобытности каждого народа центральноевропейского региона и объединяющих их черт, которые в то же время типологически отличают эти народы в качестве регионального сообщества от всех других, прежде всего соседей на западе континента и на его востоке.

Разумеется, революционные преобразования 1989–1991 гг. отнюдь не отменили объективный процесс интернационализации экономической и всей общественной жизни. Но закономерности этого процесса проявляют себя в западной, центральной и восточной частях Европы по-разному. Пожалуй, наиболее парадоксальным фактором посткоммунистических перемен сегодня представляется тенденция к дезинтеграции смешанных в этнонациональном плане государственных образований, в то время как на Западе имеет место противоположная тенденция к усилению многонационального сотрудничества и даже к подлинной интеграции, как об этом свидетельствуют эволюция Европейского сообщества в направлении тесных союзнических отношений, решение о введении единой валюты – евро и т.д. «Эти две диаметрально противоположные тенденции, – считает генеральный секретарь Совета Европы К. Лалюмьер, – являются наследием истории. Можно сказать, что 50 лет стабильности и демократии на Западе дали возможность выйти за рамки модели государства-нации, в то время как на востоке 50 лет

диктатуры, которая была сметена за несколько месяцев, повернули самосознание государств, а в ряде случаев и самосознание общественного мнения обратно к вопросам этнической и национальной идентичности»¹⁰.

Этот сдвиг в государственном и общественном самосознании активизировал усилия по разработке вопросов национальной самобытности или идентичности на теоретико-методологическом и практико-политическом уровнях. Как подчеркивает директор польского Института Запада (Познань) профессор А. Вольф-Повенска, «национальное сознание, особенно в той части посткоммунистической Европы, которая пока не может похвастаться успехами в экономике, становится, собственно, основной опорой легитимности новых демократий»¹¹. Следовательно, национальная идентичность как научная проблема, ввиду распада прежних связей и кризиса ценностей, сплавивавших общество «реального социализма», – это прежде всего проблема вычленения тех содержательных идей этнонационального ареала, вокруг которых должны объединиться все его составляющие, а также и проблема определения тех политических сил, кто должен в будущем взять на себя ответственность за интеграцию все более дифференцирующегося в этнонациональном плане общества. Центральные и восточноевропейские нации, стремящиеся в Европейский союз, в большинстве своем не осознают, что если этническая общность в силу места расселения, истории и языка как бы предписана свыше, то общество граждан в демократическом государстве должно быть построено ими самими.

Видный социолог Ю. Хабермас (ФРГ) говорит о возможности успеха демократической идеи только в том случае, если главенствующей становится реальная нация граждан государства, а не народ, существующий лишь в представлении земляков. История стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XX в. мало давала пищи для взращивания подобных реальных наций граждан государства, она была полна угроз их самобытному образу жизни, отмечена подчинением отдельно взятого человека разного рода идеологизированным союзам и объединениям, в том числе социалистического толка. Последние же, по меткому замечанию Г. Лебона, «преследуя общие всем их членам цели, могут рассматриваться (хотя бы в силу закона числа, этого великого символа веры современной демократии) как организации, созданные для порабощения каждого своего члена, который вне союза не мог бы существовать»¹².

Все диктатуры с их демагогическими апелляциями к общественным интересам и примату коллективной идентичности подтвердили эти провидческие слова французского ученого-энциклопедиста начала века. Если верно, что демократия требует решений от каждого в отдельности и индивиду-

альной ответственности, то столь же верно и то, что весьма и весьма многие в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы к таким решениям и такой ответственности не готовы. Чтобы положение изменилось, уйдет, как справедливо считает президент американского Института по изучению проблем безопасности в отношениях между Востоком и Западом Д. Э. Мроз, жизнь целого поколения или больше. «Помимо устранения формальных признаков коммунистического правления, – пишет он, – ликвидация наследия коммунизма означает изменение психологии населения, убеждение его в способности личности действовать в одиночку или небольшими группами в целях перемен. Коммунизм с большим успехом уничтожал горизонтальные связи в обществе. Восстановление этих связей между отдельными личностями требует постоянного внимания на региональном и местном уровнях, особенно для поощрения развития частного добровольного сектора»¹³.

О том, что предстоит пройти немалый путь, чтобы добиться в посткоммунистическом пространстве ощутимого успеха демократической идеи, говорит также упоминавшаяся выше А. Вольф-Повенска. «Странам, проводящим преобразования, – подчеркивает она, – потребуется еще много времени для того, чтобы выработать необходимые для этого образ мышления и способ поведения. Тем более теперь, когда глобальное развитие подталкивает нас к выходу из наших прежних рамок, а распад всех связей становится для нас наибольшей опасностью, вынуждающей формировать чувство новой принадлежности: к новому демократическому государству, к новой нации, к новому сообществу граждан и, наконец, к новому европейскому сообществу»¹⁴.

А. Вольф-Повенска назвала почти все важнейшие аспекты проблемы идентичности. Нет упоминания лишь о новой региональной идентичности центральноевропейских стран, которую вслед за нею можно было бы определить как формирование чувства новой принадлежности этих стран к политико-географическому району, протянувшемуся от Балтики до Адриатики и отделившему собою западную часть континента от собственно восточной его части.

Здесь необходимо известное отступление в формально-логическую область, чтобы определить некоторые исходные понятия. Речь прежде всего о понятиях «Центральная Европа», «центральноевропейские страны». Раньше, когда существовали тоталитарно-коммунистические режимы, составлявшие на континенте так называемый социалистический лагерь, именно они в геополитическом плане именовались Восточной Европой или восточноевропейскими государствами в противоположность демократической За-

падной Европе или западноевропейским государствам. Но когда эти режимы приказали долго жить, никакого социалистического лагеря на европейской земле не стало, отпала и необходимость в геополитическом противопоставлении востока и запада континента. Можно согласиться с американским политологом Зб. Бжезинским, который еще в марте 1990 г. подчеркивал, что «в самом сердце Европы рождается новая геополитическая действительность. Сегодня Восточная Европа опять стала Центральной Европой, какой она всегда и была по историческим, культурным и философским причинам»¹⁵.

Несколько позднее Бжезинский отстаивал это мнение в беседе с сотрудниками нью-йоркского Центра стратегических и международных исследований, отчет о которой был напечатан¹⁶, а также в своей статье в британской прессе¹⁷. В том и другом случае он говорил о северной и южной (балканской) зонах Центральной Европы, т.е. обосновывал применимость к бывшим восточноевропейским странам именно этого понятия, а не другого, широко, кстати, распространенного, – Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ), которое в упомянутых публикациях Бжезинского ни разу даже не встречается. Думается, что его аргументация по этому поводу выдерживает критику. Во всяком случае, автором настоящей статьи данная аргументация разделяется, что уже отражалось и в российской научной литературе¹⁸.

Однако вернемся к перечислению нашей польской коллегой основных аспектов проблемы новой идентичности, среди которых она не упомянула лишь о формировании чувства принадлежности этих стран к их собственному региону как определенной международной общности, отграниченной от других регионов. Но то, что прямо об этом А. Вольф-Повенска не сказала, не значит, конечно, отрицания ею какого-либо смысла в теоретическом и практико-политическом отграничивании данного региона от Западной Европы, с одной стороны, и Восточной – с другой. Напротив, она весьма скептически смотрит на возможности извлечения посткоммунистическими государствами геополитических и экономических выгод от их односторонней прозападной ориентации. «Гордясь вновь обретенным суверенитетом, они ищут признания своей идентичности у международной общности на Западе, – замечает Вольф-Повенска. – Неофиты страстно стремятся быть принятыми в сплоченную семью демократических государств и теряют на пути туда все то, чего они добились на протяжении столетий за счет взаимного проникновения культур, а также обмена идеями и людьми в этом регионе»¹⁹.

Легко усмотреть противоречие между тезисом польской исследовательницы о взаимопроникновении культур, обмене идеями и людьми в пре-

делах центральноевропейского региона и приведенным в начале статьи мнением польского же политика А. Олеховского, характеризовавшего упомянутый регион с точки зрения весьма малых традиций сотрудничества и дружбы между населяющими его нациями или симпатии последних друг к другу. Но если мы рассматриваем подобное противоречие не в качестве одной лишь игры ума, а как существующее в действительности, то ведь тем самым признаем реальность и обеих его противоположных сторон. Правильно, что нередко здесь дела вершились путем завоеваний, сражений. Но верно и другое: не все же время государства региона и их подданные воевали друг с другом, то бишь взаимодействовали с оружием в руках; были – и в немалом количестве – и иные формы этого межгосударственного, межнационального взаимодействия.

2. Социально-экономический аспект

Остановимся в качестве примера на такой форме межгосударственного взаимодействия, как торгово-экономические связи. Они существовали на протяжении столетий между всеми странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, включая Россию. Хотя, конечно, удельный вес этих связей у различных стран был в разное время весьма неодинаков. В послевоенный период партноменклатура, стремившаяся к развитию так называемого социалистического содружества, использовала свое монопольное положение в международно-государственной сфере таким образом, что региональное торгово-экономическое сотрудничество существенно выросло, поднялось по сравнению с межвоенным двадцатилетием на более высокую ступень.

В интервью корреспонденту ИТАР–ТАСС 11 ноября 1992 г. Б. Кадар, министр международных экономических связей в правоцентристском кабинете Й. Анталла, подтвердил, что восточноевропейский рынок придуман не Брежневым, не Хрущевым и не Сталиным, что он имеет многовековую историю и достаточно прочные традиции. «Во времена СЭВ Венгрия и Россия не просто обменивались товарами, но установили и определенные кооперационные связи, приведшие к образованию, если хотите, технологических и структурных “стыковочных узлов” между экономиками двух стран, – заметил министр. – Хоронить это в одночасье – вряд ли разумное и полезное занятие»²⁰.

Однако одним из революционно-демократических изменений 1989–1991 гг. стало именно обвальное сокращение всего комплекса региональных связей, в том числе торгово-экономических. Говоря о причинах подобного положения, следует указать, во-первых, на постреволюционный

«радикализм» новых правителей центральноевропейских стран, сгоряча причисливших названные связи к наследию коммунизма, от которого следует решительно избавляться. Во-вторых, свою негативную роль сыграли здесь и такие коллективные решения участников СЭВа, как их отказ с 1991 г. от многостороннего клиринга в народнохозяйственных отношениях, введение мировых цен и расчетов в свободно конвертируемой валюте, за что, напомним, не один год ратовали прежде всего венгерские и чехословацкие представители. Разумеется, с точки зрения перспективы постепенный переход на условия мирового рынка был необходим, но единовременное, разовое решение этой задачи оказалось мерой ошибочной, ущербной и для СССР, и для всех других государств-членов СЭВ, мерой, объективно подтолкнувшей систему взаимного экономического сотрудничества к полному краху. «А развал СЭВ привел к тому, – комментировал ситуацию в начале 1993 г. председатель правительств Чехии В. Клаус, – что бывшие восточноевропейские социалистические страны максимально открылись в западном направлении, но отгородились друг от друга»²¹. Б. Кадар подчеркивал в этой связи, что «особенно невосполнима для Венгрии потеря советско-российского рынка в таких отраслях, как автобусо- и машиностроение, виноделие, сельское хозяйство в целом. Надо помнить и о том, что 80% вооружений венгерской армии произведено в бывшем СССР»²².

Президент Румынии И. Илиеску в беседе с сотрудником венского еженедельника «Сальто» в январе 1993 г. тоже говорил о пагубных последствиях для страны краха СЭВ, разбитого штормовой антикоммунистической волной конца 80 – начала 90-х годов. «Вместе с СЭВ исчез источник энергии и сырья, – отметил он. – Мы также не нашли замены для огромного советского или российского рынка»²³.

Госсекретарь министерства иностранных дел Словацкой Республики Й. Шестак, высказываясь в январе 1996 г. о внешнеполитических приоритетах своей страны, прямо квалифицировал в качестве ошибочного торговый курс первой половины 90-х годов. «В прошлом, – заметил он, – мы сделали непродуманные шаги и потеряли украинский, российский и другие рынки стран СНГ. Очень быстро эти рынки заняли западноевропейские, американские и японские фирмы. Поэтому наше стремление вернуться на эти рынки вполне закономерно. Русские нефть и газ имеют для Словакии ключевое значение. Было бы бессмысленно разрушать эти связи в угоду политиканству»²⁴.

Но политиканства все же хватало, как о том свидетельствуют примеры и по другим центральноевропейским странам: Польша сократила свою ориентацию на импорт из государств, входивших в СЭВ, с 39% в 1988 г. до

13% в 1995 г. (в то время как доля Запада возросла с 44 до 75%); болгаро-российский товарооборот уменьшился за первую половину 90-х годов в 8 раз и т.д.

Быть может, перечисление оценок представителями властных структур центральноевропейских стран неблагоприятного положения дел в торгово-экономической сфере, сложившегося в первой половине 90-х годов, кому-то покажется утомительным, но это предпринято, чтобы оспорить позиции тех, кто во всем винит в первую очередь руководство РФ. Именно оно не смогло, по мнению, например, нашего историка А. Миллера, «найти верного тона в отношениях с бывшими сателлитами и использовать те возможности, которые давала экономическая привязанность стран региона к российскому рынку. Если август 1991 г. много сделал для разрушения негативного образа России в Центральной Европе, то в последующие годы мы дали много новых аргументов тем, у кого Россия вызывает страх и неприязнь, отказываясь в то же время замечать адресованные нам конструктивные инициативы. Сегодня мы пожинаем плоды неуклюжей политики и невнимания к роли Центральной Европы после краха двухблоковой системы»²⁵. Другой специалист-обществовед И. Орлик также констатирует, что «Россия очень много потеряла в Центрально-Восточной Европе из-за своей медлительности, неоправданной пассивности и в политике, и в сохранении позиций на восточноевропейских рынках, и в общем экономическом и научно-техническом сотрудничестве с бывшими партнерами»²⁶. Третий наш соотечественник М. Молчанов, говоря о бывших социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы как «государствах-клиентах», т.е. таких, которые «обменивают самостоятельность своей внешней политики на гарантии экономической и политической безопасности со стороны государства-донора», заявляет, что они в начале 90-х годов Советским Союзом «выставляются за дверь, после чего их приглашают зайти снова»²⁷.

Не отрицая элементов непоследовательности, пассивности и невнимания к центральноевропейским странам в политике РФ, следует еще раз подчеркнуть, что в свертывании в первое посткоммунистическое пятилетие их взаимных связей и сотрудничества с Россией в неменьшей, а даже, наверное, в значительно большей степени виноваты они сами, поспешно и весьма недальновидно расценив весь комплекс этих связей как лишь навязанный прежней системой и потому неперспективный, а то и просто подлежащий ликвидации. К настоящему времени, правда, негативный процесс свертывания в регионе торгово-экономических связей в общем и целом остановлен, и есть понимание необходимости развития регионального сотрудничества на принципиально новой основе. Скажем, В. Клаус после

«бархатного развода» ЧСФР выразил это понимание в следующих словах: «Очевидно, что без непосредственных соседей Чехии не обойтись. Поэтому первые зарубежные визиты чешские руководители нанесли не в Вашингтон, Лондон, Париж или Москву, а в Будапешт, Варшаву, Франкфурт, Дрезден и Вену... Исполненная смысла центральноевропейская политика, – заключил он, – является для Чехии важной частью европейской интеграции»²⁸.

Таким образом, исполненная смысла центральноевропейская политика – это стремление к реализации возможностей, заложенных в региональном сотрудничестве. Чтобы подобное стремление обнаружило себя в качестве устойчивой тенденции государственно-международной жизни, потребовалась по меньшей мере половина завершающегося десятилетия, в начале которого Восточная Европа, по словам американского экономиста Р. Фрэнка, «разорвала свои командно-экономические связи, словно разбила статую Сталина, и переключилась на деловые отношения с Западом. Теперь же она заново открывает для себя ценность старых уз. Некоторые компании, чей рынок в Западную Европу был отбит жесткой конкуренцией и вялостью тамошней экономики, рассматривают Восток как надежное и доходное прибежище»²⁹.

В первые послереволюционные годы, конкретизирует свою мысль Р. Фрэнк, «враждебное отношение к коммунизму, искусственно подогретое либерально-демократической пропагандой, вызвало не менее искусственный сдвиг на Запад: компании жаждали долларов и немецких марок, а потребители – товаров с западными этикетками. Нынешний дрейф снова на восток – это один из самых убедительных признаков здоровья и стабильности региона в долгосрочной перспективе»³⁰. Нельзя не присоединиться к этим словам заокеанского сторонника регионализации Центральной Европы. На его же тезисе о «рывке» в Западную Европу, который был отбит, остановимся подробнее. Ибо это констатируют многие, в том числе и видные деятели самих центральноевропейских стран.

Так, И. Илиеску в упоминавшемся интервью австрийскому журналисту заявил: «Все говорят о нашей интеграции в европейскую экономику, но Европа не очень-то хочет нас интегрировать. ЕС ведет с нами переговоры как закрытый клуб богачей. С самого начала оно выдвинуло условия и установило квоты для нашей продукции, например для сталелитейной и текстильной промышленности, а также для сельского хозяйства. Итак, мы потеряли наши традиционные рынки, а рынки, на которые мы хотим ориентироваться, нас не принимают. Они принимают Румынию только как рынок сбыта. Таким образом, в Европе возник новый феномен: хотя идеологиче-

ский и военный раскол Европы преодолен, существует угроза дальнейшего увеличения экономической пропасти»³¹.

На вступление в Европейский союз, как известно, подали заявку 10 стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Венгрия (1.04.1994), Польша (8.04.1994), Румыния (22.10.1995), Словакия (27.06.1995), Латвия (11.12.1995), Эстония (23.11.1995), Литва (11.12.1995), Болгария (14.12.1995), Чехия (23.01.1996) и Словения (10.06.1996). Все они имеют с ЕС соглашения об особом ассоциированном членстве, которые дают формальное право претендовать на полное членство и соответствующие привилегии. Но для государств, желающих пополнить ЕС и пользоваться преимуществами нахождения в нем, существуют, так сказать, критерии зрелости: во-первых, народнохозяйственное оздоровление после централизованного управления экономикой, которое должно завершиться ежегодным ростом ВВП и, следовательно, устойчивым повышением жизненного уровня населения; во-вторых, внутренняя этнополитическая стабильность и отсутствие претензий к соседям; в-третьих, определенная интегрированность с западными рынками, на которые ориентировалось бы порядка половины внешнеторгового оборота.

Если соотнести эти основные критерии с показателями общественно-политического и социально-экономического развития Румынии, отнюдь не самыми высокими в центральноевропейском регионе, то возлагать всю ответственность за неудовлетворительное положение в сотрудничестве с Европейским союзом лишь на последний было бы, конечно, неправильно. Хотя, быть может, где-то и налицо прогресс в утверждении на румынской земле принципов рыночной экономики, предстоит еще провести – теперь уже под руководством не олицетворявшего левые силы И. Илиеску, а нового президента страны от право-либерального лагеря Э. Константинеску – крупные, определяющие реформы в сфере охраны окружающей среды, на транспорте, в области занятости и социальных вопросов, в органах юстиции и внутренних дел, а также в сельском хозяйстве.

Немало придется потрудиться и во внешнеторговой сфере, поскольку, как отмечал обозреватель одной из бухарестских газет, «споткнувшись о политические догмы и конъюнктурные соображения, румынские предприниматели проявили медлительность и оказались за бортом восточноевропейского рынка, в первую очередь российского»³². А ведь после краха СЭВ свыше 85% предприятий страны лишились возможностей сбыта продукции. Последовали, по словам этого обозревателя, «экономические конвульсии», т.е. попытки проникнуть на западный рынок, затем – откат и, наконец, тяжелая, нередко обескураживающая, борьба за утверждение на новых рынках

параллельно со стремлением вернуться на восточноевропейские. Результаты в том и другом направлении, хотя и скромные, но имеются. Так, разработана стратегия по завоеванию рынка России, которая предусматривает повышение роли смешанной правительственной румыно-российской комиссии по экономическому сотрудничеству и, естественно, установление прямых связей между румынскими и российскими предпринимателями. Будут создаваться смешанные общества в приоритетных областях: разведка месторождений, добыча, транспортировка, транзит и распределение природного газа, энергетика, модернизация теплоэлектростанций, сооруженных на советском оборудовании. Запланировано также использовать некоторые производственные мощности республики для переработки российского сырья. Определены и другие области возможного сотрудничества – металлургия, химия, нефтехимия, текстильная промышленность, выделывание кож, деревообработка. Кстати, в постсоветский период направление российской торговли лесоматериалами резко изменилось. Взамен поставок в Восточную Европу, от которых последняя отказалась, испытывая трудности по их оплате в твердой валюте, половину экспортного объема лесоматериалов РФ покупают сейчас Финляндия и Швеция, остальное – Япония, Южная Корея и Китай. Однако в рамках предполагаемого взаимного сотрудничества в деревообрабатывающей промышленности возможны, разумеется, перемены, и не только в отношениях с Румынией, но также и с другими центральноевропейскими странами.

Конечно, произошли подвижки и в западном направлении. Центральноевропейский регион в целом значительно более ориентирован на рынки государств-участников Европейского союза, чем десятилетие назад. Но предпочтительнее для вступления в ЕС шансы Венгрии, Польши, Словении и Чехии, свыше 60% торговли которых приходится на страны этого союза. Их приверженность курсу свободной торговли и либерализации капиталовложений была подкреплена вступлением в 1996 г. в Организацию экономического сотрудничества и развития и во Всемирную торговую организацию. По душевому объему ВВП первую пятерку из 10-ти вышеназванных стран, подавших заявки на вступление в ЕС, составляют Словения, Чехия, Словакия, Венгрия и Польша (см. табл.).

**ВВП на душу населения в 1997 г.
(в долларах)***

---

* Подсчитано по данным экономического обзора «Европейский союз накануне решающих перемен» // Компас. 1998. № 10. С. 6, 11–16.

№	страна	ВВП	№	страна	ВВП
1	Словения	11.312	6	Болгария	4.704
2	Чехия	10.192	7	Румыния	4.592
3	Словакия	7.952	8	Литва	4.368
4	Венгрия	7.056	9	Эстония	4.368
5	Польша	5.936	10	Латвия	3.472

Именно для этой пятерки характерен в последние годы устойчивый экономический рост – предпосылка повышения жизненного уровня. При пересчете объема валового продукта на одного жителя страны, измеряемого паритетом покупательной способности, Словения и Чехия, например, достигли 50% от среднего уровня в Европейском союзе, Словакия – 40, Польша и Венгрия – в пределах 30–37%. Эксперты ООН пришли недавно даже к выводу, что эти страны имеют сейчас в чем-то более эффективную экономику, чем самый слабый член НАТО – Турция, и приближаются к уровню Греции.

Однако до уровня Австрии, Бельгии, Голландии, Великобритании, Франции, ФРГ и других такого же ранга членов ЕС даже «продвинутым» центральноевропейским странам еще очень далеко. Если, допустим, средний рабочий на автомобилестроительном чешском заводе «Шкода» в г. Млада-Болеслав получает 400–450 долл. в месяц, то его коллега на головном предприятии концерна «Фольксваген» в г. Вольфсбурге – 4000–4500 долл. Чтобы труженики города и села в центральноевропейских странах жили так же хорошо, как на Западе, необходимы более глубокие реформы, чем те, которые уже проведены, дальнейшая интенсификация труда. Все это требует в свою очередь непрерывных и больших инвестиций. По оценкам экспертов Всемирного банка, скажем, в экономику Польши надо вложить 350 млрд долл., чтобы она сумела приблизиться к высокоразвитым странам. В общем и целом Польше необходимо модернизировать 70% своих производственных мощностей. А чтобы не допустить увеличения разрыва с западными государствами, ей нужно было бы тратить 28–30% валового национального продукта. Такие капиталовложения, согласно расчетам Австрийского института экономических исследований (ВИФО), представляются совершенно нереальными.

Правда, существовали, особенно в первые посткоммунистические годы, и доселе еще существуют надежды, что «Запад нам поможет». По данным того же Австрийского института экономических исследований, чтобы

догнать ЕС по уровню жизни, центрально- и восточноевропейские страны должны в 1995–2005 гг. ежегодно привлекать в форме иностранных прямых инвестиций 634 млрд долл., в том числе страны СНГ – 465 млрд и остальные – 169 млрд долл.³³ Нечего и говорить, что такого уровня зарубежных вливаний в страны центрально- или восточноевропейского регионов никогда не было и не будет, поскольку по-настоящему радикальная модернизация их экономической и всех других сфер общественной жизни вовсе не в интересах богатого Запада. «Для Европейского союза, – откровенно признает заместитель директора гамбургского Международного института политики и экономики П. Робейзек, – характерно стремление не допустить “слишком быстрого” сближения с восточными претендентами на вступление в организацию. Причина такого поведения очевидна. Логика действий экономической и политической системы Запада тем больше направлена против оказания помощи другим странам, чем больше их экономические и политические системы приближаются к западной. Как только получатель помощи хотя бы приблизится к статусу конкурента, к нему начинают относиться как к таковому. Происходит это необязательно из злого умысла и даже может прямо противоречить (вполне вероятно, искренним) заявлениям некоторых политиков о готовности оказывать помощь»³⁴.

Скорее всего, абсолютное большинство бывших восточноевропейских стран, а уж тем более Россия, не имеют шансов при сложившихся условиях даже в длительной перспективе достичь западного уровня благосостояния. В этом контексте растет число представителей властных структур центральноевропейских государств, которые начинают высказывать сомнения в какой-либо выгоде для собственных народов от полноправного членства в ЕС, особенно если последнее будет означать, что придется взвалить на себя бремя обязательств союза.

Что же касается преимуществ нахождения в Европейском союзе, то о них говорится все более осторожно. Л. Барбер и Э. Робинсон из «Файнэншл таймс» цитируют, например, Я. Трушчинского, представителя Польши при ЕС, отмечающего, что «некоторые из предполагаемых преимуществ членства в нем, такие, как свобода передвижения людей, выглядят из Восточной Европы обоюдоострыми. Западноевропейцев может беспокоить то, что чехи и поляки наводняют их рынки труда во время рекордной безработицы. Но правительства и предпринимателей в центре Европы тревожит “утечка умов” и ее влияние на экономический рост. Аналогичная ситуация в сельском хозяйстве, где распространение общей сельскохозяйственной политики дестабилизировало бы польскую экономику вследствие инфляционного увеличения фермерских доходов. Это подняло бы цены на землю, отвлекло бы

капиталовложения от модернизации промышленности и создало бы новый класс крупных землевладельцев. Тот же прогноз, – заключает Трушчинский, – был бы применим и к Венгрии, и к Чешской Республике, хотя к последней, быть может, в меньшей степени»³⁵.

Такого рода сомнения подпитывают новый центральноевропейский регионализм, основанный на близости, конкуренции, оживлении экономического роста и использовании возможностей восточного рынка. Так, после нескольких лет прохладных отношений с Россией, сотрудничество с нею проявляется в форме договоров, торговых пактов, слияния корпораций и кросс-бордерных инвестиций. «Второе дыхание» открылось, скажем, в торговле между РФ и Чешской Республикой, которая увеличивается за последний период (1995–1998) ежегодно на 12–15%, в то время как чешский экспорт в Россию – на 25–30% в год. Внутри северной зоны центральноевропейского региона торговля уже в 1995 г. увеличилась на 40%, а в последующие годы росла еще быстрее. Экономическое сотрудничество между чехами и поляками с 1995 г. более чем удвоилось, чешско-украинский товарооборот возрос на 60%, а экспорт Словении в Словакию – даже на 70%. Подобные примеры можно было бы умножить.

Мировая печать назвала все это «возрождением региона»³⁶, а автор данной статьи – формированием у центральноевропейских стран чувства новой региональной идентичности. Причем, именно *новой* идентичности, ибо это чувство не носит антизападного оттенка и не проистекает из желания возвратиться к временам «бюрократического абсолютизма». То есть чувство новой региональной идентичности вырастает из потребностей развития межгосударственного, международного взаимодействия, а отнюдь не консервации каких-то его прошлых форм, быть может, удобных для властных структур, но неэффективных и в конечном счете разрушительных. «Консерватизм, не имеющий иной цели, кроме сохранения устаревшего status quo, – замечал в свое время А. И. Герцен, – так же разрушителен, как и революция. Он уничтожает старый порядок не жарким огнем гнева, а на медленном огне маразма»³⁷.

Иными словами, чтобы жаркий огонь антикоммунистического гнева или тлеющие угли посткоммунистического маразма не свели на нет саму возможность использования центральноевропейцами преимуществ регионального подхода, и иницируется процесс научного осмысления проблем новой региональной идентичности и учета их значимости политической элитой, а также бизнесом в повседневной деятельности, прежде всего международной.

3. Идеологическое измерение

Разработка проблем новой региональной идентичности центрально-европейских стран на теоретико-идеологическом уровне представляет весьма неоднозначную картину, характеризуется столкновением взглядов ученых, политиков, журналистов и т.д. Вокруг чего же идет по преимуществу спор?

Во-первых, как понимать новую центральноевропейскую регионализацию: в качестве вспомогательной по отношению к главному направлению внешнеполитических усилий последнего десятилетия – вступление в ЕС и НАТО или как имеющую собственное долговременное значение в общем русле паневропейских интегративных тенденций.

Во-вторых, каких позиций придерживаться, в перспективном направлении этой регионализации: сохранят ли национальные государства и в XXI в. роль основных субъектов регионального и всемирного сотрудничества или будут вынуждены все больше перераспределять свои суверенные права в пользу международных институций, постепенного формирования своего рода государств-регионов, континентального правительства и т.п.

В-третьих, какие геостратегические цели может преследовать новая регионализация: обеспечить центральноевропейскую безопасность посредством членства в ЕС и НАТО и усиления внутрорегионального сотрудничества, отгородившись за счет этого от нестабильного Востока, в первую очередь от России, или максимально использовать возможности взаимного сотрудничества для упрочения связей не только с западной частью континента, но также с РФ и другими государствами восточноевропейского региона.

Что касается первого вопроса, ответ на него по большей части дается в начальном из помеченных выше вариантов, т.е. центральноевропейская регионализация рассматривается в качестве вспомогательной. Особенно широко разделялась подобная позиция в начале 90-х годов. «Приоритет для всех сейчас – европейская интеграция, точнее говоря, установление максимально тесных экономических и политических отношений с развитой Западной Европой, – подчеркивал в 1993 г. премьер Чехии В. Клаус. – Для центральноевропейской интеграции после этого остается очень мало места. И недавние сложности с созданием зоны свободной торговли «Вишеградской группы» лишь подтверждают это»³⁸.

В. Клаус в данном случае упомянул о сложностях взаимного снижения таможенных пошлин на сельскохозяйственные и продовольственные товары, которое, подобно отмене ограничений на торговый обмен продукцией промышленности, предшествовало подписанию в Кракове (декабрь

1992 г.) соглашения о создании так называемой Центральноевропейской зоны свободной торговли. Как комментировал тогда это событие обозреватель одной из ведущих польских газет, «зона свободной торговли означает отмену пошлин и других препятствий, ограничивающих товарообмен. Но ее создание отнюдь не свидетельствует, что государства–участники отказываются от защиты своих интересов. А поскольку реальный социализм сформировал наши экономики так, что мы можем предложить друг другу почти одно и то же, переговоры были долгими. Тот факт, что последние ограничения должны исчезнуть только в 2001 г., наглядно демонстрирует масштабы трудностей»³⁹. А обозреватель другой газеты вообще усомнился в положительном влиянии создаваемой зоны на общеевропейскую интеграцию. «С одной стороны, – заметил этот публицист, – мозаику легче складывать из крупных кусков, а не из мелких. Однако, с другой стороны, чем прочнее группа связана внутри себя, тем труднее вмонтировать ее в состав другого целого. “Вишеградская группа” – это, конечно, хорошая идея сотрудничества в нашей части Европы, – резюмировал он. – Но из опыта следует, что у каждого из партнеров в центре внимания стоят свои проблемы, а региональное сотрудничество рассматривается в качестве второстепенного занятия»⁴⁰.

Встречается и такая аргументация в пользу первостепенности решения проблемы вступления в ЕС и НАТО и второстепенности развития взаимных связей, в том числе в рамках «Вишеградской группы», что якобы «более тесное сотрудничество четырех наиболее развитых центральноевропейских стран – участников этой группы является сознательной поддержкой нового разделения Европы, которое отдалило бы их от Запада»⁴¹. Адресность этих, мягко говоря, странных рассуждений не требует особых пояснений, они очень даже корреспондируются с позициями западного истеблишмента. «Мы начнем переговоры со странами, которые более подготовлены, – подчеркнул в докладе на сессии Европарламента 22 октября 1997 г. действующий председатель ЕС, премьер-министр Люксембурга Ж.-К. Юнкер. – Речь идет о двусторонних переговорах между ЕС и каждой отдельной страной-кандидатом. Никаких групповых переговоров не будет. Страны Центральной и Восточной Европы – это не группа, а независимые государства... Считать их группой – значит пользоваться советской логикой»⁴².

Одним словом, на преобладание в центральноевропейских странах представленной позиции оказывают немалое влияние взгляды западноевропейской научной и политической элиты, неизжитые еще прозападные иллюзии. Их носители рассматривают вступление в ЕС, а также в НАТО как «золотой ключик» в царство демократического и процветающего Запада. Дескать, экономика получит необходимые финансовые вливания, современ-

ные технологичные, новые профессии, жизненный уровень населения вырастет, оборонный потенциал модернизируется, национальная безопасность укрепитя. Бравурные звуки «марша на Запад» пока что заглушают голоса другой тональности, о которых уже упоминалось выше и которые делают акцент на самоценности внутрирегионального взаимодействия, способного, в частности, микшировать и те вполне вероятные негативные явления, которые могут быть следствием вступления в ЕС (рост безработицы, социальные конфликты и пр.).

Обратимся теперь ко второму вопросу, неизбежно возникающему в дискуссиях о новой регионализации центральноевропейских стран, когда начинают размышлять о перспективах этой регионализации, т.е. к вопросу о судьбах национального государства. Правда, существует позиция неприятия самого понятия национального государства. Так, немецкий политолог М. Лауэрман считает, что термин «национальное государство» (Nationalstaat) – это оксюморон (сочетание противоположных по значению слов – например, «живой труп»): обе его составляющие (Nation – нация, Staat – государство) перманентно отрицают друг друга – даже и в удавшихся национальных государствах, где, на первый взгляд, все спокойно; причем это происходит в обоих случаях – создаются ли национальные государства «государствообразующим народом» или же «народообразующим государством»⁴³.

Однако нет необходимости углубляться в понятийные дебри лингвистики или формальной логики, а можно только констатировать, что термин «национальное государство» и по сей день широко употребляется как в научной литературе, так и в практико-политическом обиходе. «Национальное государство, – пишет уже упоминавшийся Г. Тинка, – то самое европейское изобретение, без которого Европа не была бы такой, какой она является сегодня. С этнической точки зрения Старый континент – уникальное место, где сильно переплелись геополитические аспекты, регионализм и провинциализм. Лишь в XIX в. здесь определились критерии государства – не слишком большого, чтобы быть национальным, и не слишком малого, чтобы быть чисто этническим. Таким государством, несомненно, оказалось национальное государство. Этот критерий стал возможным благодаря политическому согласию большинства и меньшинства. Что касается легитимности современного государства, то она национальна по своей сути. Европа – это континент национальных государств»⁴⁴.

Далее этот румынский политик замечает, что «концепция “современного европеизма” появилась одновременно с концепцией национального государства. Европа породила индустриализм, демократию, на-

циональное государство, т.е. все то, что составляет современный мир. Конкуренция национальных государств оказалась реальным двигателем быстрого развития Европейского континента, равно как и всего мира»⁴⁵. Естественно, на вопрос о том, есть ли будущее у национального государства, Г. Тинка отвечает утвердительно, подчеркивая, что «гетерогенное государство-нация есть величайшее достижение и нельзя допустить его разрушения»⁴⁶.

Гетерогенное государство-нация в интерпретации Г. Тинки близко хабермасовской реальной нации граждан государства или современной демократической нации лондонского ученого-слависта Дж. Шёпфлина, который определяет ее как «совокупность взаимоотношений между государством, гражданским обществом и этносом... Короче говоря, – поясняет он свою мысль, – роль государства состоит в том, чтобы обеспечивать стабильность, предсказуемость и хорошее управление, роль гражданского общества – в том, чтобы выражать конфликты интересов и борьбу за власть в обществе, а роль этноса – в том, чтобы сохранять узы солидарности как выражения наивысшей общности, воспроизводить культуру и улаживать внутренние конфликты, одним словом – сплачивать общество»⁴⁷.

Остановившись на проблеме непростого соотношения этих трех важнейших составляющих любого современного национального государства, Дж. Шёпфлин подчеркивает, что применительно к центральноевропейскому региону «важно учитывать два ключевых фактора: коммунизм с беспрецедентной основательностью разрушил гражданское общество, процесс восстановления которого начиная с 1989 г. протекает медленно и болезненно. Этот процесс осложняется еще и тем обстоятельством, что крах коммунизма принес с собой не только распад идеологии, но и крушение коммунистического государства... Таким образом, – подытоживает автор, – посткоммунистические государства проводят чрезвычайно смелый исторический эксперимент: они пытаются одновременно построить и новое государство, и новое гражданское общество. Неудивительно, что в этом процессе на долю этноса выпала огромная по значимости роль, которая, однако, может осложнить осуществление всего проекта, поскольку становится ясно, что этнос, занимающий определенное место в общественном пространстве, сам по себе не в состоянии обеспечить стабильность, открытость власти и демократию»⁴⁸.

Констатируя в центральноевропейском регионе большую и далеко не всегда позитивную роль этнонационального фактора, Дж. Шёпфлин пишет, что «картина представляется, таким образом, мрачной, но отнюдь не безнадежной»⁴⁹. Не безнадежной в том смысле, что он усматривает все же шансы

на разрешение существующих этнонациональных противоречий, в том числе за счет укрепления демократических государственных структур, с одной стороны, и горизонтальных связей гражданского общества – с другой. Иными словами, сторонники этой позиции считают современное национальное государство еще не исчерпавшим свои возможности, тем более в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в которых оно, собственно, только десятилетие назад взяло старт развития в демократическом направлении после почти полувекового пребывания в коммуно-тоталитарных кандалах.

Однако дискуссия по данному вопросу обращена не к одним центрально- и восточноевропейским государствам. Вся Европа, по словам французского политолога Д. Мойзи, «переживает сложные времена, процесс объединения породил не только новые надежды, но и новые опасения. Национальная идея не умерла, наоборот, она переживает определенный ренессанс, выступая в качестве противовеса новым веяниям»⁵⁰. Генеральный секретарь Совета Европы К. Лалюмьер эту же мысль выразила в цитированной выше статье несколько по-иному, отметив, что «и страны Европейского сообщества также не избежали нового открытия идентичности, хотя эта проблема здесь намного менее острая, чем в остатках бывшей советской империи»⁵¹.

Многие ученые и общественные деятели Запада, кому небезыntenесны судьбы своей родины и всего Старого континента, затрагивают вопрос о том, есть ли у национального государства будущее или, учитывая усиливающийся процесс интернационализации, такого будущего не просматривается. Первую позицию можно проиллюстрировать мнениями видного немецкого политика, бывшего канцлера ФРГ Г. Шмидта, его соотечественника политолога Г. Симона, а также французского историка Г. Робена. «Если каждый человек, – подчеркнул Г. Шмидт в одном интервью, – нуждается в своем маленьком мире, в семье, в близких, то все мы нуждаемся в большом – в национальном государстве. Национальное государство поэтому нельзя заменить Европейским союзом, оно не станет ненужным, хотя и передало уже в ЕС определенную часть своей самостоятельности. И я считаю бредовыми заявления политиков о возникновении в будущем “европейской нации”»⁵².

Скептически отзывается по поводу заявлений о движении Западной Европы к «единой нации», «новой региональной модели демократии» Г. Симон, заметивший в статье «Россия: гегемония в Евразии?», что «новый виток наднациональной интеграции имеет своей предпосылкой консолидированные национальные государства» и что в восточноевропейском регионе

«непосредственный переход бывших мультинациональных образований в постнациональные интегрированные структуры в принципе невозможен»⁵³. Так же полагает и Г. Робен, который именует текущее десятилетие «миром наций», озабоченных защитой собственных интересов и решением собственных проблем. Призывая считаться с национальным эгоизмом, он пишет: «Сегодня на смену классическим войнам между государствами приходят внутренние конфликты и гражданские войны. Чтобы смягчить или урегулировать новые проблемы, следует усилить власть государств и наделить их дополнительными полномочиями и средствами для разрешения этих проблем. Что же касается различных международных организаций, то они должны лишь дополнять государства. Таким образом, – заключает автор, – проблемы будущего станут решаться на уровне государств, а не на региональном уровне, на котором можно решать только экономические вопросы»⁵⁴.

К сторонникам второй из названных выше позиций можно отнести председателя Социал-демократической партии Германии О. Лафонтена, профессора парижского Института политических исследований Ф. Моро Дефаржа, японского экономиста К. Омае. Так, О. Лафонтен в одной из своих статей указывает на тенденцию к «нарастанию реальной экономической девальвации национальных государств», к «глобализации экономики», которая «ведет также к глобализации социальных и экологических проблем». С помощью чисто национальной политики, полагает он, с вызовами, предъявляемыми глобализацией, справиться нельзя. «Мы действительно живем в “едином мире”, – подчеркивает Лафонтен. – Эпоха решений на национальном уровне прошла»⁵⁵.

Ф. Моро Дефарж высказывается несколько осторожнее. «К концу века, пишет он, – перед каждым государством встала проблема сочетания необходимости модернизации технико-экономической системы и сохранения традиционных ценностей, т.е. национальной идентичности»⁵⁶. Но и он склоняется в конечном счете к тому, что «эпоха “суверенных сущностей” – будь то индивиды или государства – агонизирует. Однако конец «абсолютного государства» (национального. – Ю.Н.) означает не наступление мира, а изменение форм насилия и столкновений. В этих условиях выживание человечества будет зависеть от новой политики и пересмотра ключевых концепций, прежде всего концепции государства»⁵⁷.

К. Омае и посвящает одну из своих работ пересмотру этой последней концепции, заявляя, что «государство–нация стало неестественной и даже нефункционирующей единицей для организации деятельности человека и управления экономическими усилиями в мире без границ. На глобальной

экономической карте появляются, – по его мнению, – так называемые “региональные государства”. Эти государства представляют собой естественные экономические зоны. Их границы определяются не политическими приказами, эти границы чертит искушая, но невидимая рука глобального свободного рынка товаров и услуг»⁵⁸.

Насчет «искусной, но невидимой руки свободного рынка» или монетаристских иллюзий во многих странах, в том числе и в бывших социалистических, весьма определенно высказался однажды ученый с мировым именем, почетный профессор экономики Гарвардского университета Дж. К. Гэлбрейт. Выступая в начале 1990 г. с лекцией в Эдинбурге, он заметил: «Те, кто говорит – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному рынку времен А. Смита, неправы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не смогло бы выжить. Наша жизнь смягчается и защищается правительством; для восточноевропейцев капитализм в его чистом виде был бы так же неприемлем, как он был бы неприемлем для нас»⁵⁹.

Это справедливое суждение патриарха американской экономической мысли заставляет, конечно, призадуматься над «революционными» с виду выводами о неестественности и нефункциональности современного государства–нации. Ведь на страже смягчения и защиты жизни населения любой страны и сегодня стоят прежде всего ее национально-государственные институты, а предложения о формировании «мирового правительства», концепция становления «региональных государств» и тому подобные проекты наднациональных структур – пока что по большей части не более чем проекты... Во всяком случае, отношение к подобным проектам в странах центральноевропейского региона весьма сдержанное. Подтверждением тому стала, например, встреча глав правительств Венгрии, Польши, Словакии, Словении и Чехии – участниц Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (ЦЕФТА), состоявшаяся 13–14 сентября 1996 г. в курортном городке Ясна в Низких Татрах. На этой встрече ставился вопрос о создании координационного центра ЦЕФТА, своего рода мини-штаба, но поддержан не был. Сохранившийся страх политико-хозяйственной бюрократии, хорошо помнящей практику СЭВ, помешал дать адекватный ответ на объективные требования углубления регионального сотрудничества. Договорились только о том, что, как и прежде, раз в году меняется председательствующий премьер, а координационную роль будут выполнять торговые представители, работающие при посольствах стран–членов ЦЕФТА. Следо-

вательно, недалеко еще ушли соответствующие государственные чины по пути осознания новой центральноевропейской идентичности и претворения этого осознания в конкретные дела, интеграционное экономическое взаимодействие прежде всего.

И, наконец, остановимся на последнем из трех обозначенных выше направлений идеологических баталий – вопросе о геостратегических целях новой регионализации. Безусловно, главная из подобных целей – обеспечение национальной и общеевропейской безопасности в нынешней обстановке краха биполярной системы времен «холодной войны». Эту обстановку профессор женеvского Института международных исследований К. Гастейгер характеризует следующим образом: «“Беззвучное исчезновение” (Das “geräuschlose Verschwinden”. – Ю.Н.) всемирно-политической реальности, которая как минимум с момента возникновения Советского Союза оказывала формирующее влияние на ход событий в Европе, было и остается невиданным событием, граничащим с чудом. Это событие, однако, оставило после себя сцену, населенную значительно большим количеством действующих лиц, вновь возродившихся и совсем новых, которые ни в коей мере пока не слились в способный к исполнению ансамбль. Тому, что сейчас понимается под “европейской безопасностью” трудно – если вообще возможно – дать определение»⁶⁰. В том же духе, кстати, высказался в беседе с корреспондентом ИТАР–ТАСС крупный французский специалист по геополитике П. Галлуа. «Раньше, – заметил он, – баланс сил поддерживался на существовании двух различных концепций общественного устройства. Наличие противоположного лагеря заставляло каждого из главных действующих лиц (США и СССР) принимать решения с оглядкой друг на друга. Однако впоследствии советское общество не выдержало сравнения в уровне жизни в глазах его членов. Распад СССР был драмой, которая оказала мощное воздействие на соотношение сил в мире. В определенном смысле, – подчеркнул Галлуа, – распад Советского Союза и объединение Германии оказали большее потрясение на международную ситуацию, чем поражение нацистского рейха во второй мировой войне, ибо повлекли за собой коренное изменение равновесия сил»⁶¹.

В подобной ситуации, по мнению многих государственных деятелей и научных работников центральноевропейских стран, «потенциальную угрозу для европейской безопасности представляют все нынешние европейские политические субъекты, но первое место в этом ряду принадлежит России»⁶². Чешский ученый П. Робейзек (живущий и работающий в настоящее время в Германии), слова которого приведены как характерные для умонастроений немалой части центральноевропейской элиты, полагает, что внеш-

неполитические цели России продолжают формироваться в контексте таких понятий, как «господство» и «влияние». Поэтому он считает неоспоримым, что бывшие восточноевропейские социалистические государства представляют собой «зону риска» и что страховочным механизмом для них может быть только членство в ЕС и НАТО. «Всякое ослабление влияния в регионе западноевропейской ориентации, – заключает Робейзек, – было бы усилением влияния России и прямым уроном для общеевропейской безопасности»⁶³.

Легко заметить, что при таком подходе разведятся по разным сторонам понятия общеевропейской безопасности и влияния России. Последнюю больше не намерены «пускать в Европу» для создания там каких-либо геополитических зацепок. «Безоговорочный уход России со своего создававшегося на протяжении столетий форпоста в Центральной Европе, – пишет бывший заместитель министра обороны Польши П. Грудзинский, – равнозначен разрушению российской геополитической позиции в Европе. Моя страна, – горделиво уточняет он, – по праву считается одним из активнейших внешних факторов, способствовавших устранению зоны российского влияния в Центральной Европе»⁶⁴.

Одним словом, в полном ходу и в центральноевропейских странах, и во многих других «изобретенный» для России и других стран СНГ термин Евразия, который противопоставляется Европе с восточными границами по Нарве, Бугу и Пруту. Так, глава правительства земли Саксония К. Биденкопф на вопрос, где следует провести внешнюю границу Европейского союза, без запинки ответил: «Несомненно, по реке Буг, по восточной границе Польши. Там заканчивается западная, латинская Европа, весьма отличающаяся при всей своей многоликости от Европы византийской»⁶⁵. Известна и позиция бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, считающего, что «современная Европа должна строиться к западу от границ бывшего СССР, а уж потом можно развивать плодотворные отношения с тем новым образованием, которое его заменит»⁶⁶. Разъясняя в одной из газетных публикаций политический смысл этой своей позиции, Киссинджер подчеркнул, что «Россия находится в Европе, но не принадлежит к ней; она граничит с Азией, Центральной Азией и Ближним Востоком и проводит на этих границах политику, которую трудно согласовать с целями НАТО»⁶⁷.

Выходит, что истинно европейские страны – это только те, кто участвует в ЕС и НАТО или по крайней мере разделяет цели этих альянсов, стремясь стать их членом. Это, конечно, весьма своеобразное определение современной Европы, если не сказать более, но именно оно широко поддерживается в центральноевропейских странах, поставивших главной задачей

ближайших лет присоединение к евро- и атлантическим международным структурам.

Сквозь призму решения этой главной задачи истеблишмент центральноевропейских государств рассматривает и проблему новой регионализации. Например, Я. Шедивы, назначенный министром иностранных дел ЧР в ноябре 1997 г., в одном из первых своих интервью назвал сугубо приоритетным внимание МИД к структурам НАТО и ЕС. Затем добавил: «Особое значение для Праги также приобретает ныне зона между Россией и линией будущей границы НАТО. Мы не должны упускать из виду находящиеся там страны. Этого требуют наши национальные интересы. А экономические интересы республики, в свою очередь, требуют усилить внимание к региональным объединениям государств. Прежде всего это касается стран Центральной Европы и создаваемой ими зоны свободной торговли. Здесь Прага рассчитывает на максимальную интенсификацию сотрудничества с Польшей, Словакией, Венгрией, Австрией и Словенией. Эта задача в чешском МИДе воспринимается как один из факторов объединения Старого континента»⁶⁸.

Не случайно в этой министерской ранжировке задач чешского МИДа о России упоминается только вскользь, никакая перспектива отношений с нею не прочерчивается. С помощью членства в НАТО и развития связей со странами зоны между РФ и линией будущей границы этого блока, а также за счет интенсификации взаимного сотрудничества Чехия, как и другие государства центральноевропейского региона, думает завершить процесс десятилетнего стремления геополитически отгородиться от России, оставив проходы, образно говоря, лишь для официальной дипломатии да необходимого торгово-экономического обмена.

В более широком теоретико-идеологическом контексте подобный подход – отражение такого, по словам Д. Мойзи, «болезненного вопроса для европейского самосознания, как кризис самоидентификации. Что такое Европа, какие у нее границы, что включает в себя понятие европеец? Восточная Европа – это современная Европа или нет? А как сопрягается с понятием Европа Россия? Является ли она европейской составной частью или это, хотя и родственный, но все же отдельный континент?»⁶⁹

В посткоммунистическом пространстве на озвученные французским политологом вопросы даются нередко именно те европоцентристского плана ответы, о которых уже шла речь. Их обобщенная суть могла бы быть выражена словами польского политика Я. Онышкевича, который на одном из международных «круглых столов» заявил, что «Польша, другие страны Центральной и Восточной Европы, государства Балтии сознают себя частью

Запада и намеренно подчеркивают разделительную линию между собой и Россией. Поэтому в европейских кругах различают географическое и политическое понятие Европы»⁷⁰. Как говорится, это мы уже проходили, в частности, останавливаясь выше на позиции Г. Киссинджера.

Однако существует, конечно, и другая позиция. В своем выступлении 1 декабря 1997 г. на приеме для дипкорпуса канцлер ФРГ Г. Коль (теперь уже бывший) сделал особый акцент на том, что Европа «не заканчивается на восточной границе Польши» и что «Россия принадлежит к Европе в историческом и культурном смысле»⁷¹. Профессор международных отношений Джорджтаунского университета Ч. Капчен, разбирая в одной из публикаций концепцию строительства новой Европы, заметил, что это строительство «без России с точки зрения стратегии бессмысленно. Стабильность Европы в предстоящие десятилетия будет зависеть от того, как Россия употребит свою мощь»⁷². Видные западные политологи Дж. Спиро и Ф. Умбах подчеркнули в совместной монографии, что «истинная европейская безопасность и стабильность могут быть созданы только вместе с Россией, но не против нее»⁷³.

Разумеется, и в центральноевропейских странах эта вторая позиция имеет своих приверженцев. Скажем, А. Силади, научный сотрудник университета им. Этвеша (Будапешт) весьма критически отзывается о тех, кто постоянно трубит о российской нестабильности и ее угрозе для Центральной Европы. «Новая Россия, – пишет он, – не претендует на Центральную Европу как на свое военное пространство, не включает ее в сферу своих интересов, не претендует на нее как на сферу своего влияния»⁷⁴. Прагматизм новой России – большого европейского государства и прагматизм суверенной Венгрии – «малого государства», отмечает Силади, прекрасно уживаются друг с другом, венгры и русские быстро и легко договариваются на «языке интересов». Россияне, заключает он, вполне удовлетворятся, если Центральная Европа в качестве самостоятельного региона «останется на своем месте», а все ее национально-государственные субъекты составят «зону добрососедства», т.е. окажутся и во взаимных связях, и по отношению к РФ «предсказуемыми, стабильными и практичными партнерами»⁷⁵.

С таким пониманием нашим венгерским коллегой существа европейской политики РФ можно вполне согласиться. Но, к сожалению, эта позиция имеет в центральноевропейских странах значительно меньше сторонников, чем та, которая условно названа выше европоцентристской. Объяснение такому положению надо, видимо, искать прежде всего в специфике переходного периода от коммунистической системы к демократии, занявшего практически все 90-е годы. «Расчет с коммунизмом», привнесенным в реги-

он, что называется, на штыках Красной Армии, не мог не обернуться повсеместным ростом антисоветских, русофобских настроений. Эти настроения деформируют в настоящее время сознание и психологию всех слоев населения центральнойвропейских стран, затрагивая, следовательно, властные структуры, сказываясь на проведении внутри- и внешнеполитического курса⁷⁶.

И если «посткоммунистический период – это только открытие ворот, из которых можно пойти многими путями»⁷⁷, то не исключен, естественно, и националистический путь, хотя бы в качестве реакции на инициировавшиеся долгие годы из-за рубежа процессы советизации и сателлизации. Переосмысление не оправдавших себя ценностей социалистического содружества и поиски новой региональной идентичности тесно связаны с проблемой национализма, хотя, конечно, нельзя без оговорок принять утверждение, что «идет освобождение от диктаторского политического и экономического господства реального социализма в основном в форме национализма, т.е. путем возвращения к национальному государству – и, по-видимому, так и должно было произойти»⁷⁸.

Одно дело – притязания народов на право самоопределения, их решительное «нет» иностранному диктату. В этом смысле крушение федерализма в Центральной и Восточной Европе и возвращение к национализму, национальной идее в форме прежде всего национального государства есть очевидный факт, против которого было бы неуместно возражать. Но совсем другое дело – шовинистический национализм, паразитирующий на процессе национального возрождения. Такого рода национализм, как отмечал еще В. С. Соловьев, «тоже факт на манер чумы или сифилиса. Смертоносность сего факта особенно стала чувствительна в настоящее время, и противодействие ему вполне своевременно и уместно»⁷⁹.

Добавить к этим словам выдающегося русского мыслителя можно разве только то, что противодействие различным формам шовинистического национализма сейчас, в конце XX в., не менее своевременно и уместно, чем в конце предыдущего, когда они были высказаны. Своевременно, чтобы не допустить превращения в политико-идеологическую доминанту внутриобщественного и регионального развития шовинистических настроений и устремлений, чтобы не дать последним превратиться в тормоз демократической эмансипации центральнойвропейских народов. Подчеркнем в заключение также значимость противоречия между необходимостью интернационального подхода к решению многих вопросов современности и немалыми сомнениями граждан, озабоченных сохранением своей национальной или региональной самобытности. Именно это противоречие Ф. Миттеран в своем

последнем интервью назвал самым острым для ближайших десятилетий, указав тем самым, кстати, на одно из актуальных направлений дальнейшего научного поиска.

Примечания

- ¹ Цит по: Проблемы новой региональной идентичности центральноевропейских стран («Круглый стол») // Славяноведение. 1997. № 3. С.3.
- ² *Плетц фон Х.-Ф.* Перспективы безопасности Европы // Компас (ИТАР-ТАСС). 1998. № 12. С.30.
- ³ Подробнее см.: Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.
- ⁴ *Бескромный В.* К отношениям с Венгрией // Вести Европы (ИТАР-ТАСС). 1993. 30 июня. С.22.
- ⁵ *Зиль В.* Обращение к участникам конференции // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С.8.
- ⁶ *Prací (Bratislava).* 1993. 29. VI.
- ⁷ *Tinca G.* Building the New Europe: A Romanian point of view on the Minority-Majority issue // The Romanian journal of international affairs (Bucharest). 1995. Vol.1-2. P.29.
- ⁸ *Лаурова Л.Ф.* Сотрудничество стран социализма и развитие духовной культуры социалистического общества. Киев, 1984. С.153.
- ⁹ *Еремичина В.М.* Закономерности развития мировой социалистической системы как выражение единства национального и интернационального. М., 1981. С.77.
- ¹⁰ *Lalumière C.* The Council of Europe's place in the new European architecture // NATO review (Brussels). 1992. Vol. 40. N 5. P.8.
- ¹¹ *Wolff-Powęska A.* Die Zugehörigkeiten von Minderheiten // Internationale Politik (Bonn). 1997. Jg.52. N 10. S.26.
- ¹² *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1995. С.29.
- ¹³ *Mroz J.E.* Russia and Eastern Europe: Will the West let them tail? // Foreign Affairs (New York). 1992/1993. Vol. 72. N 1. P.51.
- ¹⁴ *Wolff-Powęska A.* Op.cit. S.26-27.
- ¹⁵ *Brzezinski Zb.* For Eastern Europe, a \$ 25 Billion Aid Package // The New York Times. 1990. 7.III. P.A 25.
- ¹⁶ The Newday (New York). 1990.25.V.
- ¹⁷ *Brzezinski Zb.* Europe's cold dawn of reality // The Guardian. London. Manchester. 1990. 7.VI. P.19.
- ¹⁸ См.: *Новопашин Ю.С.* Новая региональная идентичность центральноевропейских стран как научная проблема // Славяноведение. 1999. № 3. С.15-29; Проблемы новой региональной идентичности центральноевропейских стран («Круглый стол»)... С.22-24.
- ¹⁹ *Wolff-Powęska A.* Op.cit. S.25.
- ²⁰ Цит. по: *Жирнихин С.* Интервью Б.Кадара // Вести Европы. 1992. 12 нояб. С.7-8
- ²¹ *Klaus V.* Poznámky k středoevropské politice // Český deník (Praha). 1993.20.I. S.1.
- ²² *Жирнихин С.* Указ. соч. С.8-9.
- ²³ Интервью президента И.Илиеску // Вести Европы. 1993. 29 янв. С.17.
- ²⁴ Slovenská Republika (Bratislava). 1996. 10.I.

- ²⁵ *Миллер А.* Об истории концепции «Центральная Европа» // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996. С.21.
- ²⁶ *Орлик И.* Центрально-Восточная Европа между Россией и Западом // Вестник научной информации (ИМЭПИ РАН). 1997. № 5. С.5.
- ²⁷ *Молчанов М.* Украина и Россия: особенности внешней политики // Украина и Россия: общества и государства. М., 1997. Вып.1. С.350–351.
- ²⁸ *Klaus V.* Op. cit. S.1, 13.
- ²⁹ The Wall Street Journal (New York). 1997. 1.XII.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Интервью президента И.Илнеску... С.17.
- ³² *Stonica română* (București). 1995. 16.VI.
- ³³ См.: Les investissements directs étrangers en Europe de l'Est // Economie et statistique (Paris). 1994. № 279/280. P.138.
- ³⁴ *Робеизек П.* Опасность нового раскола Европы // Компас. 1997. № 17. С.21.
- ³⁵ The Financial Times (London). 1997. 17.IV.
- ³⁶ См., напр., обзор: Положение в Центральной и Восточной Европе // Компас. 1996. № 52. С.63.
- ³⁷ *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России. М., 1958. С.119.
- ³⁸ *Klaus V.* Op. cit. S.1.
- ³⁹ *Życie Warszawy*. 1992. 27.XII.
- ⁴⁰ *Sztandar młodych* (Warszawa). 1992. 27.XII.
- ⁴¹ *Lidové noviny* (Praha). 1994. 23.IX.
- ⁴² Цит. по: *Минеев А.* Европейский союз смотрит на Восток // Компас. 1997. № 46. С.4.
- ⁴³ См.: *Lauermann M.* Der Nationalstaat – Ein Oxymoron // Demokratie, Verfassung und Nation: Die politische Integration mod. Baden-Baden, 1994. S.33–51.
- ⁴⁴ *Tinca G.* Op.cit. P.30.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ Ibid. P.32.
- ⁴⁷ *Schöpflin G.* Das Verhältnis von Staat, Zivilgesellschaft und Ethnie // Internationale Politik. 1997. Jg.52. № 10. S.5.
- ⁴⁸ Ibid. S. 6.
- ⁴⁹ Ibid. S. 9.
- ⁵⁰ Цит. по: *Гурвич В.* Национальная идея – идея общечеловеческая // Проблемы национализма в Европе. М., 1996. С.66.
- ⁵¹ *Lafumière C.* Op.cit. P.8.
- ⁵² *Berliner Morgenpost*. 1996. 25.XI.
- ⁵³ *Simon G.* Russland: Hegemon in Eurasien? // Berliner des Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Köln). 1994. № 6. S.44.
- ⁵⁴ Цит. по: *Maisonneuve E.de la.* Les clés d'un monde bouleversé // Futuribles (Paris). 1995. № 119. P.79.
- ⁵⁵ *Лафонтен О.* Вызовы на пороге нового тысячелетия // Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Вып. I. М., 1998. С.60–62.
- ⁵⁶ *Moreau Defarges Ph.* Relations internationales. Questions mondiales. Paris. 1994. Vol. 2. P. 99.
- ⁵⁷ Ibid. P. 240.
- ⁵⁸ *Ohmae K.* The Rise of the Region State // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 2. P. 79.
- ⁵⁹ *Galbraith J.K.* Why the Right is wrong? // The Guardian. 1990. 26.I. P.3.

- ⁶⁰ *Gasteyer C. Neue Konturen europäischer Sicherheit // Internationale Politik. 1996. Jg. 51. N 12. S.21.*
- ⁶¹ Цит. по: *Калмыков М. Советник Шарля де Голля: Россия необходимо обрести свое место в международной политике // Вести Европы. 1995. 21 сент. С.7.*
- ⁶² *Robejsek P. Současný stav evropské bezpečnosti // Mezinárodní vztahy (Praha). 1995. С.3. S.99.*
- ⁶³ *Ibid. S.104.*
- ⁶⁴ *Grudzinski P. Polen und Russland. Polnische Befürchtungen und Erwartungen // Internationale Politik. 1997. Jg. 52. N 1. S.47.*
- ⁶⁵ Цит. по: *Кеворков В. Место России в европейском доме – взгляд из Бонна // Вести Европы. 1995. 12.1. С.5.*
- ⁶⁶ *Kissinger H. Réflexions sur un nouvel ordre mondial // Politique internationale (Paris). 1991/1992. N 54. P.137.*
- ⁶⁷ *The Washington Post. 1997. 17.1.*
- ⁶⁸ *Lidové noviny. 1997. 21.XI.*
- ⁶⁹ Цит. по: *Гурвич В. Указ. соч. С.66–67.*
- ⁷⁰ Цит. по: *Минеев А. На западе дискутируется вопрос, где проходит восточная граница Европы // Пульс планеты. 1997. 7.X. С.5.*
- ⁷¹ Цит. по: *Артюшин О. Канцлер Коль выступил на приеме для глав диппредставительств // Пульс планеты. 1997. 2.XII. С.7.*
- ⁷² *The Washington Post. 1997. 8.IX.*
- ⁷³ *Spero J., Umbach F. NATO' security challenge to the East and the American-German geostrategic partnership in Europe. Köln. 1994. P.13.*
- ⁷⁴ *Силади А. Венгрия – глазами Восточной Европы // Баланс. Правительство Венгерской Республики. 1990–1994. С.467.*
- ⁷⁵ Там же. С.468–469.
- ⁷⁶ Подробнее об этом см.: *Новопашин Ю.С. Об антисоветизме и русофобии в послевоенной Восточной Европе: к постановке проблемы // Славяноведение. 1998. № 1. С.3–10.*
- ⁷⁷ *Richard A. Stare i nowe instytucje życia politycznego // Polacy 90: Konflikty i zmiana. Warszawa, 1991. S.60.*
- ⁷⁸ *Тирзе В. Размышления о будущем левых в Германии // Социал-демократия в Европе на пороге XXI века... С.126.*
- ⁷⁹ *Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т.1. С.9–10.*

**РЕГИОН «ДОГОНЯЮЩЕЙ» МОДЕРНИЗАЦИИ:
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ**

Вторая половина нынешнего столетия принесла в жизнь европейских народов бурные перемены. Потрясения, ставшие переломными не для одного поколения жителей центральноевропейского региона, предопределили очертания мировой истории прошедшего полувека. Этот период вмещает в себя два кардинальных сдвига в геополитическом положении группы стран, расположенных в центральной и юго-восточной частях континента. Вхождение в мировую социалистическую систему и «возвращение в Европу» было идейным оформлением смены доминирующих внешнеполитических ориентиров их развития. Тем не менее можно говорить об объективном существовании в рассматриваемый период определенной идентичности исторических судеб этой группы стран, которые после второй мировой войны вплоть до настоящего времени идут параллельными курсами радикального реформирования. Объединяющим началом на протяжении обоих этапов послевоенной истории оставалась политика и идеология ускоренной модернизации.

«Догоняющая» или «запаздывающая» (иначе – неорганичная, вторичная) модернизация – это путь национального ускорения, когда в результате социального напряжения страна в форсированном порядке пытается повторить этапы развития, пройденные в течение нескольких столетий Западом.

Как идеология будущего модернизация декларирует перспективу значительного улучшения жизни и побуждает людей менять свое поведение и самих себя ради осуществления ее целей. Выдвигавшиеся властью идеи строительства социализма на одном этапе и перехода к рынку и демократии – на другом способствовали консолидации различных групп общества. Так было в условиях двух радикальных переломов, произошедших в СССР после 1917 и после 1991 гг., а в странах центральноевропейского региона – после 1948 и после 1989 гг.

Гигантские социальные трансформации в странах региона во второй половине XX в. стали результатом последовательного включения их в сферу сначала советского, а затем западного влияния. Полная смена внешнеполитического курса на рубеже 80-х и 90-х годов произошла на фоне относительного постоянства важнейших целей и способов осуществления политики модернизации. Сопутствующая ей антизападная, а затем прозападная риторика модернизаторов имела одного и того же адресата. От копирования отдельных сторон жизнедеятельности Запада в рамках «соревнования двух систем» был совершен лишь переход к прямому заимствованию его моделей – «шведской», «западногерманской», «американской».

1. Социалистический этап модернизации

По существу социалистический этап «перехода к современности» заложил массовые основы последующего «вхождения в Запад». Речь идет прежде всего о коренном преобразовании социальной структуры восточноевропейского общества, его культуры. Социализм создал одну из наиболее радикальных идеологий модернизации – разрыв с традиционно-культурным наследием. Он вступил на историческую сцену с двумя великими целями, пробудившими массовую энергию и ожидания достижения принципиально нового типа демократии и установления экономических отношений равенства и всеобщего благосостояния¹. Ключевым и первоочередным пунктом социалистического проекта модернизации явилась индустриализация. Форсированный промышленный рост рассматривался как предпосылка последующей урбанизации и всеобщего повышения уровня образования. Крестьянство и ремесленничество – социальная основа традиционализма и препятствие «общественного прогресса» – обрекались социализмом на полное исчезновение в ходе индустриального подъема и коллективизации сельского хозяйства.

Системная трансформация конца 40–50-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы осуществлялась по советскому образцу. Центральным ее пунктом были «первые пятилетки», радикально изменившие облик «сельскохозяйственной половины» континента. В аграрном секторе стран региона (кроме ГДР и Чехословакии) на «старте» трансформации было занято большинство населения: от свыше половины в Венгрии до 95% в Албании.

Строительство «основ социализма» конца 40–50-х годов – время наибольшей социальной открытости восточноевропейского общества. Происходившая в этот период форсированная индустриализация сопровождалась резким ростом занятости и открытием широких каналов социально-

профессиональной мобильности, преимущественно восходящей. Темпы промышленного роста были таковы, что страны с преобладанием крестьянского и сельского населения в течение двух–трех пятилеток стали преимущественно «рабочими». Наиболее амбициозные, предприимчивые, талантливые люди рекрутировались политическим режимом для реализации ответственных задач общественного развития через систему высшего образования. Численность интеллигенции и госслужащих значительно выросла уже в годы индустриализации. «Спрос» на них выходил далеко за пределы довоенного слоя потомственной интеллигенции.

Традиционная для восточноевропейского общества трактовка «отсталости» как проблемы не только и даже не столько экономической, сколько культурно-образовательной преобладала и в послевоенный период.

Открытие компартиями доступа к образованию всех уровней, включая высший, при непопулярности рабочих профессий сформировало массовую ориентацию на обучение в вузах как обеспечение «пути наверх». Образованность ассоциировалась в сознании людей с городским стилем жизни, стимулируя утверждение определенных социокультурных стандартов «продвинутой», которые получили особенно широкое распространение среди молодежи во время становления коммунистического режима в странах региона. Доступ к образованию не только открывал для нее возможности быстрой профессиональной карьеры, но и давал уверенность в реальности провозглашенных властью принципов всеобщего равенства, демонстрируя крушение социальных барьеров между городом и деревней, между привилегированными слоями населения и «простым народом».

В результате инициированной режимом массовой восходящей мобильности согласно данным опроса (1961 г.) польских мужчин, живущих в городах, по их самооценке, возрос статус 44% опрошенных². Они занимали более высокое положение, чем их отцы в том же возрасте, т.е. повысили свою квалификацию и образовательный уровень, перешли от физического труда к умственному и стали относиться к категории «социально-продвинутых». Даже в условиях снижения совокупных расходов государства на потребление в период «бума» инвестирования промышленности и строительства в 1950–1953 гг., когда в целом по региону уровень жизни населения снизился на 17–20%, представители новых социальных групп оценивали происходящее через призму собственного продвижения по ступеням общественной иерархии³.

Широко востребуемые в годы ускоренного промышленного роста инженеры были в первое послевоенное двадцатилетие наиболее преданными сторонниками политики модернизации, определяемой как строительство

«основ социализма», даже по сравнению с главной движущей силой этого процесса – рабочими. Последние, как показал польский социолог А. Малевский, в том же 1961 г. желали изменения существующего строя в сторону большего демократизма, подразумевая под ним последовательный эгалитаризм. Инженеры решительнее, чем рабочие, выступали и против частнособственнической модели общественного устройства как альтернативной социалистической⁴. Аналогичные результаты получили американские ученые А. Инкелес и Р. Бауэр. Проведенное ими в среде эмигрантов из СССР в 50-е годы исследование показало, что высокообразованная молодежь тех лет в наибольшей степени поддерживала существующий политический порядок⁵.

Вместе с тем, как установил А. Малевский, за увеличение разницы в заработках инженеры, вышедшие из рабочей среды, ратовали чаще, чем представители рабочего класса, а потомственные инженеры – соответственно чаще, чем маргиналы⁶. То есть неизбежно эгалитаризм терял свой радикализм и популярность у более «продвинутых» в социальном и экономическом отношении групп общества. У высокообразованных контингентов населения возникло противоречивое сочетание поддержки принципов всеобщего равенства, в том числе в оплате труда, с одной стороны, и желания быть все же «более равными» по сравнению с остальными – с другой. Это противоречие приобрело критический для общества характер двадцатилетие спустя, став массовым явлением лишь со второй сменой поколений периода социализма, когда политика и идеология модернизации потребовали радикального обновления. Первая же смена поколений эпохи интенсивных общественных преобразований, произошедшая в начале 60-х годов, сделала генерацию 30-х годов рождения преобладающей в структуре экономически активного населения, одновременно преобразив весь социокультурный облик восточноевропейского общества. Оно трансформировалось из аграрного или полуаграрного в индустриальное, характеризующееся преобладанием занятости населения в промышленности. Экономическая отсталость стран региона была ликвидирована, а процесс форсированной индустриализации в основном завершен.

Второй этап социалистической модернизации выдвинул на передний план задачи роста уже не общественного производства, а уровня потребления населения. Повышение качества жизни стало индикатором «цивилизационной продвинутости» восточноевропейского общества. Западноевропейские образцы потребления служат главным стимулом «догоняющего» развития стран региона. В этой связи ключевое значение в

трансформации их социального облика приобретают процессы урбанизации, формирования городского стиля жизни.

Ядро массовой основы второго этапа социалистической модернизации составило поколение 50-х годов рождения, или среднее. Прошедшее все институты социализации существующей общественной системы, оно отдавало одностороннее предпочтение нефизическим видам труда и рассматривало образование как «социальный эскалатор», обеспечивающий продвижение к более престижным и высокооплачиваемым постам. Уже на ранних этапах биографии этого поколения опыт старших, сформировавшийся в годы форсированного преодоления «отсталости» стран региона, оказывал на него сильное влияние.

Даже оставшиеся в стороне от процессов индустриализации жители села советовали детям отбросить «старые пути» и искать менее трудную и более благополучную, как они считали, жизнь в городе. Еще в начале 60-х годов в СССР, по данным В. Н. Шубкина, сельское население предпочитало физический труд умственному. Однако уже к 1970 г. в результате завершения процесса очередной смены поколений взгляды на этот вопрос в селе в корне переменялись⁷. Сложилась массовая основа урбанизации и остальных стран региона. Намерение молодежи 60–70-х годов покинуть село часто реализовывалось в стремлении выходцев из крестьянства к продолжению образования. Свыше 80% сельской молодежи Польши в 1965 г. собиралось после окончания неполной средней школы продолжить учебу⁸.

Еще большими были привлекательность «чистых рук и белого воротничка» для детей рабочих. В промышленных городах Румынии, например, с начала 70-х годов 87% учащихся ориентировались на получение высшего образования, т.е. на нерабочую карьеру, несмотря на преобладавшее в этой среде рабочее происхождение⁹. Вообще, чем ниже был уровень образования родителей, тем больше они ценили успехи своих детей в учебе¹⁰.

Наконец, быстро нарастала тенденция наследования социального статуса интеллигенции среди служащих. Численность их в 60-е годы уже достигла того предела, когда возможно простое межпоколенное замещение этих групп общества. Представители служащих давали очень высокую самооценку своему положению и стремились, чтобы дети достигли не меньшего, чем их собственный, уровня образования, обеспечивая потомству перспективы исключительно интеллектуального труда. В крупногородских, тем более столичных, кругах интеллигенции, сложившихся к тому времени в регионе, вузовское образование превратилось в семейную традицию.

Несмотря на рабоче-крестьянскую риторику властей, на рубеже 60-х и 70-х годов господствовало отношение к росту уровня образования как

универсальному механизму реализации самых далеко идущих жизненных планов. Исследования социологов разных стран однозначно фиксировали полное несоответствие структуры профессиональных склонностей молодежи и структуры действительных потребностей общества в квалифицированных кадрах. Имевшие устойчивую тенденцию к социальному выравниванию профессиональные намерения, особенно у девушек, явно опережали реальное экономическое и в целом общественное развитие стран региона. Среднее поколение формировалось там как потенциальный фактор грядущего кризиса системы социализма.

Уже интеллигенция поколения 30-х годов рождения, особенно потомственная, воспринимала свои заработки как неадекватные уровню ее подготовки. А чешские профессионалы – в условиях наиболее эгалитарной в регионе системы оплаты труда – считали себя обделенными по сравнению с коллегами не только на Западе, но и в соседних странах социалистического содружества. Недооценка квалифицированного труда в материальном выражении была в Чехословакии близка к мировому рекорду. Тем не менее исследование социального происхождения студентов чехословацких вузов в 1978 г. показало, что у большинства из них оба родителя принадлежали к категории служащих, причем «социально-перемещенных» на первом послевоенном этапе. А поскольку 62% представителей новой интеллигенции старшего поколения стали управленцами, неудивительно, что среди родителей студентов вузов конца 70-х годов «руководящие работники» в этой стране составили 40%¹¹.

Отсутствие в третьей четверти XX в. в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы иных, кроме образовательного, каналов восходящей мобильности и социальной самореализации, например через предпринимательскую деятельность, абсолютизировало роль высшей школы как по существу единственного доступного и законного пути к преуспеванию. В условиях тотального отрицания частного сектора высшее образование превращалось в своего рода форму собственности, важнейшую разновидность «капитала», обладание которым предопределяло положение личности в обществе. Элитарные слои восточноевропейских стран традиционно проявляли пренебрежительное отношение к частному предпринимательству, как и к приносящему прибыль крестьянскому труду. Наиболее притягательным в послевоенный период оставалось не соответствовавшее приоритетам развития материального производства гуманитарное образование.

Превращение образования, в том числе высшего, в поколении 50-х годов рождения в массовый феномен лишало его носителей характерного для старшего поколения ореола социальной исключительности. Тем не ме-

нее чувство элитарности интеллектуалов воспроизводилось в условиях постоянного сужения у молодежи второй половины 60–70-х годов перспектив реализации далеко идущих образовательных намерений, формировавшихся в равной мере у всех социальных групп населения не только в семье, но и в школе. В течение трех послевоенных десятилетий страны региона стремительно преодолели рубежи всеобщей грамотности, неполной средней школы и, наконец, в 70-е годы – всеобщего среднего образования. В 1976 г. впервые в истории СССР около 90% молодежи вступило в трудовую жизнь, имея полное среднее образование. Получавшие его формально могли претендовать на поступление в вуз, хотя в действительности относительно немногие оказывались среди поступивших. А еще в начале 60-х годов практически все выпускники средней школы могли поступить в высшую.

По мере увеличения охвата молодежи средним образованием шансы на продолжение его в стенах вуза, прежде всего для рабоче-крестьянской молодежи, закономерно сокращались. Путь к высшему образованию становился все более трудным: первая попытка сдачи экзаменов не приносила успеха каждому второму абитуриенту. Феномен повторных экзаменов в вуз получил в 70-е годы широчайшее распространение во всех странах региона. Сам факт поступления в вуз уже ассоциировался в массовом сознании с попаданием в привилегированную группу населения.

Свой социальный и экономический статус молодая интеллигенция среднего поколения соизмеряла со статусом гораздо менее многочисленных представителей этой группы старшего поколения. Высокообразованная молодежь ждала существенного «отрыва» в материальном положении и от всего остального населения, и от родителей. Запросы этой группы общества, выросшей в относительно обеспеченных семьях привилегированных родителей, было бы нелегко удовлетворить даже при благоприятной динамике экономической ситуации в регионе. Вместе с тем вхождение многочисленной молодой интеллигенции 50-х годов рождения в трудовую жизнь совпало с началом экономического спада в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Предпринимавшиеся коммунистами в период после завершения становления социалистического строя, т.е. с начала 60-х годов, попытки приблизить население своих государств к западным потребительским стандартам, оказались малоэффективными. Цели второго этапа социалистической модернизации фактически не были достигнуты.

Эта модернизация завершилась усилением уравнивательных тенденций в оплате работников различного уровня квалификации, в чем не последнюю роль сыграл рост доступности образования. Многократное увеличение количества инженерно-технических работников в период социализма пример-

но вдвое превышало рост численности рабочих. Необходимость повышения минимальных окладов была вызвана стремлением власти компенсировать непрестижные малоквалифицированные виды ручного труда, все еще достаточно широко распространенные в восточноевропейском обществе: скажем, в СССР и Болгарии свыше трети всех занятых составляли в конце 70-х годов работники доиндустриального типа¹². Одновременно почти заморожены были заработки технико-управленческого персонала, составлявшего основную часть молодых профессионалов с качественно более высоким уровнем потребительских стандартов и норм жизни, сопоставимых с западными. Так, в 1967 г. средние доходы специалистов с высшим образованием в Польше вдвое превышали доходы квалифицированных рабочих, в 1976 г. – в 1,7 раза, в 1980 г. – всего в 1,2 раза, в последующие годы практически выровнявшись¹³. В Советском Союзе зарплата наиболее высокообразованных работников вдвое превышала оклады промышленных рабочих в 1940 г., в 1960 г. – в полтора¹⁴. А в 1968–1978 гг. в нашей стране проявился даже эффект инверсии роста оплаты труда и уровня квалификации¹⁵. Относительное перепроизводство молодых специалистов, опережавшее потребности экономического развития стран региона, вынуждало их не только довольствоваться невысокими заработками, но и занимать должности, не соответствовавшие их подготовке и – главное – ожиданиям.

Итоговым результатом всей постсталинской эволюции в восточноевропейском регионе было постепенное снижение роли общественной жизни людей и увеличение – личной, а также производное от этого процесса изменение соотношения духовных и материальных ценностей в пользу последних. Приватизации общественной собственности 90-х годов предшествовала приватизация общественной жизни, прежде всего досуга людей, который в 70-е годы переживал повсеместный процесс «одомашнивания» и «индивидуализации». Семья в то десятилетие стала главной жизненной ценностью населения, резко потеснив ценности общественного служения¹⁶.

На рубеже 70-х и 80-х годов теряет стабильность иерархия привлекательности отдельных профессий, прежде строго адекватная иерархии уровней образования: повышается статус работников сферы обслуживания и понижается – ученых¹⁷. Вслед за этим падает притягательность и самого вузовского образования. Низшие точки этого падения приходятся на период триумфа интеллигенции, связанный с «бархатными» революциями конца 80 – начала 90-х годов. Предшествующая этим революциям девальвация ценности образования была «социокультурным эхом» абсолютизации ее в годы «большого скачка» 50-х.

Несколько десятилетий социалистической модернизации коренным образом видоизменили облик восточноевропейского общества в целом. Образованные горожане теперь повсеместно составляли не только его большинство, но и социокультурную доминанту. Сложилась ситуация кризиса прежней, рассчитанной на общество доиндустриального типа системы власти. Еще исследование, проведенное социологами Чехословакии в 1967 г., показало характерную для региона в целом картину, когда экономическая отсталость Словакии была уже преодолена, но сохранялась значительная неадекватность социокультурных характеристик чешского и словацкого населения: велики были различия в уровне образования и степени урбанизированности, в образе жизни и стандартах потребления двух наций¹⁸. Семидесятые годы «уравнивали» не только Чехию и Словакию, но и все остальные страны региона по степени их «цивилизационной продвинутости».

Анализ, предпринятый чехословацкими специалистами на заключительном этапе периода «нормализации» в 1984 г., выявил тождественность социальной структуры населения двух республик. Практически не осталось различий в распространенности городского стиля жизни и сложности выполняемого труда, его оплаты. Почти одинаковым было теперь и качество жилища, и участие в политической деятельности¹⁹. Однако главным итогом 70-х годов стало появление многочисленной словацкой интеллигенции: доля ее в социальной структуре населения превысила аналогичный показатель по Чехии. Перепись населения 1980 г. впервые зарегистрировала превышение доли экономически активного населения с высшим и полным средним образованием Словакии по сравнению с Чехией. Причем для первой стала характерной «полярная» структура образовательного потенциала с большей представленностью самых высоких и самых низких уровней образования при существенно меньшей, чем в Чехии, доле квалифицированных рабочих²⁰. В целом по региону чем ниже был уровень экономического развития страны, тем выше доля высокообразованных специалистов, с одной стороны, и занятых неквалифицированным физическим трудом – с другой. Такое сочетание особенно отличало СССР и Болгарию²¹.

Аналогичные чехословацким данные были получены группой отечественных этносоциологов. Еще в 1970 г. между советскими нациями существовали заметные социокультурные различия. К началу же 80-х годов даже для Советского Союза с его исходно глубокими цивилизационными перепадами между отдельными нациями дифференциация этносоциальных показателей оказалась уже относительно незначительной²². Городское население по численности повсеместно превысило сельское, а каждый четвертый работник был теперь связан с умственным трудом.

Сама логика модернизации, которой следовал коммунистический режим, вела к возрождению гражданского общества, усложнению его структуры, формированию негосударственного социально-субъектного начала. Уровень образования населения Восточной Европы, достигнув относительно высоких значений, перестал выполнять функцию основного инструмента обеспечения стабильности этого режима.

Базисные для общества социалистического типа лозунги общественного равенства начали сниматься с повестки дня. Материалы социологических опросов свидетельствуют, что осознание народом несоответствия идеалов социального равенства действительности нарастало параллельно девальвации ценности образования в обществе.

Уже с середины 60-х годов сокращалась зависимость между уровнем образования и уровнем жизни населения, все больше «ущемлявшая» статус его привилегированных слоев. К началу 80-х годов потерпели крах массовые представления о социальной справедливости, которые ассоциировались прежде всего с профессиональной принадлежностью и уровнем образования. Сложилось убеждение, что в действительности «нечестность» и «мошенничество» превратились в главные источники благосостояния²³. Отказ в легитимности группе людей, располагавших, как правило, одновременно и властью, и богатством, достиг наибольшей массовости в Польше в преддверии событий 1980 г.

Последний всплеск интереса к ценностям равенства и справедливости породило здесь движение «Солидарность», которое впоследствии было названо «лебединой песней польского романтизма». Эгалитарные лозунги, лежавшие в основе официальной идеологии социализма, в последний раз объединили интеллигенцию с рабочим классом, по существу завершив историю этих сформированных всем послевоенным развитием столпов общественного развития региона, как и альянса двух крупнейших социальных сил.

Поистине «тектоническую» подвижку структуры общества представлял распад на составные элементы достаточно уникального социального субъекта, сформированного соцмодернизацией, — массовой интеллигенции. Эта наиболее «продвинутая» часть общества и составила основу антиэгалитаристского движения. Например, сформировавшийся в Польше уже в первой половине 80-х годов отряд антиэгалитаристов имел явный перевес в среде высокообразованных контингентов населения и жителей крупных городов. Главным фактором, дифференцировавшим взгляды людей того десятилетия по проблемам наиболее общего характера — либерализация политической сферы, введение рыночных отношений, — был, как и следовало

ожидать, образовательный. Желание обладателей наиболее высокого социального статуса освободиться от государственной зависимости стимулировалось расширением властью спектра альтернативных источников доходов и быстрым снижением доли зарплаты в общей сумме доходов граждан. Преобладало не просто желание перейти на лучше оплачиваемую работу на предприятиях частного сектора экономики, а к тому же стремление «работать на себя», «быть хозяином своего труда». Предлагавшееся властью изменение статуса наемного работника на статус собственника усиливало тягу дипломированных специалистов к независимости и самореализации. Возможности удовлетворения ими своих материальных и духовных потребностей – теперь уже вне общественного сектора – связывались, конечно же, с высоким уровнем образования и квалификации, т.е. с «культурным капиталом».

Рыночные идеи, вышедшие из лона представлений о социальном равенстве и примате образовательного фактора, завоевывали умы «авангарда» общественного развития, сближая его с нарождавшимся слоем частных предпринимателей. Перспективы материального благосостояния при этом оценивались интеллигенцией гораздо выше, чем существующий уровень зарплаток, порождая уже забытые настроения повышенного оптимизма «социально-продвинутых» слоев общества. Эти настроения и составили важнейший идеологический капитал «бархатных» революций конца 80 – начала 90-х годов.

Таким образом, до начала 80-х годов в Центральной и Юго-Восточной Европе, как и в СССР, работали, хотя и с угасающей интенсивностью, механизмы социальной мобильности, цементировавшие общественную систему, особенно в первые два десятилетия ее существования. Однако на рубеже 70-х и 80-х годов эти же механизмы начали выступать в явно противоположной – дестабилизирующей общество – роли. Существовавшая в то время социально-политическая система достигла своего исторического предела, детерминированного невозможностью дальнейшего воспроизводства прежних условий управления государством со стороны коммунистической номенклатуры. Переход к новой системе общественных отношений вновь происходил под лозунгами модернизации и экономических реформ.

Фундамент коммунистического режима создала первая – мобилизационная – фаза социалистической модернизации, когда осуществился перевод стран региона в «экономический поток современного мира». На следующей фазе политической и экономической стагнации восточноевропейского общества главной целью режима оставалось удержание власти. Заключительная фаза соцмодернизации – реформаторская – продемонстриро-

вала исчерпанность программы этой модернизации, вызвав кризис всей системы так называемого нового общественного строя.

Модель соцмодернизации была построена на заимствовании опыта индустриальной фазы развития стран Запада. Постиндустриальная модернизация, активно развернувшаяся там после второй мировой войны, не была в достаточной степени концептуализирована и адаптирована к советскому типу общества. Стремление компартий следовать западным нормам потребления было очередной попыткой имитации чужого опыта, а не результатом поиска собственных путей создания жизнеспособного социального организма. В то же время это стремление объективно привело в конечном счете к снятию барьеров между двумя системами – не только политических, но и экономических, и духовных. Антикоммунистические события 1989–1991 гг., не опиравшиеся на организованное движение с последовательной идеологией, тем не менее, обозначили предел, с одной стороны, целой эре индустриализовавшегося восточноевропейского общества, а с другой – идейно-пропагандистскому противопоставлению капитализма и социализма, созданному революциями 1917 и 1948 гг.

2. Переход к либеральной модели модернизации

Социалистическая модернизация создала острова или анклав «современной» жизни, локализованные в крупных городах – промышленных и административных центрах. Высокообразованное городское индустриальное общество генерировало и принятие основных принципов социализма, и решительный отказ от них. В городах фокусировались социокультурные трансформации, составлявшие содержание обоих раундов «догоняющей» модернизации. Телевидение, стремительно внедрившееся в повседневную жизнь людей в 60–70-е годы, создало массового нетерпеливого реформатора, внимательно прислушивающегося к внешнему, прежде всего западному, миру.

Городской «авангард» общества, представленный интеллигенцией и квалифицированными рабочими, поддержал идеи и создавшей его социалистической модернизации, и уничтожившей этот авангард либерально-демократической модернизации. Социокультурная нестабильность, неукорененность «образованного класса» позволяла власти манипулировать им, эксплуатируя его веру в просветительство, общественный прогресс и превосходство западной цивилизации. Тяга к ним заставляла людей жертвовать собой «так долго и так много»²⁴. Эта тяга и составила стержень перестройки – предверия второй волны послевоенной восточноевропейской модернизации.

ции, которая происходила в социальной среде, сформировавшейся в годы ее первой волны.

Сокрушение основ предшествующего порядка и реализация преобразовательных проектов «с чистого листа» оставались важнейшим принципом обоих этапов-модернизирующей трансформации. Поэтому основным объектом воздействия коммунистического и либерального режимов, особенно на первоначальных – мобилизационных – фазах их становления, служила молодежь как традиционно наиболее чуткий камертон всех общественных изменений, предлагаемых властью инноваций.

Отстранение коммунистов от власти по преимуществу мирным, ненасильственным путем явилось символическим итогом интенсивных процессов трансформации массового сознания восточноевропейцев, начатых сверху и значительно ускоривших смену системы. Эти процессы нашли в литературе широкое освещение под названием психологической, моральной, тихой революции, или революции сознания. Трансформация в ходе этой революции системы ценностей, выработка ее новой парадигмы воздействовали на мировоззрение людей не менее радикально, чем в результате предшествующей социалистической революции. Революция сознания привела к обвалному крушению идеологии коммунизма и стремительному распаду социалистического лагеря. Пик гласности – 1989 г. явился и годом общественно-политических перемен в Восточной Европе. Они завершили разный по продолжительности процесс, отраженный в популярном лозунге того времени «Польша – 10 лет, Венгрия – 10 месяцев, ГДР – 10 недель, Чехословакия – 10 дней».

О нарастании антикоммунизма как массового явления свидетельствовали все опросы, начиная с 1987 г. Антикоммунизм явился «общим знаменателем» всех изменений, происходивших в то время в общественном сознании. Неприятие всего связанного с прежним режимом интегрировало общество – независимо и часто вопреки социально-классовым интересам отдельных групп. На этом фоне резко возрастает значение демографических факторов общественной дифференциации, прежде всего поколенческого.

Процесс смены поколений начала 80-х годов стал «закатом» генерации 30-х годов рождения, воплощавшей историю становления коммунистического режима в странах региона, т.е. времени, когда рабочий и служащий смотрели на мир глазами вчерашнего крестьянина, преодолевшего, казалось, извечный барьер между городом и селом, физическим и умственным трудом. Завершение соцмодернизации лишало второе поколение возможности социальной самореализации, аналогичной «отцовской». Это поколение пережило «ценностный шок» политики гласности. В сознании инженеров и

рабочих крупных предприятий, представлявших данную генерацию, зародился и развился процесс смены ценностей как основы перехода ко второму – либерально-демократическому – этапу послевоенной модернизации в регионе. Новый ее этап по сравнению с первым в гораздо большей степени подпадал под понятие «вестернизация».

Деидеологизация, характерная для заключительной фазы «социалистического строительства», в конце 80-х годов завершилась стремительным распространением воззрений о всесии рынка и цивилизованном Западе, его не только материальном, но и моральном превосходстве над «варварским» Востоком. Резко обострились потребительские ожидания центральноевропейцев, сформированные, но не реализованные вторым этапом социалистической модернизации. Многие поверили, что для повышения уровня жизни надо лишь ликвидировать политические препятствия экономической реформе. В результате нескольких лет контркультурной либеральной социализации диссидентством стала считаться не оппозиция социалистическим ценностям, а, напротив, приверженность им. Демократия превратилась в моду, как все западное. Сторонники же либерально-демократических ценностей, поддерживая идею свободного рынка, подразумевали в подтексте этой поддержки получение западного уровня жизни «здесь и сейчас»²⁵.

Поколение 50-х годов рождения явилось движущей силой революционных изменений 1989–1991 гг., инспирированных идеологической классикой конца XVIII – XIX в. – лозунгами свободы, демократии, конституционализма. Однако плодами этих изменений суждено было воспользоваться уже следующей генерации. Вестернизированное, ориентирующееся на ценности индивидуализма и утилитаризма, поколение 70-х годов рождения создало основу мобилизации всего общества на практическое осуществление «шоковой терапии» – аналога первых коммунистических пятилеток. В ходе этих радикальных реформ происходила послереволюционная консолидация новых политических режимов, менялись движущие силы и вся система передаточных механизмов, обеспечивающих действенность общественного устройства.

Перенасыщенная мифами, «конвульсивная» атмосфера первых лет политической трансформации и экономической либерализации, как и атмосфера героизма первых лет строительства социализма, предоставляла новой власти возможность осуществления тотальных по характеру перераспределительных процессов. Они сопровождались массивной атакой на уровень жизни населения. Спад потребления начала 90-х годов маскировался преимуществами нового времени – заполненностью товарами прилавков

магазинов, преобразившимся обликом городов. На заданный в 1989 г. в СССР вопрос о том, что убедит людей в реальности положительных сдвигов в обществе, наибольшее количество опрошенных – свыше половины – ответили: «прилавки, полные продуктов»²⁶. Аналогичный спад начала 50-х сопровождался резким ростом количества высоких должностных и профессиональных позиций в общественной иерархии, явлением массового «социального взлета». Утеря приобретенного социального статуса в результате изменения структуры общества в годы шоковой терапии была равносильна утрате собственности в годы ее обобществления компартиями.

Начало обоих этапов модернизации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы происходило в контексте военных разрушений или народнохозяйственного кризиса. В этой ситуации оптимистические ожидания по поводу перспектив экономического и политического развития становились основой поддержки нового режима, тем более проповедующего идею прогресса. Власть предоставляла людям возможность «покончить с прошлым» и давала веру в будущее. В 1991–1993 гг. в странах центральноевропейского региона 2 из 5 опрошенных давали положительную оценку бывшему коммунистическому режиму, 3 из 5 одобряли нынешний режим и 4 из 5 уповали на будущий общественный порядок через 5 лет²⁷.

Идеология второго этапа модернизации, провозгласившей своей целью «интеграцию с Западом», пользовалась массовой поддержкой населения лишь в первой половине 90-х годов. Наиболее продолжительный характер эта поддержка имела в чешском обществе. Для большинства чехов социализм ассоциировался с ухудшением во многих отношениях условий их существования по сравнению с межвоенным периодом, который был для них временем национальной либерализации, политической свободы и относительного экономического благополучия. Для остальных же наций послевоенные годы представлялись временем преодоления характерной для довоенного периода социальной дифференциации, безработицы, нищеты. Опросы 1995 г. свидетельствовали о том, что удовлетворенность развитием событий, все еще свойственную большинству чехов, не разделяли уже ни в одной из стран региона²⁸. Однако в Чешской Республике интересы модернизации были по-прежнему важнее процессов роста безработицы для 59% опрошенных; процессов закрытия предприятий – для 71%; процессов спада сельского хозяйства – для 53%²⁹.

Всеобщее единовременное и многократное повышение цен, с которого начались рыночные реформы, ударило по доминирующей социальной категории – работникам бюджетной сферы, т.е. госслужащим и рабочим. Они стали добровольными жертвами решительного отказа от двух важней-

ших достижений предшествующего этапа модернизации – всеобщей занятости и преимущественного развития промышленного производства.

На смену модели общественного развития, связанной с разрушением традиционного сельскохозяйственного уклада, приходит модель деградации теперь уже индустриального уклада. Корреляция социального статуса с уровнем образования, сложившаяся в 50-е годы, в этот период уступает место зависимости положения в обществе от величины денежных доходов. Начинают формироваться новые механизмы социального регулирования, адекватные стратегии очередного – «рыночного» – этапа «догоняющей» модернизации. В центральноевропейском обществе прочно утверждаются новые способы деятельности и мышления населения.

Индивидуальная предпринимательская деятельность пропагандировалась правящими структурами в качестве представленной антикоммунистическими революциями альтернативы исключительно наемному труду на государство. Предполагалось, что период первоначального накопления капитала, как в условиях западноевропейской модернизации, откроет перед каждым широкие перспективы роста материального благосостояния и самореализации в обществе равных возможностей. Около четверти взрослого населения в условиях «бума» коммерческого сектора выразило готовность стать предпринимателями, т.е. апробировать на себе предлагающуюся властью новую модель «ускоренной» социальной мобильности. Этот скачкообразный рост количества частных предпринимателей пришелся в странах региона на первые два послереволюционных года, оставаясь затем уже относительно стабильным. Одновременно резко упала численность потенциальных предпринимателей, реальный жизненный опыт которых раскрыл большинству иллюзорность их ожиданий быстрого обогащения. В отличие от генезиса западного капитализма бизнес-элита в центральноевропейском регионе, как правило, рекрутировалась «сверху», из числа руководителей предприятий прежнего режима. Уже в 1993–1995 гг., когда частный сектор вступает в фазу институализации и профессионализации, попытка попробовать заняться предпринимательской деятельностью оказалась на последнем месте среди вариантов решения проблемы безработицы³⁰.

С середины нынешнего десятилетия интенсифицируются процессы социальной дифференциации населения, а к концу его ускоряется кристаллизация новой социальной структуры общества и адекватного этой структуре типа культуры. Рабочий класс крупных промышленных предприятий и государственные служащие рассматриваются уже как рудиментарные образования общественной системы³¹. Реальностью сегодняшнего дня стало начало формирования в посткоммунистических странах социальной структуры

населения латиноамериканского типа. Специфику ее составляет малочисленность обладателей доходов среднего уровня. По оценкам специалистов, в Словакии, например, такая структура уже сформировалась, а в Чехии она существует пока как тенденция, которая может дать свои результаты в ближайшие годы. Это путь к упадку интеллектуального и социального уровней развития будущих поколений³². Уже сейчас в центральноевропейских странах доля людей, полагающих, что они сохранили свое положение неизменным, в группе с высшим образованием минимальна. Именно квалифицированные специалисты оказались захваченными процессами социальной дифференциации интенсивнее, чем остальные группы общества³³. А отсюда вполне понятно, почему, допустим, в Венгрии – лидере реформ в регионе – высокообразованные городские слои населения придерживаются по преимуществу «левой» политической ориентации³⁴.

На фоне уменьшения значимости прежнего профессионально-образовательного статуса возрастает роль факторов личностного характера, особенно индивидуальной мобильности психики, позволяющей быстро преодолеть период «шока» и пересмотреть, казалось, незыблемые ценности, чтобы включиться в новые экономические отношения. «В этих условиях, – пишет Ю. А. Левада, – на переднем плане общественной жизни оказался человек ловкий, ориентированный на ближайший успех и не связанный ни ценностями, ни социально-групповыми рамками ответственности»³⁵.

Вторым, вслед за революцией 1989 г., крупнейшим потрясением современной истории П. Штомпка называет драматический сдвиг в восприятии центральноевропейцами действительности буквально два года спустя после упомянутой революции. «Мрак 90-х пришел на смену радости 80-х»³⁶. Наступило время всеобщего пессимизма и неопределенности, возрастающего сомнения в цивилизационной миссии нового режима³⁷. Деполитизация была столь глубока, что всего 7% поляков через три года после отстранения коммунистов от власти хотели участвовать в общественной жизни, а 86% ждали «хороших правителей»³⁸. В России лишь 8% опрошенных предпочитало порядку демократию, не предоставившую, как ожидалось, ни материального благосостояния, ни «европейской цивилизованности»³⁹. Идентификация отдельных групп общества, в том числе и рабочих, с конкретными партиями практически сошла на нет во всех странах региона⁴⁰.

Истоки либеральной модернизации были связаны с известным «религиозным бумом» периода перестройки. Скажем, в Польше возврат к вере и церкви нарастал уже с середины 70-х годов, ускорившись после введения военного положения в самом начале следующего десятилетия.

В качестве проводника религиозного мировоззрения, как и атеизма в годы социалистической модернизации, выступали высокообразованные слои населения, молодежь, жители крупнейших городов, особенно столиц. Оттуда «прогрессивные идеи» – коммунистические и либеральные, атеистические и религиозные – распространялись в провинцию, постепенно охватывая «менее продвинутые» группы населения⁴¹. Если коммунистическая идеология утверждалась через атеизм, то антикоммунистическая – через религиозность. Однако «религиозный бум» оказался непродолжительным. Лишь короткое время ортодоксальные религии навевали аналогии о роли церкви в западном обществе, превращаясь в символы прогресса. В действительности же традиционные религии, прежде всего православие и католицизм, были несовместимы с обоими проектами модернизации. Революции 1989 г. приносят на смену ортодоксальной вере, значение которой, как и после социалистических революций, резко падает, квазирелигиозные мифологемы, соответствующие культуре формирующейся общественной системы либерально-рыночного типа. Особенно отчетливо проявился резкий спад влияния церкви опять же в Польше, где ее позиции всегда были весьма прочными. В 1989–1994 гг. доверие ей сократилось на треть (с 92 до 62% опрошенных). В этот период уменьшается частота посещения церкви, возрастает стремление игнорировать или минимизировать следование ее моральным предписаниям. Наибольший спад религиозных симпатий, как и следовало ожидать, регистрируется, в среде молодежи и интеллигенции⁴².

Отшатнувшееся от атеизма большинство населения оказалось преимущественно в стане «колеблющихся», т.е. людей без определенных мировоззренческих ориентаций, вероисповедания. В Чехии их доля возросла в 1991–1993 гг. с 49 до 60%⁴³. Массовую основу реформирования центрально-европейского общества составляют люди с аморфным, эклектичным сознанием. Их вера близка суеверию и обращена не столько к Богу, сколько к сверхъестественным силам. «Христианство без грани» действительно «современно» в силу своей универсальности и прозападной идеологической направленности.

Культура 90-х абсолютизирует ценности личного потребления, как культура периода индустриализации абсолютизировала идею служения высшим государственным интересам, трудовой аскезы и самоотверженности. Присущий периоду социалистической модернизации тип культуры сыграл роль, аналогичную роли протестантской трудовой этики в становлении западноевропейской цивилизации⁴⁴. Последующая либеральная модернизация лишила труд нравственно-религиозного подтекста, превратив его главным образом в средство удовлетворения потребительских нужд. Привер-

женность ценностям западной культуры и либерально-рыночный настрой тесно коррелировали с «колеблющимся», «неопределенным» типом сознания носителей «духовного вакуума». Стремительно девальвировались такие культурные ценности, как честность, исполнительность, обязательность, коллективизм, общественное признание, патриотизм, относившиеся к разряду традиционных. Приобщение к «более прогрессивной» культуре проявлялось главным образом в усилении морального релятивизма, особенно на начальном – наиболее свободном от юридических и нравственных норм – этапе перехода к рынку.

«Размывание» культурных основ центральноевропейского общества, происходившее по мере преодоления их трансформативных возможностей, сопровождалось возникновением нового типа культуры, решающая роль в котором принадлежала молодежи 90-х годов. Исходя из опыта социалистической модернизации, состоящего из двух поколенческих ступеней (контингенты 30-х и 50-х годов рождения), можно предположить, что доминирующим сформировавшийся в нынешнее десятилетие тип культуры станет в следующей генерации центральноевропейцев – у рожденных в 90-е годы.

Пока же количество приспособившихся к изменившимся условиям существования, по оценке социологов, достигло трети населения и прекратило дальнейший рост. Эту треть и идентифицируют с молодым поколением, не отягощенным опытом жизни в прежней системе. Л. Гордон связывает перспективы роста поддержки либерально-демократических режимов, в целом смену в центральноевропейских странах господствующего типа культуры со сменой поколений через полтора–два десятилетия. Тогда, считает он, перемены в обществе приобретут необратимый характер⁴⁵. Эта точка зрения перекликается с концепциями зарубежных политиков, которые свои надежды на то, что, например, в России современные «западники» одержат победу над современными «славянофилами», связывают именно с «биологическими факторами», т.е. исключительно с процессом замещения поколений⁴⁶.

Следует однако учитывать, что переживаемый регионом цикл реформ может оказаться и последним в силу исчерпанности столь расточительного для его человеческих и природных ресурсов способа политического и экономического развития. Нельзя ведь исключать и такого положения, что «догоняющая» модернизация, осуществлявшаяся долгое время в центральноевропейском регионе путем «революций сверху», будет в конце концов отринута народами этого политико-географического пространства как непосильная для них. Во всяком случае пока разрушение традиционного общества с адекватным ему ценностным строем не привело к образованию социо-

культурных порядков, действительно соответствующих парадигме современного общества⁴⁷.

Завершение очередного витка революционных перемен в Центральной Европе сопровождается формированием более объективной оценки их в массовом сознании. Даже среди чешского населения в середине 90-х годов постепенно возрастает неприятие процессов вестернизации, особенно через СМИ, увеличивается поддержка необходимости цензуры, к числу сторонников которой в 1995 г. принадлежала почти половина чешского населения. Уже всего 16% населения считало, что членство в ЕС принесет Чехии лишь выгоды⁴⁸.

Недавние исследования социологов показали, что в восприятии наших современников в Центральной Европе форсированное развитие 50-х годов действительно рассматривается во многих отношениях как трагедия. Однако лучшим периодом их жизни единодушно называются 80-е годы, непосредственно предшествовавшие следующему общественному перелому. Хотя в это предреволюционное десятилетие возросла дистанция, отделявшая их от Западной Европы, но в последние годы многие ощутили в своей жизни потерю по сравнению с тем периодом. Ведь за исключением Восточной Германии во всех центральноевропейских странах доля «выигравших» от трансформации общества рубежа 80–90-х годов не превышает сейчас 10–30%⁴⁹. Об этом свидетельствуют следующие данные опросов.

Лучший период в жизни семьи (%)

	Чехия	Польша	Венгрия	Словакия
Довоенный период	25	13	15	10
50-е годы	3	6	4	4
80-е годы	35	53	65	56
Сейчас	37	28	16	30
Всего	100	100	100	100

Худший период в жизни семьи (%)

	Чехия	Польша	Венгрия	Словакия
Довоенный период	36	37	29	41
50-е годы	37	23	33	23
80-е годы	6	6	3	4
Сейчас	21	34	35	32
Всего	100	100	100	100

Ferge S. The perils of the welfare state withdrawal//Social research. 1997. N 4. P. 1392.

В заключение подчеркнем еще раз, что в самой “ткани” процесса восточноевропейской модернизации прослеживается преемственность внешне взаимоотношающихся фаз общественного развития – коммунистической и антикоммунистической. Сталинизм быстро «индустриализовал, урбанизировал и образовал» Советский Союз и Восточную Европу⁵⁰. Разрушив систему традиционных социальных связей, он «открыл» человека к восприятию внешних культурных влияний. По оценке западных специалистов, на первом этапе восточноевропейской модернизации государства региона расставались с обществами традиционного типа, но их народы не оставляли свои традиции, копировались институты, но не «дух современности»⁵¹. Важнейшей целью общественного прогресса коммунисты считали создание однотипной социальной структуры различных народов. Демократы взялись за осуществление фундаментальной культурной трансформации центральноевропейского общества или за «модернизацию менталитета». Либерально-демократические реформы 90-х годов символизируют в данном случае «отвечающее на вызов Запада» переходное состояние «предсовременности»⁵².

Второй цикл модернизирующей трансформации преодолевает «невидимую стену в головах», которая отделяет восточноевропейцев от «мировой цивилизации»⁵³. На практике в роли последней выступает, как

правило, универсальная массовая культура, превращающаяся в инструмент контроля над странами «второй волны» модернизации со стороны «цивилизованного Запада». Массовая культура составляет альтернативу национально-культурной традиции, ликвидация которой завершает переход к «современности». В этих условиях население стран, еще недавно относившихся к социалистическому лагерю, сталкивается с необходимостью пересмотра собственной национальной идентичности⁵⁴.

Интерпретация «догоняющей» модернизации как перехода от социальной однородности наций к культурной близка предлагавшимся компартиями формулам о сближении наций и их последующем слиянии. Лишь центр наднационального единения сместился с востока на запад, продемонстрировав тождество процессов такого рода модернизации с вестернизацией. Осуществление радикальных проектов «догоняющей» модернизации сопровождалось двумя историческими сломами, накопленные результаты которых составляют сейчас социокультурную доминанту развития данной группы стран. Активное «социально-культурное перемешивание» постоянно противодействовало формированию гражданского общества с дифференцированными интересами отдельных его групп.

Процесс смены поколений имел решающее значение в политике форсированной модернизации, осуществлявшейся в бывшем СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы в послевоенный период. Поколенческие образования – сообщества традиционного типа – неизменно выдвигались на передний план цивилизаторских усилий реформаторов. Внутренняя структура этих образований оставалась полем для произвольных манипуляций политиков. Социальная модернизация 50-х и культурная 90-х превратила поколения 30-х и 70-х годов рождения в звенья единой цепи революционных преобразований, которые в течение полувека кардинально трансформировали саму природу центральноевропейского общества.

Примечания

¹ Видоевич З., Голенкова З.Т. Социальные конфликты в трансформирующихся обществах // Социологические исследования. 1997. № 12. С.125.

² Nowak St. Changes of social structure in social consciousness // The Polish sociological bulletin. (Warsawa). 1964. № 2.

³ Eastern Europe in the sixties. N.Y., 1963. P.87.

⁴ Malewski A. Attitudes of the employees from Warsaw enterprises toward the differentiation of wages and the social system in May 1958 // The Polish sociological bulletin. 1971. № 2.

⁵ Inkeles A., Bauer R. The soviet citizen: daily life in a totalitarian society. Cambridge. Mass. 1959. P.235–239, 254.

- ⁶ *Malewski A.* Attitudes of the employees... P.30.
- ⁷ *Шубкин В.Н.* Ценностные ориентации молодежи при выборе профессии. М., 1970. С.8.
- ⁸ Социальные проблемы труда и производства. М., Варшава, 1969. С.102.
- ⁹ *Connor W.* Socialism, politics and equality. N.Y., 1979. P.187.
- ¹⁰ *Koralewicz J.* Parental values and social stratification // *Sisyphus. Sociological studies.* Warszawa, 1987. Vol. IV. P.111.
- ¹¹ *Matejovsky A.* Sociální reprodukce inteligence v ČSSR // *Sociologický časopis (Praha).* 1980. № 1. S.20,24.
- ¹² Тенденции социального развития европейских социалистических стран. Киев, 1985. С.48.
- ¹³ Societal conflict and systemic change. The case of Poland. Warsaw, 1993. P.279.
- ¹⁴ *Филиппов Ф.П.* Школа и социальное развитие общества. М., 1990. С.51.
- ¹⁵ Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. М., 1991. С.19.
- ¹⁶ *Shlapentokch V.* Public and private life of the Soviet people. Changing values in post-Stalin Russia. N.Y., Oxford, 1989. P.164.
- ¹⁷ Социальные проблемы перехода от образования к труду (Международное сравнительное исследование). М., 1991. С.132; *Шубкин В.Н.* Система образования и воспроизводство новых элит // *Этика успеха.* 1994. № 3. С.185.
- ¹⁸ *Československá společnost.* Bratislava, 1969. S. 512.
- ¹⁹ *Machonin P.* Sociological evidence on historical development of Czech-Slovak relationships. Praha, 1994. P.9.
- ²⁰ *Vývoj společnosti ČSSR. Podle výsledku sčítání lidu, domů a bytu 1980. Č. 1.* Praha, 1985. S.119.
- ²¹ Тенденции социального развития европейских социалистических стран... С.103.
- ²² *Арутюнян Ю.В.* О некоторых тенденциях в изменении культурного облика наций // *Советская этнография.* 1973. № 4. С.11.
- ²³ *Koralewicz-Zebik J.* The perception of inequality in Poland 1956–1980//*Sociology.* (Oxford), 1984. Vol.18. № 2. P.233.
- ²⁴ *The Soviet world in flux: six essays.* Atlanta, 1966. P.21.
- ²⁵ *Cebulak W.* Social turmoil in post-socialist Eastern Europe – a revolution gone astray? // *East European quarterly.* (Boulder), 1997. Vol.31. № 1. P.114.
- ²⁶ *Рывкина П.В.* Между социализмом и рынком. М., 1994. С.107.
- ²⁷ *Роуз Р., Хангер Кр.* Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* М., 1996. № 4. С.15.
- ²⁸ *Pick O.* Transformation in Central Europe – the risk factor // *Crises policies in Eastern Europe.* Baden–Baden, 1996. P.46.
- ²⁹ *Tuček M.* Rozdílnost v souhrných postojích čechu a slováku k transformaci: skutečnost nebo metodický artefakt?//*Sociologia (Bratislava).* 1996. № 3. S.222.
- ³⁰ *Gatnar L.* Transformace a její modernizační prvky//*Sociologia (Bratislava).* 1996. N 4. S.301.
- ³¹ *Sztompka P.* Looking back: the year 1989 as a cultural and civilizational break // *Communist and post-communist studies.* (Los Angeles), 1996. Vol.29. № 2. P.123, 127.
- ³² *Potucek M., Radicova I.* Splitting the welfare state: the Czech and Slovak cases//*Social research.* (New York), 1997. Vol.64. N 4. P.1560.
- ³³ *Косова Л.* Социальные реформы и динамика изменения статусов // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* М., 1997. N 6. С.38.
- ³⁴ *Markowski R.* Political parties and ideological spaces in East Central Europe // *Communist and post-communist studies.* (Los Angeles) 1997. Vol.30. N 3. P.237.

- ³⁵ *Левада Ю.А.* Возвращаясь к проблеме социальной элиты // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1998. N 1. С.13.
- ³⁶ *Stompka P.* Civilizational incompetence: the trap of post-communist societies//Zeitschrift für soziologie. (Stuttgart). Jg. 22. Heft. 2. April 1993. S.95.
- ³⁷ The political culture of Poland in transition. Wrocław. 1996. P.48.
- ³⁸ Ibid. P.143.
- ³⁹ Настроения, мнения и оценки населения//Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 3. С.40.
- ⁴⁰ The political culture of Poland in transition... P.166.
- ⁴¹ *Филатов С.Б., Фурман Д.Е.* Религия и политика в массовом сознании//Социологические исследования. 1992. № 7. С.4; The transformation of Europe. Social conditions and consequences. Warsaw, 1994. P.257.
- ⁴² *Luxmoore J.* Eastern Europe 1994: a review of religious life in Bulgaria, Romania, Hungary, Slovakia, the Czech Republic and Poland//Religion, state and society. 1995. N 2. P.218.
- ⁴³ *Tuček M.* Rozdílnost v souhrných postojích čechu a slováku k transformaci... S.302.
- ⁴⁴ *Магун В.С.* Трудовые ценности российского общества//Общественные науки и современность. 1996. № 6. С.17.
- ⁴⁵ Общество и экономика. 1996. № 1–2. С.206.
- ⁴⁶ *Тэлботт С.* Какая Россия нужна Америке//Независная газета. 1997.11.XII.
- ⁴⁷ *Пантин В.И., Лапкин В.А.* Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Политические исследования. 1998. N 2.
- ⁴⁸ *Pick O.* Transformation in Central Europe... P.45.
- ⁴⁹ *Ferge S.* The perils of the welfare state withdrawal//Social research. (New York). 1997. Vol.64. N 4. P. 1392.
- ⁵⁰ *Jedlicki J.* The revolution of 1989: the unbearable burden of history//Problems of communism. (Washington). 1990. Vol.39. July–August. P.43.
- ⁵¹ Ethnic diversity and conflict in Eastern Europe. Oxford. 1980. P.443.
- ⁵² Российская историческая традиция и перспектива либеральных реформ. «Круглый стол» ученых//Общественные науки и современность. 1997. № 6. С.72.
- ⁵³ *Stompka P.* Civilizational incompetence... S.87.
- ⁵⁴ *Бутенко И.А.* Роль интеллектуалов в постсоциалистических странах//Будущее России и новейшие социологические подходы. М., 1997. Ч. 1. С.17.

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЕНГРИЯ

Под обозначенной в заголовке идентичностью, как представляется, следует понимать, с одной стороны, общность судеб центральноевропейских народов, уходящую своими корнями далеко в историю их существования и взаимодействия в этой части Старого Света, и вытекающую отсюда *объективную* необходимость сплочения этих народов. С другой же стороны, центральноевропейская идентичность есть *осознание* вышесказанного на уровне государственных структур, общества в целом и соответствующие внешнеполитические шаги по развитию взаимного сотрудничества, а также отстаивание в отношениях с третьими странами или международными объединениями согласованного регионального подхода¹. В этом плане любопытны суждения венгерского писателя-публициста Д. Конрада, который отмечал, что «центральноевропеец не хотел бы видеть свою страну в качестве сферы влияния интересов какой-либо большой нации. Центральноевропеец желает принадлежать к свободному, добровольному объединению малочисленных, соседних народов, живущих в Дунайском бассейне вперемешку друг с другом. Центральноевропейское сообщество имеет право на существование под солнцем ... Если наши мысли останутся пленницами менталитета национального государства, если мы не желаем видеть дальше наших национальных границ, тогда по-прежнему останется то же, что существует сегодня, – стагнирующее отчуждение»².

Судя по этой и многим аналогичным характеристикам центральноевропейской идентичности, она предстает как «память о прошлом и будущем», которая была присуща историческому сознанию народов региона еще до их национально-государственного бытия и которая проявляет себя ныне под воздействием тенденций, могущих стать доминирующими в рамках объединенияющегося Европейского континента без военных блоков и границ. Европа регионов – Европа, стремящаяся к сближению и единству, безусловно, может оказать реальное содействие упрочению как региональной, так и общеевропейской идентичности центральноевропейских народов. Этот путь, од-

нако, сложный и долгий, и он ведет не только к интенсификации взаимных связей между странами Центральной Европы, но и к восстановлению некогда свернутого по политическим мотивам экономического (как и других сфер) сотрудничества с Западом. Названные же пути углубления международного, межгосударственного взаимодействия отнюдь не всегда совпадают, они могут и пересекаться, и противоречить друг другу.

1. Новая эра центральноевропейского сближения: Вишеградская идея

Начало распада так называемого социалистического содружества было отмечено ухудшением отношений между многими его участниками, в частности Венгрии с Румынией, ГДР с Чехословакией. Сказался тогда карательный характер национально-государственной, точнее – националистической, политики Н. Чаушеску, в результате которой все больше трансильванских венгров, а затем и румын оказывались на территории Венгрии в качестве беженцев, искавших защиты от преследований бесчеловечного режима румынских коммунистов. Кроме того, в Венгрии, которая уже на этом этапе отличалась сравнительно весьма либеральной политической системой, накопилось значительное число «туристов» из ГДР, стремившихся воспользоваться менее жестким, чем в собственной стране, пропускным режимом для въезда в Западную Германию. Однако бесконечно заниматься возвращением беженцев и туристов из Венгрии этим диктаторским режимом, где их ожидали преследования и тюремное заключение, тоже было невозможно. И посткадаровское правительство М. Немета решилось на небывалый шаг, чтобы, так сказать, разрубить гордиев узел напряженности в регионе. Используя плановый «международный пикник» на венгеро-австрийском переходе, оно открыло свои границы и предоставило возможность гражданам ГДР выехать в ФРГ. Это был, во-первых, реальный прорыв, который во взаимоотношениях Восток – Запад можно сравнить лишь с последующим развалом Берлинской стены, а во-вторых, – выражение своеобразной центральноевропейской солидарности, проявление регионального менталитета.

Реакция со стороны лидеров ГДР, Румынии, Чехословакии, не заставившая себя долго ждать, известна – она проявилась в сколачивании ими своеобразного «санитарного кордона» вокруг Венгрии наподобие Малой Антанты. Лишь стремительный процесс революционных преобразований конца 80-х годов, покончивших с тоталитарными режимами в регионе, помешал осуществлению замыслов трех наиболее ортодоксальных вождей этого региона.

В начале 90-х годов встал, конечно, вопрос: целесообразно ли в условиях экономического и политического объединения Европы в рамках Европейского союза (ЕС) и НАТО, в сторону которых повернулись и центральноевропейские страны, создавать еще какой-то региональный союз и как последний будет соотноситься с западноевропейским? Думается, что тогдашний министр иностранных дел Венгрии Г. Есенски весьма взвешенно ответил на этот вопрос. «Я со своей стороны убежден, – утверждал он, – что мы должны одновременно держать на повестке дня как модернизированный вариант центральноевропейской идеи, так и стремиться стать (в соответствии с очень древними, тысячелетними традициями) частью западной цивилизации. Я не вижу резких различий между венгерской политикой, ориентированной на Центральную Европу, и внешней политикой республики, нацеленной на Большую Европу»³. Именно исходя из такого внешнеполитического курса, Венгрия возродила свою старую идентичность, носители которой в равной степени считаются как со своей региональной, так и с общеевропейской принадлежностью.

В новых условиях все центральноевропейские страны оказались перед подобным выбором. Политики так или иначе видели пример объединяющейся Западной Европы, где динамично протекали процессы интеграции, складывания экономического и политического союза, а идеи и методы сближения становились все более популярными и привлекательными для остальных европейских стран. То есть центральноевропейские посткоммунистические государства должны были решить: создавать ли свое региональное объединение в качестве этапа общеевропейского сближения или же поодиночке приближаться к интегрирующейся демократической Европе.

Вариантов образования региональных объединений возникало немало, но среди них наиболее реальным виделось создание венгеро-польско-чехословацкого союза. Сказались, видимо, и традиции средневекового сотрудничества этих стран в Вишеграде, и демократические перемены рубежа 80–90-х годов XX в. Чехословацкое руководство до политического перелома (ноябрь 1989 г.) резко отрицательно относилось ко всему, что происходило в Польше и Венгрии. «Бархатная революция» изменила ситуацию, хотя позиция новой, демократизирующейся Праги некоторое время была не очень ясной, во всяком случае выжидающей. Вместе с тем сотрудничество Польши и Венгрии инициировалось с двух сторон. Бывший советник американского президента, политолог польского происхождения З. Бжезинский, будучи в Польше, высказал идею создания в Центральной Европе польско-чехословацкой конфедерации. Идея в итоге была принята польскими политиками, предложившими дополнить этот союз участием в нем Венгрии.

С другой стороны, еще на совещании стран-членов СЭВ в Софии (1989 г.) заместитель премьер-министра Венгрии П. Медеши говорил о целесообразности формирования в рамках Совета более тесного круга государств, желающих по-настоящему продвинуться на путях внедрения реформ и рыночного механизма в экономике. В их числе он назвал Польшу, Чехословакию и Венгрию⁴. Его предложение отвергнуто не было, но особого интереса не вызвало.

Однако подобные предложения возникали не на пустом месте, а с учетом того, что перечисленные выше государства в прошлом имели немало общего (общие короли, политические союзы и персональные унии правителей на протяжении веков). Все это сказывалось на формировании их региональной идентичности. Неудивительно, что спустя многие десятилетия, в наше время идеи центральноевропейского сплочения и самобытности снова стали возрождаться. К тому же реаниматорами этой идеи стали те же народы и государства. В этом проявляется, собственно, рост коллективного самосознания и регионального самоопределения.

В условиях обвального падения влияния СССР в рассматриваемом регионе и ослабления связей в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) Венгрия, Польша и Чехословакия сделали шаг в сторону малой центральноевропейской интеграции. Новые главы государств и правительств этих стран собрались в 1991 г. в венгерском городе Вишеграде на берегу Дуная и приняли специальное заявление, в котором продекларировали принципы регионального сотрудничества, а вместе с тем подтвердили свою центральноевропейскую идентичность. Тогда и родилось понятие «Вишеградская тройка», которая позднее после развала ЧСФР стала «группой» или «четверкой»⁵. Следующим их совместным шагом стало подписанное в декабре 1992 г. в Кракове соглашение о создании Центральноевропейской зоны свободной торговли. По нему Венгрия, Польша, Чехия и Словакия обязались в течение восьми лет снять все таможенные ограничения и количественные квоты в торговле друг с другом. С марта 1993 г. была начата поэтапная ликвидация таможенных барьеров между странами, что соответствует долгосрочным национальным интересам каждой из них.

Внутрирегиональное сближение этих государств, как постоянно заявляли их представители, не означало формирования какого-то специального блока с целью противостояния Западу или Востоку. Однако Москва усмотрела определенный антисоветский, антироссийский подтекст в решениях, достигнутых в Вишеграде, и это не скрывали и сами «архитекторы» центральноевропейского альянса. Так, К. Скубишевский, занимавший пост министра иностранных дел Польши в 1989–1993 гг., подчеркнул в интервью

агентству ЧТК в конце февраля 1995 г., что создание Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) в начале 90-х годов сыграло свою роль, сорвав, в конечном счете, попытки бывшего Советского Союза вернуть себе утраченные позиции на международной арене. «Но сейчас, – уточнил он, – “русскую угрозу” нельзя рассматривать как повод для оживления деятельности Вишеградской группы. Конечно, существуют возможные опасения, которые необходимо иметь в виду. Однако государства Центральной Европы сами заинтересованы во взаимном сотрудничестве, причем отнюдь не из-за какой-то “русской угрозы” или желания Запада в существовании “Вишеграда”»⁶.

Можно, пожалуй, прокомментировать эти слова К. Скубишевского таким образом, что теперешняя Вишеградская группа не имеет антироссийской или, тем более, антизападной направленности, но помогает составляющим ее странам почувствовать определенную взаимовыручку, успешнее противостоять внешнему давлению, избежать дестабилизации или, как нередко говорят, «балканизации» региона.

Кстати, в первой половине 90-х годов интерес к Вишеградской группе начали проявлять Болгария, Румыния, Беларусь и Украина, а также республики Прибалтики. В частности, об этом говорилось на международной научно-практической конференции «Восточная Европа: политический и социокультурный выбор», проведенной в Минске в 1994 г. В этих странах были созданы специальные научные институты по изучению Центральной Европы. Интерес к региону по ряду причин понятен. «В Европе издавна существуют и взаимодействуют большие и малые народы, – справедливо отмечал, выступая на конференции, один из белорусских ученых. – Отношения между ними всегда были далеки от линейной гармонии панъевропейских проектов... С формированием крупных, технологически мощных наций-государств и их политических альянсов, а после второй мировой войны – двухполюсного мира, ситуация неуклонно изменялась не в пользу средне-европейских государств. Народы региона все меньше спрашивали при выборе для них общественного устройства, их как бы отсылали на задворки большой политики. Здесь лишь в течение нашего столетия целые общности людей были вынуждены трижды менять свои политические и социокультурные ориентации, не только “социалистические” или “буржуазные”, но и этно-национальные или конфессиональные»⁷.

И действительно, перекройка политической карты Европы в XX в. повлекла за собой силовые действия великих держав, которые господствовали над регионом во всех этих отношениях, не считаясь ни с национальными, ни с историко-психологическими, ни с христианско-культурными тра-

дидиями. В новых же условиях 90-х годов народы Центральной и Восточной Европы – бывшие союзники СССР, а после его распада и ставшие суверенными Беларусь и Украина взяли курс на Запад, но быстро убедились, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», – как пишет белорусский автор И. Я. Левяш, подчеркивая при этом, что западная помощь имеет «политизированный и избирательный характер (если в 1993 г. Чехия, Венгрия и Румыния получили по миллиарду с лишним долларов, Польша – 806 млн, Болгария – 664 млн, то Беларусь – всего 49 млн)»⁸.

По мнению этого автора, сложившееся положение дел, стремление освободившихся от иностранной зависимости народов к взаимному сплочению и толкнуло их на создание собственных объединений, «возникли и стали геополитическим фактором Вишеградская группа и Балтийский союз», притом «оба альянса стремятся укрепить организационные связи не только между собой, но и с Украиной – путем создания Черноморско-Балтийского союза». На расширение взаимной кооперации ориентировалось также предложение президента Эстонии Л. Мери объединить усилия по сотрудничеству пяти северных, трех балтийских и четырех стран Вишеградской группы. Подобное стремление, «направленное на самоопределение народов в условиях единого европейского пространства и на минимализацию соперничества Запада и Востока», по убеждению И. Я. Левяша, следовало бы приветствовать, так как подобая стратегия заинтересованных стран «противоречит моноориентации на Запад»⁹. Между тем вопрос не так прост, о чем свидетельствует, к примеру, отрицательное отношение России к Центральноевропейской зоне свободной торговли. К месту здесь будут и слова одного из лидеров литовского «Саюдиса» Р. Озаласа, произнесенные им в мае 1990 г.: «Центральная Европа, которую неправильно называли Восточной, оживает и старается избавиться от наследия второй мировой войны. В будущем будет Западная Европа, объединяющая западноевропейские страны, будет и Восточная Европа, которая означает современную Россию, а между ними образуется зона от Болгарии до Финляндии. По нынешней терминологии мы могли бы называть эту территорию даже переходной восточно-западной полосой. Я не верю, что Европейское Экономическое Сообщество не осознает значения для него этой центральноевропейской полосы, и не только в экономическом, но и в политическом отношении»¹⁰.

Однако в Вишеградской группе почти с самого начала присутствовала определенная соревновательность в вопросе о сближении с западноевропейскими структурами, приведшая к осложнениям. Этот вопрос стоял так: входит ли в состав ЕС вместе и одновременно, или каждой стране самостоятельно? Чехия заявила в 1993 г. о своих особых политических интере-

сах, мотивируя их тем, что она ближе всего к Западу и дальше остальных от Востока, а поэтому может иметь приоритет. В условиях охлаждения отношений 1 апреля 1994 г. Венгрия первой подала заявку на полноправное членство в ЕС, достижение которого объявила своей стратегической целью, приоритетным направлением внешней политики и политики безопасности. Министр иностранных дел Венгерской Республики (ВР) Г. Есенски в Афинах заявил, что Венгрия полностью поддерживает содержащиеся в Маастрихтском договоре цели и своим присоединением к ЕС намерена укрепить процесс европейской интеграции. Брюссель посчитал, что удовлетворение венгерской заявки возможно до конца века. За статус полноправного члена ЕС выступила и Польша.

Чешский премьер В. Клаус тогда сделал заявление о том, что, хотя «четыре государства объединяют экономические интересы, их нельзя считать сплоченной политической организацией, которая должна действовать как единое целое». При этом он отметил, что поскольку «Чешская Республика успешно проводит экономические реформы» и тем самым «лучше подготовлена к вступлению в ЕС, чем другие страны Центральной и Восточной Европы», постольку для нее сроки вступления до 2000 г. являются «слишком поздними», ибо страна может и способна интегрироваться раньше¹¹. То есть между членами «четверки» развернулась определенная гонка за вступление в ЕС, что привело к еще большему охлаждению отношений между ними. Стало очевидным, что вишеградский корабль получил своеобразную пробоину и переживает трудности. Если Чехия, ссылаясь на близость с Западом, считает свою кандидатуру в западную структуру предпочтительной, то Польша, с учетом своего ключевого геополитического положения, исходит из того, что именно она является наиболее важной для НАТО. Что же касается Братиславы, то она до середины 90-х годов колебалась, решала, какой ориентации придерживаться, и подала соответствующую заявку в конце июня 1995 г. Со временем же все страны региона (да и не только они) так или иначе начали руководствоваться устремлениями присоединиться к общеевропейскому интеграционному процессу, тем более, что потеря «восточного рынка» требовала от них переориентации на Запад. О причинах свертывания в первой половине 90-х годов торгово-экономических связей между Россией и странами бывшего социалистического содружества, рассмотренных в первой статье настоящего сборника, нет необходимости здесь повторяться. Разумеется, проблема места и роли Центральной Европы, равно как и центральноевропейских альянсов, не исчерпывается определением позиций тех стран, которые находятся в этом ареале между Востоком и Западом, — она зависит также от точки зрения по-

следнего на внутрирегиональные интеграционные процессы. Воспримет ли их Запад в качестве прочных устоев возводимого между ним и Востоком «моста», фактора региональной и общеевропейской стабильности, либо будет смотреть на эти процессы по-иному, в ракурсе своего эгоистического подхода к центральноевропейским странам как прежде всего «санитарному кордону» во взаимоотношениях с Востоком? Вопрос отнюдь не праздный, ибо от самочувствия и самоопределения народов в Центральной Европе (весьма сложной, многонациональной, поликультурной и долгое время раздиравшейся различными до сих пор не преодоленными противоречиями полосе континента) во многом зависит общее спокойствие и безопасность Европы в целом.

2. Европейский интеграционный процесс: позиция Венгрии

После отстранения коммунистов от власти на рубеже 80–90-х годов новое венгерское руководство первым из центральноевропейских стран заявило о неучастии в дальнейшей деятельности Варшавского пакта и заняло весьма скептическую позицию относительно перспектив СЭВа. Это были важные шаги на пути освобождения от советского господства, но Венгрия, по словам Г. Есенски, «не могла оставаться в вакууме, на ничейной территории, необходимо было начать возврат в демократические и процветающие политические и экономические структуры западных держав». «Это не означает, – пояснял министр, – что мы хотели бы повернуться спиной к восточно-центральноевропейским народам, имеющим единую с нами судьбу, или забыли о России, представляющей для нас большие возможности, либо о других постсоветских государствах. Для Запада значение Венгрии и остальных центральноевропейских стран состоит в том, что они при благоприятных обстоятельствах служат мостом, а при неблагоприятных – барьером от Восточной Европы»¹². В этих словах главы МИД нашел выражение возрожденный, традиционный, можно сказать, образ как венгерской, так и центральноевропейской идентичности.

Выбор, сделанный правоцентристским кабинетом министров, нашел подтверждение и в словах левого премьера (1994–1998 гг.) социалиста Д. Хорна, выступившего в начале октября 1996 г. в Германии и напомнившего об открытии Венгрией своих границ 11 сентября 1989 г. «Мы встали перед выбором, и мы в стране выбрали Европу»¹³, – констатировал он.

С Европейским союзом Венгрия установила дипломатические отношения еще в августе 1988 г. Следующим шагом стало так называемое «соглашение второго поколения», которое подписали затем и другие центральноевропейские страны. В результате длительных переговоров 16 де-

кабря 1991 г. в Брюсселе было подписано «Европейское соглашение», вступившее в силу с 1 февраля 1994 г. после его ратификации Европарламентом, Госсобранием ВР и национальными парламентами 12 членов ЕС. Согласно ему Венгрия стала ассоциированным членом Европейского союза. Помимо торговли, в нем обозначены сферы народнохозяйственного и политического сотрудничества. Подписав «Европейское соглашение», ВР сориентировала свою экономику в значительной степени на ЕС. Характерно, что с середины 1995 г. в совокупном объеме венгерского экспорта доля Союза уже достигла 65%, а импорта оттуда – 62%. В то же время объем внешнеэкономических связей со странами Центральноевропейской зоны свободной торговли в начале 1997 г. составлял в общем торговом обороте страны всего 8%¹⁴.

Евросоглашение обеспечило Венгрии статус официального кандидата на полное членство в ЕС. Однако для его достижения требуется выполнение целого ряда условий в области экономики, финансов, внутренней и внешней политики, институциональных и структурных перестроек, требуется приведение в соответствие со стандартами Евросоюза юридических и правовых норм страны и т.д. На все это нужны немалые деньги, которых в посткоммунистических государствах катастрофически не хватает. Поэтому выделяется с 1990 г. безвозмездная помощь (по программе PHARE). В 1997 г. она составляла в целом на регион 6,6 млрд экю, из которых на долю Венгрии пришлось около 7 млн (42% этой суммы предназначалось для развития экономики и усовершенствования ее структуры, 36% – на подготовку кадров евроинтеграции, 22% – на все остальное)¹⁵.

В июле 1997 г. на межправительственной конференции в Амстердаме было зафиксировано, что процесс расширения ЕС является реальным для всех претендентов, тем не менее очевидно, что конкретные переговоры о присоединении к нему Союз готов начать только с такими «наиболее подготовленными странами», как Чехия, Эстония, Польша, Венгрия, Словения и Кипр¹⁶. Тогда же была разработана специальная шкала для определения степени соответствия тех или иных кандидатов для вступления в ЕС. На ее основании подготовленность стран Центральной и Восточной Европы несколько упрощенно выглядела следующим образом (см. с. 69).

Как видно из таблицы, полностью на тот момент соответствовали требованиям три центральноевропейские страны и Эстония. На конец 1998 г. Венгрией уже была выполнена значительная часть требований, предъявляемых к «евроинтегранту», что позволило начать конкретные переговоры о ее переводе в полноправные члены ЕС, который может произойти уже в начале следующего столетия. Как претендент на полноправное членство Венгерская Республика сотрудничает почти во всех программах объе-

дияющейся Европы, в соответствии со своими международными обязательствами по линии ООН, Совета Европы и ОБСЕ она осуществляет гармонизацию и модернизацию всех своих структур и систем. Председатель Европейского парламента Отто Габсбург в одном из своих интервью отметил, что переговоры с Венгрией о приеме в ЕС обещают быть самыми легкими, так как «она наиболее подготовлена, имеет продвинутую правовую гармонизацию; с другой стороны, в Государственном собрании Венгрии не представлены крайние силы, а парламентские партии выступают единым фронтом по крупным национальным проблемам, т.е. не экспортируют за рубеж свои внутривполитические противоречия»¹⁸.

Соответствие требованиям вступления в ЕС¹⁷

Страна	Структура		
	политическая	экономическая	правовая
Венгрия	+	+	+
Чехия	+	+	+
Польша	+	+	+
Словения	+	+	?
Эстония	+	+	+
Латвия	+	?	?
Литва	+	?	?
Румыния	?	?	-
Болгария	?	-	-
Словакия	-	+	?

Условные обозначения: + соответствует; - не соответствует; ? неопределенно.

Продолжающееся углубление сотрудничества Венгрии с ЕС, вхождение в эту международную интеграционную социально-экономическую структуру в качестве полноправного члена, как подчеркивается в информационном сообщении МИД ВР, «способствуют упрочению национального самосознания и формированию у венгров чувства общеевропейской идентичности»¹⁹. Эти акценты в мидовском материале не случайны, ибо в Венгрии, как и в других странах региона (особенно в тех, которые только в XX в. обрели свою государственность), ведутся острые дискуссии о том, не приведет ли евроинтеграция к исчезновению национальных государств, не пострадает ли национальная идентичность. В этом вопросе существует уже опыт стран Западной Европы, который не подтверждает высказываемые опасения. Правда, в рамках такой наднациональной организации, как ЕС, определенную часть своего суверенитета входящие в него государства

должны передавать общим управляющим структурам, что приведет, естественно, к сужению властных полномочий на государственном уровне. Но, с другой стороны, европейская интеграция связана с процессом децентрализации решений, когда укрепляются органы местной власти, создаются новые регионы, получающие широкие права и возможности для развития. Иными словами, роль национально-государственных органов, несомненно, модифицируется.

Все эти процессы оказывают влияние на национальную идентичность, которая не исчезает, но тоже модифицируется. Если говорить о национальной идентичности венгров, то она по существующим оценкам уже сейчас, когда Венгрия лишь приближается к полноправному членству в ЕС, начинает приобретать все больше элементов «европейскости», т.е. преобразуется²⁰. Скрывается ли в этом какая-то опасность для национального самосознания, покажет только будущее. Во всяком случае среди части населения (к тому же по иронии судьбы именно той части, которая больше всего делала упор на тысячелетнюю принадлежность страны к латинской культуре, западному христианству) в последнее время нарастают сомнения в целесообразности полной интеграции с Западом.

Действующий в рамках ЕС принцип хозяйственно-экономической целесообразности и вытекающая из нее субъектно-географическая регионализация, не учитывающая ни национальный состав, ни государственные границы объединяемых территорий, в случае с Венгрией (если она вместе со своими соседями станет членом ЕС) может привести к восстановлению некогда существовавших и на протяжении столетий успешно функционировавших связей во всем Карпато-Дунайском бассейне, которые были прерваны после версальского передела Европы.

Создание новых еврорегионов, игнорирующее государственные границы, судя по опыту Западной Европы, решает не только экономические, но и национальные проблемы, снимает острые – ныне еще не преодоленные Центральной Европой – межнациональные противоречия. Каждый из таких регионов охватывает около 3 млн человек. Вхождение Венгрии в ЕС потребует от нее новой регионализации. Последняя, однако, сулит не только плюсы, но и минусы, ведь традиционное административно-территориальное деление, веками существовавшая система «комитатов» в таком случае подвергнутся переделке. Руководство страны, судя по материалам печати, уже сегодня думает о необходимости новой регионализации и, в соответствии с требованиями ЕС, наряду с центральным Будапештским районом намечает создание еще шести крупных территориальных, функционально-административных единиц, учитывая при этом, что они должны быть самостоя-

тельными и комплексными, в которых решения принимают на местах, а не центральной государственной властью²¹. Новый подход, хотя и вызывает некоторое сопротивление со стороны руководства нынешних комитатов, в целом все же воспринимается положительно, так как в перспективе обещает восстановление в Центральной Европе региональных связей, имеющих весьма давние исторические традиции.

Будущая объединенная Европа, – если ей суждено осуществиться, – может стать, таким образом, одновременно и единой, и многообразной, т.е. Европой наций и регионов. Для венгров это особенно важно, ибо, как отмечал политик-социалист Ч. Табайди, «регионы Европы в определенной степени могут смягчить нашу фрустрацию, ту двойственность нашего состояния, которая выражается понятиями культурная нация, проживающая в разных странах 15-миллионная нация, политическая нация десяти с половиной миллионов венгров нашей республики и политическая нация меньшинств». При этом он осознает, что данное состояние «прекратится лишь в том случае, если все соседние страны станут частью интегрированной Европы, и только тогда сможем мы констатировать, что границы стали прозрачными. Мы понимаем, что это перспектива не ближайшего будущего»²².

Разновременность вхождения Венгрии и ее соседей в ЕС (что уже становится реальностью) в условиях, когда в его рамках Шенгенское соглашение вступает в силу, может, на наш взгляд, не столько облегчить, сколько даже осложнить контакты венгерских национальных меньшинств, проживающих в других странах, с Венгрией, ибо оно предусматривает определенные ограничения в пересечении границ для государств, не являющихся участниками этого соглашения. Недаром премьер-министр Венгрии Д. Хорн в начале 1998 г. был вынужден заявить, что внешняя политика его кабинета по-прежнему направлена не только на интеграцию, но и на «улучшение взаимоотношений с соседними странами», на защиту интересов многочисленного венгерского национального меньшинства, что такая линия остается одним из ключевых элементов понимания руководством сути национальных интересов страны.

Параллельно с нацеленностью на вхождение в ЕС Венгрия, как и остальные страны Центральной Европы, проводила курс на вступление в 90-е годы в военно-политический союз – НАТО. 29 июня 1990 г. министр иностранных дел Г. Есенски нанес первый визит в брюссельскую штаб-квартиру этого союза, а в июле побывал там и премьер-министр Й. Анталл. Это стало началом установления официальных отношений: в ноябре 1990 г. с ответным визитом в Будапеште побывал генсек НАТО М. Вёрнер и с тех пор взаимоконтакты на высшем уровне стали регулярными. При этом в

Венгрии учитывали, что руководство Североатлантического альянса еще в первой половине 1990 г., когда существовала Организация Варшавского договора, протянуло руку примирения бывшему противнику, помня о словах покойного М. Вёрнера: «Мы смотрим на Советский Союз и страны Центральной и Восточной Европы как на своих потенциальных партнеров и возможных друзей». Иначе говоря, уже в июле 1990 г. на встрече в верхах в Лондоне намерение о сотрудничестве с Венгрией было оформлено официальным документом.

С приходом к власти социал-либерального правительства во главе с Д. Хорном, в условиях, когда перед Венгрией уже вставал вопрос об ассоциированном членстве в НАТО, новый премьер подтвердил намерение прежнего правительства ввести свою страну в состав этой организации. Он заявил об этом в одном из интервью, добавив, что считает необходимым договориться с Россией «относительно того, чтобы она не противилась нашему вступлению»²³. Кстати, отметим, что так оно и произошло: после официального визита в Москву весной 1995 г. Хорн с удовлетворением обнаружил российскую позицию, согласно которой «вопрос вступления Будапешта в НАТО зависит от желания самой Венгрии» и ее вхождение в эту организацию «не повлияет негативно на венгеро-российские отношения»²⁴.

Венгрия во время войны в Боснии откликнулась на просьбу ООН, ОБСЕ и разрешила контролирующим воздушное пространство в регионе силам НАТО, выполнявшим миротворческую миссию, вести наблюдение с венгерской территории. Ее руководство в мае 1995 г. предоставило место в Будапеште для проведения совещания стран НАТО, а в конце года решением Государственного собрания было выделено 416 солдат и офицеров для участия в составе международных сил по поддержанию порядка в зоне югославского конфликта, которые заняли свои места в феврале 1996 г.²⁵ Необходимо также учитывать, что во время балканского военного конфликта штурмовые самолеты боснийских сербов, несмотря на многократные протесты венгерской стороны, регулярно нарушали воздушное пространство Венгрии, и имели место случаи, когда возле пограничных населенных пунктов падали бомбы²⁶. В сложившихся условиях незащищенности «венгерское население не без основания переживало югославскую войну как фактор угрозы»²⁷, и в такой ситуации натовский «зонтик» действительно означал бы для Венгрии определенную гарантию от возможной эскалации военных действий в регионе.

В 1996–1997 гг. ведущие политики Венгрии продолжали курс на сближение с НАТО, не прекращая, естественно, усилий и по вхождению в

ЕС, твердо придерживаясь при этом позиции, что расширение блока на Восток будет служить интересам укрепления безопасности в целом. Д. Хорн в феврале 1996 г. заявил, что решение о вступлении страны в эту организацию «будет принято нацией в ходе общенародного референдума»²⁸. Между тем социологические опросы населения показывали, что если в вопросе о членстве в ЕС венгерское общество достаточно единодушно, то относительно НАТО этого не скажешь.

Накануне проведения референдума (он состоялся в середине ноября 1997 г.) венгерские СМИ широко освещали проблематику НАТО, в прессе публиковались документы, оценки деятельности этой организации венгерскими и зарубежными политическими деятелями. Аргументация «за» и «против» была весьма разнообразной. В развернувшейся дискуссии сторонники вступления акцентировали внимание на защитных функциях НАТО в качестве гаранта стабильности и безопасности, подчеркивали неразделимость НАТО и ЕС, отмечали, что членство обойдется стране дешевле ее нейтралитета и что пополнение альянса центральноевропейскими государствами превратит этот регион из промежуточной, «серой зоны» Европы в ее органическую часть, защитит от возможного «появления нового восточного мессианства». Противники же в основном высказывали свои опасения по поводу отношения России к вступлению Венгрии в НАТО²⁹.

В состоявшемся референдуме участвовали 3968668 человек (из 8590039 венгерских граждан, имеющих право голоса), т.е. 49,24%. За вступление Венгрии в НАТО в избирательные урны был опущен 3344131 бюллетень (из 3919114 действительных), т.е. свыше 85% этих бюллетеней (или 84% от всех принявших участие в референдуме). «Против» высказались 574983 человека³⁰.

Эти результаты можно, конечно, толковать двояко, как они и оцениваются в Венгрии. Сторонники вступления в НАТО делают упор на показатель 85% как очевидное свидетельство воли подавляющего большинства взрослого населения, проголосовавшего «за». Сомневающиеся или прямые противники этого направления венгерской политики указывают прежде всего на цифру 49,24% как тоже очевидное свидетельство разочарования подобной политикой, негативного отношения к ней большинства избирателей, просто не явившихся к избирательным урнам. Однако теперь, когда ассамблея НАТО уже решила в декабре 1997 г. принять ВР в свои ряды и акт принятия весной 1999 г., после ратификации этого решения венгерским Госсобранием состоялся, возможностей у граждан страны повлиять (в ту или другую сторону) на политику властей по данному вопросу не осталось.

3. О соотношении национальной, региональной и общеевропейской идентичности

Процесс вхождения в западные структуры вызывает опасения в Венгрии прежде всего у тех, кто видит в евроинтеграции угрозу национальной культуре. В частности, занимающийся международным экономическим правом Я. Мартони (ныне министр иностранных дел Венгрии) считает, что Центральная Европа, несмотря на территориальные и национально-языковые проблемы, религиозную разобщенность, все же обладает мощным интеллектуальным потенциалом и в состоянии решать все вопросы, стоящие перед ней в новых условиях. Он весьма положительно относится к тому, что было создано в регионе в последней трети XIX и в начале XX в., когда в Центральной Европе сложились «системы эффективно действующих экономических, образовательных, культурных и научных учреждений и институтов мирового уровня». Ученый отмечает, что 45 лет «реального социализма» разрушили именно эту экономическую и институциональную систему, которая стала фундаментом всего достигнутого странами региона в последующем. Далее он не без оснований и с огорчением констатирует: все то, что не было даже тогда уничтожено, сегодня завершает «фронтальное наступление против системы научных, образовательных и культурных учреждений»³¹.

Методичное разрушение сложившейся и эффективно функционировавшей системы вышеперечисленных учреждений или низведение их до грани постыдной борьбы за выживание в современных переходных условиях является реальностью для всего посткоммунистического пространства, реальностью, которая может иметь весьма печальные последствия для будущего национальных наук и культур. «У нас в Венгрии, – отмечал уже упоминавшийся Ч. Табайди, – после непостроения развитого социализма мы теперь строим дикий капитализм, и все хорошо знаем, что на этом этапе на культуру власти почти не обращают внимания»³².

Вхождение в евроструктуры вряд ли спасет сферу науки и культуры от нависших над ними опасностей, ведь вестернизация, наплыв низкопробной американской продукции в виде кинофильмов, комиксов, телепередач, тиражирующих насилие, наркоманию, секс и пр., т.е. чуждые европейским народам образы и стереотипы поведения, существуют и в Западной Европе. Они подтачивают европейские нормы поведения, вытесняют традиционное в Европе отношение к классическому наследию, к подлинным национальным и культурным ценностям. Все это требует соответствующих мер в области образования и воспитания, поддержки исторических традиций, а следовательно, сохранения национальной и формирования новой региональной идентичности.

Известно, что интеллектуалы различных стран Центральной Европы именно сферу культуры и образования, центральноевропейский менталитет, т.е. общую идентичность, считали и считают определяющими для сознания жителей региона. Подтверждением тому может служить целый ряд литературных произведений и публицистика. Упомянутый выше Я. Мартони также говорит о специфической центральноевропейской идентичности, а точнее, об «исторически сложившемся, в решающей степени базирующемся на культурной почве специфическом центральноевропейском самосознании и самоопределении»³³. Он, однако, выражает скептицизм по поводу поисков новой региональной идентичности. Определенные успехи Мартони, конечно, признает, отмечая, что были сделаны попытки «превратить эту историческую и культурную идентичность в политическую и экономическую реальность (Вишеград), но они не привели к существенным результатам и сделали однозначным, что самостоятельная центральноевропейская интеграция не имеет ни политической, ни экономической базы». И далее: «Насколько верно, что существует центральноевропейская идентичность, настолько бесспорно и то, что сегодня уже не имеет шансов и будущего никакая отдельная региональная экономическая и политическая интеграция. Поэтому мы делаем вывод, что Центральной Европе остался единственный рациональный выбор – полностью вписаться в европейский интеграционный процесс»³⁴. Отметим, что его сомнения по поводу центральноевропейской самоидентификации жителей этого региона в значительной мере вызваны их молчанием во время геноцида в Югославии, что свидетельствует, по мнению Мартони, о переломном ослаблении чувства региональной солидарности. Такое безразличие не соответствует ни «европейскости», ни «коренящемуся в прошлом центральноевропейскому самосознанию».

Другие же считают, что центральноевропейская идея и сознание живы и будут жить. «Центральная Европа существует в качестве такого сообщества проживающих тут наций, которых объединяют близость и подобие, – подчеркивает председатель Словацкого христианско-демократического движения Ян Чарногурский. – И это сообщество здравствует, вопреки имеющимся противоречиям и дискуссиям между нациями региона. Родство национальных культур Центральной Европы неоспоримо. И оно способно, по моему убеждению, преодолеть временные распри, разделяющие нации региона. А это может служить исходным пунктом к тому, чтобы центральноевропейский регион явил себя на континенте в качестве политического и даже, возможно, властного фактора. По крайней мере, он вполне в состоянии сказать свое слово при выработке, например, европейских интеграционных условий»³⁵.

Подобная позиция широко распространена и в Венгрии. Здесь тоже считают, что Центральная Европа как регион имеет свои особенности, отличающие ее и от Западной, и от Восточной Европы. Однако венгры неизменно указывают на процесс «европеизации» центральноевропейского региона, который набирает обороты и может вызвать со временем нивелирование различий регионов с соответствующими последствиями. С другой стороны, этот процесс, хотя и является магистральным, не должен, видимо, привести к разрыву исторических связей, к ликвидации региональных черт центральноевропейского политико-географического пространства.

Однако здесь видится большая научная и практическая проблема. Постепенное включение Венгрии и других стран данного региона в общеевропейскую интеграцию актуализирует постановку вопроса о новой региональной идентичности, о соотношении идентификаций разного уровня. Общеевропейская идентичность, равно как и центральноевропейская, формировались у венгров на протяжении столетий. Чувства причастности к Большой Европе и региональной самобытности появились у них еще до возникновения современных наций и национального самосознания (этническая идентичность, конечно, существовала изначально). На нынешнем этапе развития национальная и центральноевропейская идентичность (первая из них, естественно, более устойчива) также переживают период модернизации в соответствии с требованиями времени, но они остаются и, являясь частью идентичности общеевропейской, лишь составляют отдельные элементы последней. Это – данность, вытекающая из естественных географических условий.

После 45-летнего пребывания Венгрии (впрочем, как и остальных стран рассматриваемого региона) на восточном берегу Европы «паром» венгерского самосознания снова бросает в противоположную сторону, поэтому население страны так или иначе переживает соответствующий период адаптации к новым условиям. Если по завершении второй мировой войны возникали схожие проблемы (и немалые, несмотря на присутствие у венгров на генетическом уровне определенных элементов восточного сознания), которые были связаны с «причаливанием» к восточному берегу, с вхождением в советизированную Восточную Европу, то нынешний возврат к «европейскости» все же происходит несколько легче или, во всяком случае, иначе, не без учета мнения граждан страны. К тому же сказывается историческая обусловленность. Ведь тысяча лет в составе Европы все же никак не сравнимы с 45-летним периодом стоянки венгерского «парома» у восточного коммунистического причала.

С учетом сказанного можно сделать вывод, что восстановление центральноевропейского и общеевропейского сознания у венгров, впрочем, как

и у других народов этого региона, происходит почти параллельно, хотя формирование новой региональной идентичности началось несколько раньше и легче. Она ведь (как и национальная) и ближе, и роднее не только по географическим причинам, но и по менталитету, общности исторических судеб и культур. Разумеется, десятилетия существования «железного занавеса», отгороженности от остальной Европы, непроходимых барьеров даже между самими «братскими странами», а также пребывания центральноевропейской идеи в «холодильной камере» социализма советского типа так или иначе сказались и оставили след на общественном сознании народов региона. И участие в нынешнем новом эксперименте по возведению Европейского дома, вхождение в неведомые ранее евроорганизации также требуют определенной перестройки не только сознания, но почти всех сфер жизнедеятельности, что не может быть процессом беспроблемным. Одно дело – так или иначе считать себя европейцем, а свою страну частью Европы с ярко выраженными чертами «европейскости», и совсем другое – стать полноправными членами современных европейских структур. Ведь Европа (в ее широком понимании) не может быть отождествлена только с членством в ЕС и НАТО. Расширение евроорганизаций на восток, вхождение в них центральноевропейских стран может вызвать у их населения удовлетворенность лишь в том случае, если они смогут идентифицировать себя со всеми участниками евроатлантических организаций. А для этого, на наш взгляд, требуется не только приумножение черт «европейскости» у неофитов, но и уважительное к ним отношение, которое бы способствовало сохранению облика каждого народа и его национальной культуры. Иными словами, формирующаяся евроидентичность должна считаться с компонентами центральноевропейской и национальной идентичности.

* * *

В заключение можно констатировать, во-первых, что центральноевропейский регион окончательно и бесповоротно порвал со своей принадлежностью к Восточной Европе, отверг навязанную ему восточноевропейскую парадигму и сделал шаги на пути к формированию собственных структур. На практике это не означает отказа от сотрудничества центральноевропейских государств со странами Восточной Европы, хотя на начальном этапе такие проявления имели место.

Во-вторых, народы региона на национальном уровне восстановили свою идентичность и предприняли немалые действия к налаживанию более

тесных взаимосвязей. Нормализация межнациональных, межгосударственных отношений внутри региона, а, следовательно, и формирование центральноевропейского сознания, соответствующей новой региональной идентичности происходят, однако, не просто, ибо недостает взаимопонимания и доверия. Основной причиной сохранения противоречий между этими странами, мешающих их сближению и единым действиям, является неизжитость национализма в регионе, нерешенность проблемы национальных меньшинств. Это ключевая проблема для Центральной Европы, она, безусловно, ждет своего решения.

В-третьих, центральноевропейские страны имеют ныне лишь одну объединяющую идею: все в равной степени устремлены в западноевропейские структуры. Такая мотивация стала программной для каждой страны региона с начала 90-х годов, с нею все они вступают в XXI век. Эти европоцентристские тенденции указывают не только на подключение центральноевропейских стран к интеграционному процессу в области экономики и евроатлантическому сотрудничеству в области политики, но свидетельствуют также об укреплении черт подобия и единства европейских государств, расширении сферы общеевропейского сознания, утверждении евроидентичности.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Проблемы новой региональной идентичности центральноевропейских стран («Круглый стол») // Славяноведение. 1997. № 3. С.3–27.
- ² *Konrád Gy.* Van-e még álom Közép-Európáról? // *Látóhatár.* 1988. 11.sz. 98–99.old.
- ³ *Külpolitika többpártrendszerben* // *Világosság.* 1990. 1.sz.47.old.
- ⁴ *Illés I.* Egy közép-európai integráció lehetőségéről // *Valóság.* 1990. 8 sz. 13.old.
- ⁵ Вести Европы (ИТАР–ТАСС). 1994. 22 марта. С. 12.
- ⁶ Мир и мы (ИТАР–ТАСС). 1995. 28 февр. С. 17.
- ⁷ *Левашин И.Я.* Средняя Европа: структура и геополитический выбор // *Полис.* 1995. № 1. С. 59.
- ⁸ Там же. С. 61.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Litván sorskérdés* // *Hitel.* 1990. 11.sz. 31–32. Old.
- ¹¹ Вести Европы. 1994. 5 мая. С. 28.
- ¹² *Népszabadság.* 1996. 22. VII.
- ¹³ *Magyar Hírlap.* 1996. 4. X.
- ¹⁴ Факты о Венгрии. 1995. № 4. С. 1; *Népszabadság.* 1997. 13. III.
- ¹⁵ Факты о Венгрии. 1997. № 1. С. 1.
- ¹⁶ *Gazdag F.* Európai integráció. Honnan hová? // *Európai Utas.* 1998. 31.sz. 14.old.
- ¹⁷ *Európai Utas.* 1998. 31. sz. 32.old.
- ¹⁸ *Népszabadság.* 1998. 20. I.
- ¹⁹ Факты о Венгрии. 1997. № 1. С. 1.

- ²⁰ *Tabajdi Cs.* Föl kell készülni Európára // Európai Utas. 1997. 29.sz. 9.old.
- ²¹ Népszabadság. 1998. 23.II.
- ²² *Tabajdi Cs.* Op. cit. 10.old.
- ²³ Вести Европы. 1994. 8 нояб. С.3.
- ²⁴ Там же. 1995. 20 окт. С.22.
- ²⁵ Magyar Hírlap. 1997. 8.XI.
- ²⁶ Népszabadság. 1997. 12.XI; Magyar Hírlap. 1997. 8.XI.
- ²⁷ *Tamás P.* Társadalmi konfliktusok és európai kommunikációs stratégiák // Európai Politikai Évkönyv (1995–1996). Budapest. 1996. 107.old.
- ²⁸ Вести Европы. 1996. 10 февр. С.10.
- ²⁹ Magyar Hírlap. 1997. 13.II.
- ³⁰ Magyar Nemzet. 1997. 13.XI.
- ³¹ *Martonyi J.* Az Európai Unió. Három Tétel három kérdőjellel // Európai Utas. 1996. 25.sz. 14.old.
- ³² *Tabajdi Cs.* Op. cit. 10.old.
- ³³ *Martonyi J.* Op. cit. 14.old.
- ³⁴ *Ibidem.*
- ³⁵ Európai Utas. 1997. 27.sz. 24.old.

**ПРИОРИТЕТЫ ПОЛЬСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
И ОБЩЕСТВЕ В ЦЕЛОМ**

В течение многих десятилетий в Польше не прекращались дискуссии о геополитическом, географическом положении страны. При этом предметом спора являлись не столько характеристики, формирующие черты «переходности», «промежуточности» или «связующего звена» между различными частями Европы, сколько роль и место Польши на континенте. Участниками полемики стали географы, историки, политологи, писатели и публицисты. В начале XX в. географ З. Савицкий утверждал, что Польша находится «на границе Западной и Восточной Европы» и именно это определяет ее особую роль в международных отношениях. Он подчеркивал, что «Польша издавна являлась посредником в распространении идей и достижений западной культуры на восток и в этом видела главным образом свое историческое призвание». Основными оппонентами З. Савицкого и В. Налковского, а также концепции переходности, в том числе и самого понятия «Центральная Европа», были в межвоенный период Е. Ромер и С. Павловский. Польша, писал последний, «лежит на восточном краю Западной Европы»¹.

После второй мировой войны польские географы, отмечая перенесение новой границы страны на 197 км на запад, повторяли формулировку В. Налковского о том, что Польша расположена в центре Европы. В это же время М. Келчевская отдавала предпочтение понятию Центральная Европа и относила его уже к арсеналу не географической науки, а геополитики. Правда, по ее мнению, Польша в новых границах все же больше тяготеет не к центральноевропейским странам типа Венгрии, а к «Западной Европе»². В последующем понятие Центральная Европа вообще исчезло. В 60-е годы кое-кто еще определял место Польши в Центральной Европе, но позднее это понятие на страницах научной и политико-пропагандистской литературы уже не встречалось. Оно оказалось среди таких «неуместных» для этой ли-

тературы слов, как религия, гомосексуализм, взяточничество, диссиденты и эмигранты.

В целом же идеи польской «переходности», «моста», западного менталитета поляков сохранялись в общественном сознании страны. Сформировалось понятие Европы «лучшей» и «худшей». После второй мировой войны сложилось новое геополитическое деление континента на традиционный Запад и попавшие в советскую сферу влияния страны, определявшиеся термином «Восточная Европа». Это деление присутствовало в мышлении поляков в течение десятилетий. С новой силой дискуссии разгорелись во второй половине 80-х годов в связи с быстрым падением влияния СССР. С другой стороны, окрепло убеждение, что концепция объединенной Европы на этот раз действительно получила реальный шанс для своего претворения в жизнь.

1. Новые времена

После краха коммунизма в конце 80 – начале 90-х годов Центральная Европа вступила в период важных структурных преобразований. Активизировались как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы, открытым остался вопрос будущего отдельных посткоммунистических государств, а также всеобщей системы безопасности. В новой исторической обстановке перед польским обществом, его политическими силами встал ряд актуальных вопросов, касающихся отношения к соседним государствам и происходящим в них переменам, выбора возможных союзников, определения своей позиции в деле развития регионального сотрудничества и сближения с евроатлантическими структурами. Ответ на эти вопросы затрудняла и затрудняет не только динамика происходящих перемен, но и далекая от ясности идейная ориентация и отсутствие организационной упорядоченности различных политических сил и их центров. На общественное мнение поляков воздействуют как международная ситуация, так и внутреннее положение, позитивы и негативы процесса политической и экономической трансформации.

Польша неизменно, начиная с первого правительства «Солидарности», декларирует желание вступить в западные институты: ЕС и НАТО. Курс на это вступление проводится энергично, упорно, подчиняя себе все другие внешнеполитические цели. Данный приоритет мотивируется выгодой для Польши, вытекающей из участия в этих институтах. В программной речи премьера левого коалиционного правительства В. Павляка в ноябре 1993 г. отмечалась необходимость достижения целей, определенных в документе «Принципы политики безопасности» президентом Л. Валенсой.

В их числе: интеграция с ЕС; упрочение сотрудничества с НАТО, а затем вступление в этот альянс и в ЗЕС; активное расширение двустороннего и регионального сотрудничества Польши с другими странами. Министр иностранных дел упомянутого правительства А. Олеховский также подчеркивал неизменность главного направления польской внешней политики, отметив, однако, что Польша «будет идти по левой стороне этой дороги».

Стремление Польши добиваться вступления в НАТО, а также продолжать курс на сближение и полное членство в ЕС декларировал в качестве первоочередных внешнеполитических задач и А. Квасьневский, будучи еще кандидатом на пост президента. Так, осенью 1995 г. в своей предвыборной программе он утверждал: во-первых, это исторические обстоятельства, поскольку после вступления в западные структуры Польша вернется в свое естественное окружение; во-вторых, в рамках интегрированного европейского организма будет легче пройти период экономической трансформации и приблизиться к ведущим странам мира; в-третьих, польское государство стремится к участию в Североатлантическом союзе с целью укрепления внешней безопасности; в-четвертых, это будет способствовать поддержке демократических преобразований, так как, добиваясь места в ЕС и НАТО, страна должна будет соответствовать их высоким демократическим стандартам³. А Квасьневский подчеркивал, что его доктрина проста: необходимо показать Европе и США, что включение Польши и других центральноевропейских государств в евроатлантические структуры создаст для них меньше, а не больше хлопот⁴. Д. Росати, министр иностранных дел (март 1995 г. – сентябрь 1997 г.) также отмечал, что впервые за многие годы появился реальный шанс коренным образом изменить стратегическую ориентацию Польши в пользу последовательной европейской концепции, которая обеспечивает лучшие условия государственной безопасности и более выгодные перспективы экономического развития⁵.

Надо сказать, что в польском обществе осмыслению места и роли своей страны в современном мире с учетом происходящих в Центральной Европе глубинных изменений и последствий объединения Германии уделяется большое внимание. Различные мнения находят отражение и в позициях политических партий, и в публикациях периодических изданий. В начале 90-х годов появилась интересная работа историка Т. Киселевского, в которой утверждается, что «Центральная Европа существует и представляет собой "переходное пространство между латинской и византийской цивилизациями, будучи, однако, интегральной частью первой"». И здесь налицо ссылка на концепцию переходности В. Налковского. Выступая с прогнозами будущего развития Центральной Европы, Т. Киселевский связывает его с

факторами «распада СССР и объединения Германии». И добавляет, что если центральноевропейским странам удастся войти в западноевропейские структуры, то «идея Центральной Европы не станет массовой политической идеей, а, очевидно, даже утратит свою привлекательность для интеллектуалов». Если же такое вхождение не состоится, то «идея центральноевропейского региона может даже утвердиться как официальная доктрина, поддерживаемая политическими элитами... Такое развитие событий привело бы к большому и неконтролируемому росту немецкого влияния в центральноевропейском пространстве, что в свою очередь нарушило бы систему коллективного (в рамках европейских структур) политического равновесия и отношений в Европе»⁶.

Другие авторы также приходят к подобным выводам. Известный философ Б. Лаговский обращает внимание на источники общественного беспокойства в Польше. «Наш путь к объединенной Европе, – отмечает он, – невозможен до тех пор, пока мы не поднимемся до западного цивилизационного уровня. Для этого необходимо не только время, но и усилия, чтобы приспособиться к нему. Иначе мы дождемся сначала антипольских настроений на Западе, а потом в Польше возникнет партия, рассчитывающая на Россию и втягивающая ее в польские дела»⁷.

Познанский историк Е. Красуский, занимая взвешенную, реалистическую позицию, считает, что Польша является «транзитной» страной с преобладанием направления восток – запад. «Если политический вакуум на Востоке сохранится слишком долго, – заявляет Красуский, – то Польша как крепостная стена и граница Европейского сообщества попадет в такую зависимость от Германии, что ее существование станет де-факто фикцией». Свой прогноз он относит и к Чехии, Словакии и Венгрии, не говоря уже об Австрии. «Следовательно, – подытоживает он, – Центральная Европа вновь станет сферой немецкого влияния даже более успешного, чем когда-либо до этого». Обращает также на себя внимание поиск противовеса Германии именно на востоке. Для Польши Красуский видит шанс «сохранить свою самобытность только в том случае, если ось Париж–Берлин–Варшава протянется до Москвы»⁸.

С точки зрения последнего «коммунистического» премьера М. Раковского, самое главное, чтобы Польша на пороге третьего тысячелетия стала полноправным членом ЕС. Он считает, что вхождение в НАТО не имеет такого качественного веса, как присутствие страны в ЕС. Здесь уместно было бы отметить, что подобные мнения высказывались участниками «круглого стола» по проблемам новой региональной идентичности центральноевропейских стран, проведенного в Институте славяноведения

РАН⁹. Несомненно, считает М. Раковский, связь с Североатлантическим пактом усилит чувство национальной безопасности, но армия, даже вооруженная самым современным оружием, имеет малое влияние на формирование экономических и социальных отношений. На его взгляд, политики и журналисты уклоняются от своей важнейшей обязанности – просветительской деятельности, а ведь она необходима, если вхождение в Европу понимать как приспособление к нормам сожителства народов западной части континента. Подобное приспособление предполагает перестройку национального сознания, а это – задача значительно более сложная, чем создание правовой базы, приспособленной к законам входящих в состав ЕС государств¹⁰.

Е. Урбан, бывший пресс-секретарь правительства М. Раковского, призывает с большой долей скептицизма относиться к данным социологических исследований, по которым 90% поляков высказывались за вступление в НАТО, 88% – за экономическую и политическую интеграцию с ЕС. Большинство тех, кому нравится объединение с Западом, по результатам других исследований, совершенно равнодушны ко всей внешней политике и придают значение только внутривнутриполитическим условиям жизни. Среди поляков, спешивших в НАТО, значительная часть отрицательно относится к возможному размещению в Польше ядерного оружия и иностранных войск. Это следует понимать таким образом, что поляки не против «западного зонтика», но без связанного с этим риска. Правые группировки, которые поддерживали вступление РП в НАТО, неодобрительно относятся к условиям экономического, социального и юридического интегрирования с Западом. Наконец, Движение за возрождение Польши (ДВП) и значительная часть Акции выборчей «Солидарность» (АВС) рассматривают суверенность Польши как высшее благо, но ведь вступление в евроатлантические структуры ведет к ее определенному ограничению. Е. Урбан подчеркивает, что почти всеобщая поддержка поляками идеи членства их страны в НАТО питается прежде всего антиросийскими фобиями. Он также делает акцент на одном из аспектов этой проблемы, не поднимаемом в польской прессе: членство РП в НАТО будет составлять некоторый противовес возможному участию во власти крайне правых. Такой противовес желателен, ибо в условиях возникновения конфликтных ситуаций за восточной границей страны правые экстремисты могли бы «под шумок» выдвинуть требования в отношении Львова и Вильно или деформировать польскую восточную политику какими-либо другими авантюрными предложениями¹¹.

По мнению А. Щипёрского, западную ориентацию польской внешней политики наверняка определяет стремление к материальному авансу. Одна-

ко это хотя и очень существенный, но не единственный фактор. Участие в НАТО совсем еще не обеспечивает полякам благосостояния, даже наоборот: в ближайшие годы оно накладывает на общество значительное финансовое бремя. С другой стороны, желание вступить в НАТО было сильнейшим аргументом, подтверждавшим нежелание огромного большинства нации вернуться к прежней политической, экономической и социальной ситуации. Щипёрский полагает, что нет такой страны, которая проиграла бы от участия в континентальном содружестве. Даже при разделах Польши сохранялась национальная самобытность. И смешно бояться, заключает он, что 40-миллионный народ в собственном суверенном государстве потеряет эту самобытность в рамках интегрированной Европы¹².

В ряде публикаций отмечается, что в то время как абсолютное большинство польского общества за вхождение в ЕС (и выступало за вхождение в НАТО), «антиевропейское» меньшинство имеет тем не менее довольно влиятельных сторонников. И не только в так называемых посткоммунистических кругах, представители которых – из-за политических биографий и почти полувекового понимания польских государственных интересов на базе «восточной ориентации» – естественно входят в это меньшинство. Но удивительно, что антиевропейские настроения находят приверженцев также в польском костеле, Польской крестьянской партии (ПКП) и народных (национальных) кругах. Если кардинал Ю. Глемп видит на Западе истоки морального распада и указывает на его опасность для традиционного польского католицизма, то ПКП заявляет об угрозе сельскохозяйственной политики ЕС для польского села, а народовцы вместе с некоторыми идеологами Христианско-национального объединения (ХНО) толкуют о негативных последствиях общеевропейской унификации национальной самобытности поляков¹³.

Некоторые материалы польской периодики содержат резкую критику восточного направления внешней политики страны. Известный в Польше ведущий специалист по «русским делам» проф. А. Дравич (ныне уже, к сожалению, покойный) оценивал в декабре 1993 г. политику отчуждения по отношению к РФ как «огромную политическую глупость». Объясняя «разбухающий на глазах», подобно атомному грибу, чудовишный синдром отчуждения от России в польском обществе обидами за прошлое, страхом перед будущим и польской гордыней, он подчеркивал, что «дозволенное общественному мнению не пристало тем, кто властвует в Речи Посполитой. Ибо их дело – не поддаваться эмоциям толпы... Создается впечатление, что они задались целью изменить географическое положение Польши – отчалить от берегов Буга и пришвартоваться где-нибудь между Норвегией и Ис-

ландией». И далее: «Определенные надежды во мне пробудила смена власти в стране (в сентябре 1993 г. – *О.М.*). Однако я быстро понял, что это – иллюзии, ибо левые силы в Польше превыше всего жаждут психологической легитимности и панически боятся обвинений даже в самом малом русофильстве»¹⁴.

Не согласен с русофобским журналистским большинством и публицист Ст. Киселевский, утверждающий, что Ялта была для Польши «не только вступлением в политическую неволю, но также и обретением разумного географического положения», что следует сохранять союз с Россией, но не на базе единства мировоззрения и строя, а на основе добровольной, свободно определенной общности жизненных интересов¹⁵. Эти идеи, кстати, разделяются некоторыми известными деятелями «Солидарности». Так, А. Михник утверждает, что «постоянный диалог с Россией должен быть каноном польской геополитики. С любой Россией. Даже и с той, которая использует имперский язык. Таков непреложный закон польской геополитики»¹⁶.

О том, что польские власти и средства массовой информации «односторонне и поверхностно» информируют общественность страны о подлинных проблемах европейской безопасности, особенно об условиях, а также политических, военно-стратегических и финансовых последствиях вступления РП в Североатлантический альянс, заявляли участники состоявшейся в Варшаве в марте 1996 г. конференции «НАТО и безопасность Польши и Европы». Ее провели Общество «Польша–Восток» и «Клуб польских государственных интересов» – организация, объединяющая независимых политологов и общественных деятелей. Попытки на этой конференции польских политиков и военных строить систему европейской безопасности без России или в ущерб ее интересам ученый М. Добросельский расценил как удивительные, «представляющие собой опасные и очень дорогостоящие иллюзии»¹⁷.

Взвешенную позицию высказывал также Е. Урбан, обращая внимание на то, что никакая НАТО не обезопасит Польши от Востока, если она не будет поддерживать с Россией добрососедские отношения. Так же как никакой ЕС не заменит Россию в качестве источника сырья и энергии для Польши и рынка сбыта для большинства польских товаров¹⁸. О желании осуществить стратегическую цель – вступить в НАТО, не ухудшая отношений с Россией, заявлял Д. Росати. Он был убежден, что это удастся сделать, даже если в переходный период возникнет определенное напряжение в польско-российских отношениях¹⁹.

И все же, несмотря на существование в Польше реалистических, продуманных, подобных приведенным выше настроений, явно преобладающи-

ми являются антироссийские. Вопрос «Что важнее – быстрое вступление в НАТО или выгоды от возможных экономических уступок России?» ввел в оборот министр иностранных дел левого коалиционного правительства А. Олеховский. Он объяснял свою отставку в феврале 1995 г. «принципиальными разногласиями» со всем кабинетом по проблемам сотрудничества с Россией, которое, по его утверждению, мешает стране на ее пути к Западу. Некоторые ведущие политики коалиции указывали на необходимость усилий по развитию региональной интеграции, функционирующей независимо от европейского сообщества²⁰. После визита министра иностранных дел РФ Е. Примакова в Варшаву в марте 1996 г. в стране развернулась политическая кампания, направленная на «нейтрализацию» возможного улучшения двусторонних отношений. Так, представители ДВП, в котором после поражения на парламентских выборах 1993 г. объединился ряд правых группировок (сторонников Л. Валенсы и Я. Ольшевского), заявляли, что до вступления Польши в НАТО подписание договоров с Россией вообще должно быть приостановлено.

Итак, польская восточная политика, прежде всего политика в отношении России, представляется лишь функцией западной политики страны. Кроме этого следует подчеркнуть, что в последнее время поляки активно разыгрывают украинскую карту, рассматривая Киев как главный противовес влиянию Москвы в центральноевропейском регионе. Конечно, существуют в этом вопросе различные оттенки, как немало их и во взглядах на другие традиционные польские геополитические дилеммы. Весьма неоднородно современное общественное мнение страны, хотя и единодушно в том, что Польша получила реальный шанс решить свои исторические проблемы. Многое в этой нелегкой работе зависит и от соседей, но более всего от самих поляков, от того, смогут ли они преодолеть, с одной стороны, иллюзии об априорной выгодности сотрудничества с Западом, а с другой – неприязнь и предубеждения по отношению к своим многолетним и потенциальным партнерам на Востоке.

2. Ставка на натовский зонтик

Интересно, как, согласно исследованиям Центра по изучению общественного мнения (ЦИОМ), польское общество определяло свое понимание безопасности в заново формирующейся Европе, ибо это один из основных показателей поддержки внешней политики. Уменьшались опасения угрозы независимости Польши, но одновременно с этим оставалось беспокойство, касающееся действий польских соседей. Только 13% опрошенных поляков не боялись в 1992 г. ни одного из них. Остальным наиболее опасными каза-

лись: Германия (60%), Украина (53%), Россия (47%). При этом антипатии и опасения не влияли на заинтересованность в интенсивном сотрудничестве²¹.

По результатам опроса, проведенного ЦИОМ в августе 1995 г., 78% поляков видели решение проблемы безопасности своей страны в ее вступлении в НАТО. При этом 64% считали, что в данном вопросе не следует обращать внимание на позицию России. Когда вступать? «Сейчас же!», – отвечали 43% опрошенных. «Через пять лет», – полагали 28%²². В печати неоднократно отмечалось, что по вопросу вступления Польши в НАТО, как ни по какому другому, в стране господствует полное «морально-политическое единство». И действительно, из социологических опросов 1996 г. следовало, что уже 83% поляков хотели бы этого (рекорд в Центральной Европе)²³. Однако показательна атмосфера, сложившаяся вокруг обсуждения вопроса о референдуме по вступлению в НАТО. В феврале 1997 г. руководство социал-демократов решило включить пункт, обязывающий партию добиваться общенационального референдума по этому вопросу, в проект партийной программы, принятие которой предполагалось на съезде СДРП в конце года. Как считали деятели этой партии, являвшейся ведущей политической силой в парламенте до сентября 1997 г., референдум должен был как бы «окончательно подтвердить» решимость Польши к интеграции с альянсом.

Волна протестов политиков разной политической окраски свидетельствовала о том, что такая постановка вопроса серьезно обеспокоила «пронатовские» силы. О том, что это «не совсем удачная идея», высказались президент и премьер-министр, глава внешнеполитического ведомства и спикер сейма, не говоря уже об оппозиционных лидерах и прессе. Главным мотивом их выступлений был следующий: идея вступления в НАТО имеет в польском обществе столь массовую поддержку, что проведение референдума на данный счет нецелесообразно. Пресса изобиловала утверждениями и «зондажами» о том, что вступление в альянс якобы поддерживает 90% населения страны. Многие партии и группировки выступили с официальными «обращениями» к СДРП, призывавшими отказаться от подобного предложения.

Тем временем, как свидетельствовал наиболее представительный опрос общественного мнения, проведенный ЦИОМ в январе 1997 г., за вступление в Североатлантический союз ратовали 79% поляков, но за предшествовавшие несколько месяцев этот показатель снизился на 4%. Социологи отметили, что «поддержка идеи интеграции Польши с НАТО снижается, когда до сознания респондентов доводится факт, что принадлежность к пакту влечет за собой конкретные обязательства». К примеру, более трех чет-

вертей поляков решительно отвергали возможность размещения на территории своей страны ядерного оружия альянса, и лишь десятая часть граждан была согласна на это²⁴.

Но не только факт далеко неоднозначной поддержки «натовских устремлений» заставил беспокоиться политические круги Варшавы. Закон требует явки на референдум не менее половины граждан, имеющих право голоса. В случае недействительности волеизъявления по данному вопросу польский курс на вступление в НАТО потерпел бы провал, означая несостоятельность всей без исключения политической элиты, ангажированной на эту проблему. По вышеизложенным причинам, а также под беспрецедентным давлением со всех сторон Главный совет СДРП снял из проекта партийной программы требование референдума, заменив его следующей декларацией: «Принадлежность Польши к НАТО представляет собой самую надежную гарантию нашей внешней безопасности». А премьер-министр В. Чимошевич в телевизионном выступлении призвал соотечественников «продемонстрировать единство и быть выше разделяющих общество расколов перед лицом государственных интересов и в отношении внешней политики страны»²⁵.

По данным исследования, проведенного по поручению канцелярии премьер-министра и МИД в июне 1997 г., 58% респондентов положительно оценивали польскую внешнюю политику. Свое негативное отношение выразили всего 7% опрошенных, а каждый третий воздержался от ответа. За вступление в НАТО высказались 79%, против – 4%; идею членства в Европейском союзе поддержали 77%, против были 7% опрошенных. Ровно 50% заявили, что Польше необходимо тесно сотрудничать с Россией, тогда как 21% имели противоположное мнение. За тесные связи с Германией и США высказались 73% и 79%, против – 7% и 3% соответственно. Несмотря на широкую поддержку идеи кооперации с западными государствами и организациями, нынешние отношения в этой области оцениваются поляками достаточно критически. 35% считают, что Запад использует Польшу в своих интересах в большей степени, чем она получает от этого выгоду. В то же время 24% заявили, что сотрудничество между Польшей и западными соседями приносит Варшаве пользу²⁶.

Теперь попробуем проследить позиции основных политических партий в отношении приоритетов внешней политики страны. Социал-демократия Республики Польша (СДРП) неизменно была сторонницей включения в европейские процессы и структуры, и со временем эта позиция укреплялась. Однако уже в первых программных декларациях социал-демократии этому сопутствовало предостережение, что процесс «вхождения в Европу» будет

не только трудным, но и рискованным с учетом огромных экономических диспропорций²⁷.

Несколько в меньшей степени, чем социал-демократы, связывает будущее Польши с Западной Европой Польская крестьянская партия, составлявшая с социал-демократами правительственную коалицию в 1993–1997 гг. В ее заявлениях можно было встретить сомнения, имеющие главным образом экономическое основание, опасения высокой цены связей с ЕС, а также подчеркивание значения сотрудничества с ближайшими соседями²⁸. Во время парламентских выборов осенью 1997 г. ПКП по-прежнему ратовала за вступление Польши в НАТО, но одновременно считала, что это должно сопровождаться установлением хороших отношений с соседями, прежде всего с Россией. С присоединением к ЕС спешить не стоит, заявляла ПКП, подготовительный этап должен продолжаться несколько лет. Необходимо также оговорить соответствующие условия, иначе это фатально повлияет на польское сельское хозяйство²⁹.

Союз труда (СТ), входящий в Союз демократических левых сил (СДЛС), отмечал, что внешняя безопасность Польши требует прежде всего вступления в НАТО, а также поддержания дружеских контактов с соседями и большего различия в направлениях экономического сотрудничества, сегодня слишком односторонне сконцентрированных на Западной Европе. СТ опасается, что в условиях свободной конкуренции с ЕС некоторые отрасли польской экономики могут понести значительный ущерб³⁰. Безоглядное стремление к полной интеграции с Западной Европой – плохая характеристика дальновидности и патриотизма правящих кругов, отмечалось в идейно-программной декларации (1994 г.) Союза польских коммунистов «Пролетариат», который полагал, что Польша как страна экономически более слабая не является и не будет равноправным партнером более сильных стран³¹.

Правые политические группировки Польши также высказываются за участие в процессе европейской интеграции, который, однако, как подчеркивает, например, Христианско-национальное объединение, не должен ограничивать суверенности государства и национальной самобытности³². В какой-то мере аналогичны взгляды консерваторов, хотя основания для протеста против слишком далеко идущей интеграции у них иные. Считая вхождение в НАТО «полезным» консервативно-либеральная партия Союз реальной политики (СРП) тем не менее возражает против вступления Польши в этот альянс «любой ценой» и опасается «слишком больших жертв с польской стороны». Специфическую позицию занимает Консервативная партия, полагающая, что внешняя политика страны «должна базироваться на прин-

щипе национального интереса», а формирование европейского единства – осуществляться на основе «уважения идентичности и суверенитета наций». Она выступает «против концепций искусственной унификации Европы», «за многообразие национальных культур». Партия польской демократии декларирует необходимость «расширения участия Польши в процессах формирования нового облика Европы». В то же время, как явствует из программных документов, она поддерживает «постепенную интеграцию польской экономики с высокоразвитыми государствами Запада на принципах взаимовыгодного сотрудничества»³³. Национальная и Национально-демократическая партии, Христианская партия – партия труда тоже позитивно оценивают европейскую интеграцию, но при условии, что она будет означать создание союза суверенных государств (Европы Отчизн), не приводя к ограничению национальной и государственной суверенности, с сохранением своей культурной и национальной самобытности³⁴.

В предвыборной программе Движения за возрождение Польши осенью 1997 г. отмечалось, что участие РП в НАТО, усиление балтийских государств, Украины и Белоруссии создают «шанс для сдерживания российского империализма», а членство Польши в ЕС «требует времени и денег» и подготовки по крайней мере нескольких стратегических отраслей польской экономики к конкуренции с Западом³⁵. АВС (блок из трех с половиной десятков партий и организаций, ведущей силой которого является профсоюз «Солидарность»), выступая за быстрее вхождение страны в НАТО, подчеркивала в 1997 г., что Польша должна при этом сохранить собственную самобытность и иметь «непосредственное влияние на формирование нового порядка в Европе». Отмечая, что вступление республики в НАТО и ЕС динамизирует ее экономический рост, АВС предлагала все же продумать план взаимодействия с Европейским союзом, например в сфере промышленной политики. При этом подчеркивалось, что АВС многократно критиковала прежний правительственный документ о стратегии интеграции «как очень поверхностный, не охватывающий комплекса проблем, связанных с этим». Однако АВС однозначно выступает против замедления интеграционных процессов³⁶.

Таким образом, правые группировки, поддерживая в целом стремление РП в НАТО, были не согласны, в частности, со свободным передвижением капиталов (полагая, что иностранная плутократия выкупит Польшу и завладеет ею) и свободным передвижением людей, а особенно их наплывом в страну: они выступают за протекционные таможенные барьеры (так как следует спасти польское сельское хозяйство от побеждающей внешней конкуренции), не хотят приспособления польских законов к международ-

ным стандартам (считая, по меньшей мере, спорными запрет смертной казни, гарантии для национальных и сексуальных меньшинств, равноправие верований и т.д.).

Польские партии центристской ориентации также выступали за полное членство страны в НАТО. Приоритетом внешней политики, по мнению Соглашения центристских сил (СЦС), должно быть вступление в эту и другие европейские структуры, понимаемое как альтернатива зависимости от России. «Польша может и должна переломить довлеющий на ее судьбах геополитический фатализм путем участия в евроатлантических оборонных организациях (НАТО, ЗЕС) и в Европейском союзе», – отмечалось в программных декларациях СЦС³⁷.

Сходную позицию в начале своей деятельности занимал в этих вопросах и Либерально-демократический конгресс (ЛДК). Основным содержанием современных польских государственных интересов признавался «проевропеизм», понимаемый как приспособление и готовность к сотрудничеству с целым комплексом континентальных институтов. В начале 90-х годов в программных документах Демократического союза (ДС) это направление всегда рассматривалось первостепенным среди всей международной проблематики. Подчеркивалась позитивная с любой точки зрения роль западноевропейских структур и естественная в этой ситуации необходимость польской принадлежности к ним³⁸. Союз свободы (СС), образовавшийся в результате слияния в 1994 г. ЛДК и ДС, также ратовал за скорейшее вступление Польши в ЕС и НАТО, но его программа содержит вместе с тем и положение о создании «мирных отношений между НАТО и Россией»³⁹. В ходе парламентских выборов 1997 г. СС однозначно высказывался за общеевропейскую экономическую интеграцию, при этом председатель Парламентского клуба СС Б. Геремек подчеркивал, что с момента вступления в ЕС Польша будет получать от него в 5 раз больше, чем давать⁴⁰.

Стремление к поиску сбалансированного варианта решения проблемы внешнеполитической ориентации Польши свойственно и Польской партии «Отчизна» (ПП «Отчизна»). Связывая решение политических и экономических проблем с географическим положением страны – между Россией и Германией, – ПП «О» выступает за установление «новых политических и экономических контактов» с соседями на Западе и на Востоке⁴¹.

Против политического курса на вхождение Польши в НАТО и ЕС категорически выступает Национальная партия «Щербец» («Зазубрина»). Она назвала этот курс «национальным самоубийством» в своем майском (1995 г.) заявлении: «...вхождение в НАТО подвергает страну смертельной

опасности, а возжеленная многими Европа превратит нас в дешевый рынок сбыта иностранных изделий и в колонию»⁴².

Если кратко обозначить позиции партий на парламентских выборах в сентябре 1997 г., то они группируются следующим образом:

- а) безусловно за вхождение в НАТО – СС, СТ, ДВП;
- б) «за» с определенными оговорками – СДЛС, АВС, ПКП.

Что касается Европейского союза, то только СС безоговорочно за быстрое в него вступление; остальные партии в принципе «за», но высказывают различные оговорки: СДЛС боится слишком сильной зависимости от Брюсселя; АВС и СТ говорят о необходимости выторговывания выгодных кредитно-финансовых условий; ПКП озабочена защитой польского сельского хозяйства; ДВП предостерегает от излишней спешки⁴³.

Мнения относительно внешнеполитических приоритетов зависят от уровня образования и политических симпатий. Так, по данным опроса в июне 1997 г., 81% представителей интеллигенции и руководящих кадров одобряли международный курс страны. Наибольшее количество таких оценок было дано сторонниками центристского СС (87%), 4% его электората высказали отрицательное к этому курсу отношение, а 9% воздержались. Меньше были удовлетворены результатами внешней политики сторонники правого ДВП: 42% оценили их позитивно, 11% – негативно, а 47% не высказали определенного мнения. Сторонники ПКП также оказались не в восторге от международных польских дел (53%, 10% и 37% соответственно)⁴⁴.

Интересен зондаж, проведенный газетой «Польска Збройна» в сентябре 1997 г. среди представителей 10 партий об их взглядах на размещение в Польше ядерного оружия из арсеналов НАТО. Больше всего предостережений прозвучало от представителей Всепольской партии пенсионеров. Ее конкурент – Всепольское соглашение пенсионеров – допускает такую возможность в зависимости от развития ситуации за восточной границей. Для СС условием размещения ракет могла бы быть реальная угроза безопасности страны. АВС, СДЛС, СТ далеки от энтузиазма в отношении присутствия ядерного оружия на польской территории, однако убеждены, что РП будет полноправным членом Североатлантического союза со всеми вытекающими из этого последствиями. Такие партии, как ДВП или ПКП, выражают надежду: ядерное оружие никогда не окажется на польской территории, ведь уже сама НАТО решила, что сейчас в этом нет необходимости⁴⁵.

Таким образом, с одной стороны, очевидна неизменность приоритетов и преемственность стратегической линии Польши на вступление в ЕС и НАТО. С другой же – внимательный анализ обнаруживает определенную

вариативность и различную акцентировку аналогичных, на первый взгляд, внешнеполитических установок основных партийных объединений.

В последние годы в Польше активизировались споры о «цене входного билета в НАТО». При этом цифры очень разнятся, – по-видимому, «зависят от того, кто и для кого считает», – от 18 до 72 млрд долл.⁴⁶ Затраты на интеграцию Польши в НАТО «соответствуют возможностям государственного бюджета» страны – делался вывод в опубликованном в январе 1997 г. докладе так называемого Евроатлантического общества (ЕО), которое объединяет многих польских политиков и общественных деятелей, ратующих за скорейшее вступление Польши в западные структуры. По словам председателя ЕО, бывшего министра национальной обороны Я. Онышкевича, «непосредственные затраты» на включение страны в структуру пакта будут составлять около 2–3% бюджета оборонного ведомства страны – примерно несколько десятков миллионов долларов в год. При этом вопрос о стоимости модернизации польских вооруженных сил, как полагает Онышкевич, следует исключить из дискуссии о затратах на вступление в альянс, ибо «польскую армию и так надо модернизировать». Однако попавшие в печать данные специалистов самого Минобороны далеко не столь оптимистичны, как утверждения сторонников интеграции из ЕО. Для достижения уровня технической оснащенности западных армий, считают они, в Войско Польское надо «вкладывать» ежегодно по 2 млрд долл. В течение примерно двух десятилетий. А это – почти весь годовой оборонный бюджет страны. Тем не менее, как утверждал тогдашний замминистра национальной обороны А. Каркошка, «Польша в состоянии вступить в НАТО»⁴⁷.

По данным Комитета обороны Польши за июль 1997 г., предполагалось, что в течение более десятка лет стране, вступившей в НАТО, ежегодно придется вкладывать как полноправному члену альянса 150–200 млн долл., не считая затрат на модернизацию вооруженных сил. Министр иностранных дел Д. Росати призывал журналистов «не бить тревогу» по этому поводу, поскольку «Польша в состоянии нести такого рода расходы». Правда, еще в мае того же года премьер-министр В. Чимошевич говорил о куда более скромных тратах, подчеркивая, что по правительственным оценкам, стране предстоит выплатить от 100 до 150 млн долл. в ближайшие 10 лет⁴⁸.

Как же реагировали на эту финансово-расходную сторону дела поляки? По данным на лето 1996 г., когда стало известно, что затраты новых членов и кандидатов на вступление в НАТО составят до 61 млрд долл. в течение ближайших после мая 1999 г. пятнадцати лет, 58% опрошенных граждан полагали, что присоединение к НАТО следует отложить до «улучшения экономической ситуации», до того времени, «когда страна сможет позволить

себе подобные расходы», 23% – выступали за вхождение в НАТО «любой ценой». Опрос в сентябре 1997 г. показал, что 44% респондентов одобряли связанные с этим расходы, 25% были противоположного мнения, 30% затруднились ответить⁴⁹.

Со своей стороны, НАТО, особенно американцы, убеждала поляков в том, что им не следует бояться расходов, налагаемых на ту или иную страну ее вступлением в альянс. Так, выступая в январе 1998 г. в польском сейме, натовский генсек Х. Солана заявлял, что режим «притирки» будет щадящим, а затраты на модернизацию польской армии не могут представлять угрозы экономическим реформам Польши. «Мы не требуем от вас чрезвычайных расходов и самопожертвования», – сказал он⁵⁰. С точки зрения интересов США, играющих, несомненно, первую скрипку в НАТО, Польша является ценным приобретением для альянса. В этой стране настолько сильны проамериканские настроения, что в том числе и с их помощью Вашингтон рассчитывает сохранить надежные позиции в Североатлантическом союзе. К «американской концепции» Польша склоняется и в ОБСЕ, видя роль последней «наряду, а не вместо НАТО». Уже несколько лет Варшава пользуется благосклонностью Пентагона, который считает ее «своим важнейшим союзником в Центральной Европе». В 1997 г. Польша получила 12,587 млн долл., а в 1998 г. США предоставили 15,7 млн долл. в качестве безвозвратной военной помощи. Еще 1,6 млн долл. Пентагон затратит на обучение и переподготовку польских военнослужащих в армейских центрах на территории США. Из этой же суммы будут покрыты расходы на участие вооруженных сил Польши в различных учениях и маневрах, проводимых в рамках программы «Партнерство во имя мира»⁵¹.

В сентябре 1997 г., как уже упоминалось, в Польше состоялись парламентские выборы, на которых победу одержал блок АВС. Было образовано правоцентристское коалиционное правительство АВС–СС во главе с депутатом от АВС Е.Бузеком, который подтвердил курс прежнего правительства на быстрые темпы вхождения Польши в НАТО. Этого же направления продолжал придерживаться и президент. Так, знакомя с внутривнутриполитической и экономической жизнью страны главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе У. Кларка, находившегося в Варшаве с визитом в феврале 1998 г., А. Квасьневский заявил, что первостепенными он считает задачи укрепления демократии, ликвидации экономических диспропорций, отделяющих Польшу от высокоразвитых промышленных стран Запада, интеграции с ЕС и НАТО. «Расширение НАТО выходит за оперативные, стратегические или политические рамки – это исторический процесс. Закрывается не только раздел истории, начиная от Ял-

ты, но и рождается концепция строительства на базе общих ценностей новой Европы», – подчеркнул польский президент⁵². Излагая свое видение будущего европейского дома на встрече с президентом Украины в Харькове в июне 1998 г., А. Квасьневский отметил, что в XXI в. Европу ожидает резкое ужесточение условий конкуренции с другими быстроразвивающимися регионами мира, и ни одна из европейских стран не в состоянии самостоятельно справиться с глобальными требованиями этой конкуренции. «Расширение Североатлантического блока и более интегрированный Европейский союз, – подчеркнул он, – самый лучший ответ нашей древней евроатлантической цивилизации на вызов будущего»⁵³.

В том же духе, кстати, высказался на торжественной церемонии в Брюсселе (декабрь 1997 г.) при подписании протоколов о вступлении Польши, Чехии и Венгрии в Североатлантический союз Б. Геремек, ставший в правительстве АВС–СС министром иностранных дел. Пообещав от имени РП быть полноценным членом блока, делить с союзниками ответственность и расходы, поставить большую часть своих вооруженных сил под общее командование, министр заключил: «Мы хотели бы жить в Европе без военных альянсов. Однако пока военная сила остается гарантом безопасности, только НАТО может надежно обеспечить безопасность Европы»⁵⁴.

В декабре 1997 г. на конференции в Варшаве, посвященной вопросу о роли НАТО уже в расширенном составе, был отмечен еще один аспект последствий присоединения к Североатлантическому альянсу трех центральноевропейских государств, а именно: Германия окажется в окружении исключительно натовских стран, что обусловит ее поведение в отношении Польши скорее как «лояльного гражданина», нежели соседа, создающего угрозу. Тем самым расширением НАТО на восток будет сдерживаться колоссальная мощь объединенной Германии. А страх перед нею – западным соседом и Россией – соседом восточным существовал в Польше на протяжении веков. После объединения Германии в 1990 г. канцлер Г. Коль принял ряд мер для примирения двух стран, начиная с официального признания польско-германской границы по Одеру–Нейсе. Укрепление доверия и активизация сотрудничества, в том числе быстрое наращивание торговых связей и рост инвестиций, в последнее десятилетие удивляют многих. Б. Геремек назвал данный процесс «историческим изменением»⁵⁵. В ответ же на обеспокоенность некоторых своих сограждан германским торгово-экономическим «наступлением» и вообще возможностью превращения западноевропейских структур в некое «еврогосударство», ущемляющее суверенные права существующих национальных государств, Геремек заметил, что не считает подобную обеспокоенность серьезной»⁵⁶.

3. Стремление в ЕС: за и против

Б. Геремек, став руководителем МИДа, вступил в спор с главой государства и так называемым Комитетом европейской интеграции, созданным для обеспечения переговорного процесса о будущем вступлении Польши в ЕС. Именно внешняя политика избрана той сферой, в которой правящая коалиция намерена приступить к ограничению компетенций «посткоммунистического президента» А. Квасьневского, а при случае – и отстранить его от власти на досрочных выборах.

Свою обеспокоенность положением в руководстве внешней политикой все чаще высказывает польская пресса. Ее тревогу вызывает то, что важный государственный чиновник избрал для себя первоочередной задачей не подготовку переговоров с ЕС, не заботу о ратификации сеймом подписанного в Брюсселе протокола, а личные амбиции, пытаясь доказать, что он важнее главы польского государства. В частности, оппозиционная «Трибуна» напомнила читателям, что «наша страна переживает сейчас особый исторический момент. Решается, а не решился, как считают некоторые, вопрос о нашей будущей безопасности». Тем временем, по мнению этой газеты, благодаря новому министру «распадается миф о сплоченности поляков вокруг проблем внешней политики. Мы вновь предстаем на международной арене перессорившимися»⁵⁷.

31 марта 1998 г. начались переговоры Польши с ЕС о вступлении в этот союз. Им предшествовало обсуждение в сейме, явившееся, по словам Б. Геремека, «началом широкой национальной дискуссии на тему подготовки республики к европейской интеграции». Глава Комитета по европейской интеграции Р. Чарнецкий, представляя главные положения принятого правительством мандата к переговорам, подчеркнул, что сегодня в Польше нет вопроса, должна ли страна стать членом ЕС. Вопрос в другом: как она должна интегрироваться, на каких условиях? Он также отметил, что финансовая помощь ЕС могла бы способствовать более быстрому достижению требуемых стандартов в таких областях, как защита окружающей среды, транспортная инфраструктура, сельское хозяйство. Чарнецкий считает, что подключение Польши к европейской интеграции – взаимовыгодный процесс: польская экономика, динамика роста которой в два раза выше средней в ЕС, 40-миллионный рынок потребителей с быстро растущей покупательной способностью, хорошие торговые контакты на восточных рынках, несомненно, придадут экономике союза ценный импульс развития. Польша также обогатит ЕС собственной культурой, опытом борьбы за суверенность, демократию и права человека.

Все клубы в парламенте поддержали начинающиеся переговоры. Т. Мазовецкий (СС) отмечал, что ни один народ, присоединившись к ЕС, не утратил национальной оригинальности. Чтобы исключить такие опасения, следовало бы полностью изолироваться от мира. Е. Осятыньский (СС) подчеркивал, что вступление в ЕС не является самоцелью, что цена вступления – одновременно и цена трансформации всей польской экономики. К. Яняк (АВС) акцентировал внимание на том, что благодаря свободному передвижению людей поляки смогут выбирать место работы.

Оппозиция представила критические замечания к ходу переговоров. Ю. Олексы (СДЛС) требовал, чтобы основные документы, связанные с этим процессом, который выходит за рамки одной каденции, широко обсуждались политическими партиями. Он подчеркивал, что чем ближе переговорный процесс, тем сильнее слышны голоса, не столь однозначно оценивающие стратегию интеграции, и их нельзя игнорировать. В числе особо важных на переговорах назывались социальные вопросы: рынок труда, защита окружающей среды, борьба с организованной преступностью и коррупцией. Для среднего поляка главное – сможет ли ЕС гарантировать работу⁵⁸.

Я. Калиновский (ПКП) делал акцент на том, что общее одобрение его партией не равнозначно согласию на интеграцию на любых условиях, добивался конкретизации вопросов обещанной правительством защиты отдельных отраслей, высказывал беспокойство, что интеграция в значительной степени увеличит безработицу. Я. Ольшевский (ДВП) заострял внимание на необходимости обеспечения хороших условий сельскому хозяйству, развития малых и средних предприятий, банковской системы. Остро критиковал стремление Польши к интеграции с ЕС Я. Лопушаньский (АВС–ХНО), который предложил отозвать решение по вопросу переговоров. По мнению последнего, вступление Польши в ЕС в его настоящем виде было бы для страны убийственно: в союзе доминируют антихристианские силы, он преобразуется в наднациональное европейское государство, главным предназначением которого будет выражение интересов крупного международного капитала⁵⁹.

В решении сейма о членстве Польши в ЕС, в частности, отмечалась необходимость более широкого информирования общества о том, что собой представляет этот союз, какие дает возможности, какие расходы понесет страна. Сейм высказался за проведение консультаций с различными слоями населения, группами и движениями, влияющими на общественное мнение, так как без одобрения народа невозможна реализация столь важного шага⁶⁰. С целью обсуждения деятельности правительства, связанной со вступлением Польши в ЕС, ПКП создала Национальный форум европейской интеграции,

открытый для представителей всех политических направлений. На первом заседании в апреле 1998 г. Т. Мазовецкий, глава Комиссии сейма по европейской интеграции, убеждал в необходимости стереотипов, так как деление на евроэнтузиастов и евроскептиков нежелательно. Преодоление этого сделает возможным переход к мериторичной, т.е. по существу вопроса, дискуссии⁶¹.

По мере приближения даты основного обсуждения членами ЕС вопроса о возможности присоединения Польши к этой организации – 31 марта 1998 г. – отношение поляков к вступлению их страны в Евросоюз становилось все более скептическим. Если еще в 1997 г. в случае проведения всенародного референдума за безусловное вступление в ЕС готовы были отдать свои голоса 72% польских граждан, то к марту 1998 г. – 64%. Комментируя эту тенденцию, президент РП отметил, что сказываются опасения, связанные с необходимостью реструктуризации в сельском хозяйстве, тяжелой, металлургической, сталелитейной промышленности и т.д., но он убежден, что в обществе доля сторонников процесса интеграции с ЕС не уменьшится катастрофически, т.к. степень проевропейскости в Польше очень высока⁶².

По мнению социологов, сейчас, когда пришло время совершенно конкретных и необходимых мероприятий, связанных со вступлением в Евросоюз, общественное мнение Польши оказалось на переломном этапе. Подавляющее большинство польских граждан имеет весьма приблизительное представление о том, что требуется для членства в ЕС, и всегда изъявляло лишь общее желание войти в состав Евросоюза, не задумываясь над тем, какие обязанности это накладывает на их страну. Однако по мере приближения реальных сроков вступления поляки все чаще стали размышлять о том, как интеграция непосредственно повлияет на их повседневную жизнь. Явно опасаются интеграции крестьяне, ощутившие на себе неоднозначное влияние Евросоюза, а так называемые руководящие кадры, напротив, связывают с ЕС все свои надежды. Как можно более скорое вступление в ЕС, согласно опросам общественного мнения, желают молодые люди в возрасте 18–24 лет, а также безработные, которые, вероятно, надеются найти заработок на Западе Европы. Большинство же отдает себе отчет в том, что реально Польша сможет присоединиться к Евросоюзу не раньше 2003 года. Больше половины населения страны полагает, что польские граждане станут в ЕС людьми «второго сорта», и почти столько же поляков считают, что вступление их страны в ЕС принесет пользу скорее этому союзу, чем самой Польше. Более 40% респондентов уверены, что на переговорах с ЕС польское правительство идет на уступки, и только каждый десятый убежден, что оно твердо стоит на страже интересов польского народа в этом вопросе. Подав-

ляющее большинство хотело бы, чтобы польское общество было гораздо более информировано о ходе и результатах переговоров с ЕС⁶³.

По результатам другого социологического исследования, проведенного в феврале 1998 г., менее 1/5 поляков (19%) интересуются условиями вступления их страны в ЕС. Респондентов больше интересовали их права и обязанности как граждан государства-члена ЕС (25%), а также позитивные и негативные последствия присоединения РП к этому союзу. В 1998 г. в Польше на 5% снизилось число сторонников быстрого вхождения в ЕС и одновременно увеличилось (на 4%) число тех, кто утверждает, что Польша вообще не должна стремиться в Евросоюз. Однако «евроскептиков» в Польше все еще только 7%, более половины респондентов (53%) считают, что страна должна прикладывать усилия для интеграции в ЕС, но без особой спешки. «Евроэнтузиастов», т.е. тех, кто выступает за как можно более быстрое вхождение в союз, – 29%⁶⁴.

Неожиданны итоги первых исследований в среде польского духовенства, проведенных ЦИОМ в декабре 1997 г. – январе 1998 г. Почти 84% духовенства, на 20% больше, чем в среднем среди поляков, готовы проголосовать на референдуме за вступление Польши в ЕС. Правда, многие из них склонны усматривать угрозу активности костела, вытекающую из интеграции с ЕС, однако видят ее скорее в контексте неизбежных процессов, которым общество будет подвержено в будущем независимо от того, войдет ли Польша в ЕС или нет. На позитивное отношение большинства духовенства к интеграции влияет, по мнению авторов зондажа, положительная позиция по этому вопросу папы Иоанна Павла II, Епископата Польши, а также тот факт, что священники составляют в стране, даже на местах, определенную элиту. Все ксёндзы имеют высшее образование, многие знают иностранные языки и часто путешествуют на Запад. 68% священников устраивает их уровень жизни и развитие ситуации в стране. Наибольшая группа ксёндзов (44%) выступает за быстрое, до 2000 г., присоединение Польши к ЕС, позитивно оценивает влияние интеграции на экономику, международную безопасность, соблюдение закона и развитие демократии. В общем балансе выгоды и потери для костела, вызванные интеграцией, уравниваются, вместе с тем ксёндзы признают, что в личном плане первое преобладает. По оценке 51% священников, Польша должна сначала модернизировать экономику и только потом стремиться вступить в ЕС. Вместе с тем по мнению 42% опрошенных, следует как можно скорее войти в ЕС, так как это стимулирует развитие экономики. Абсолютное большинство – 81% ксёндзов – является сторонником концепции «Европа Отчизн» как объединения суверенных государств, гарантирующего им уважение национальной самобытности⁶⁵.

4. Регионализация как внешнеполитическая проблема

Практически все политические партии РП считают в числе важнейших проблем международной политики страны развитие регионального сотрудничества. Значительный интерес в этом плане представляет их видение возможностей и перспектив подобного сотрудничества. Так, правая Консервативная партия еще в 1992 г. подчеркивала важность связей Польши с центральноевропейскими государствами, а также с государствами Восточной Европы, которые «имеют огромное значение для стабилизации положения в нашем регионе»⁶⁶.

Правоцентристская Конфедерация независимой Польши (КНП) ориентировалась на тесное сотрудничество в рамках так называемого Междуморья – пояса стран между Балтикой и Средиземноморьем: Польша, Украина, Чехия, Словакия, Венгрия, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, балканские государства. «Огромный шанс, – подчеркивалось в ее программных документах, – который открывается перед странами нашей части Европы, это формирование центральноевропейского сообщества, объединяющего связанные узами общих интересов независимые государства». Идеологический подтекст подобных мотиваций очевиден: каждая из стран региона слишком-де слаба, чтобы стать партнером мощной западноевропейской экономики или же по-прежнему сильной России. Вместе с тем очевидна мотивация прагматическая: страны региона имеют огромный потребительский рынок, а также обладают немалым экономическим, интеллектуальным и сырьевым потенциалом. «Призванием истории» КНП назвала необходимость формирования в центральноевропейском регионе общего рынка, создания интеграционной системы политического и государственно-правового сотрудничества, а также системы взаимной безопасности. Строительство Междуморья должно сделать из Польши и ее союзников реальных партнеров Запада. Особо следует отметить, что региональное сотрудничество эта партия считает важнейшим фактором ускорения процессов общеевропейской интеграции. Но в то же время перспектива внутри- и межрегионального сотрудничества просматривается недостаточно определенно⁶⁷.

Значение регионального сотрудничества отмечается и другими партиями правого и правоцентристского спектра. В программе Национально-демократической партии, например, региональное сотрудничество определяется как производное геополитики, а партия «Щербец» призывает Польшу «ориентироваться на Восток и Юг, на славянские страны, а не на деморализованный, псевдохристианский Запад, который стремится превратить нас в колонию». Национальная партия тоже полагает, что необходимо идти по пути сотрудничества именно с теми государствами, с которыми

«вырисовывались бы возможности новых совместных интересов; особенно это касается так называемых естественных союзников Польши, ибо их с нами объединяют общие страницы истории»⁶⁸.

Крупнейшая центристская партия СС заявляет, что «взаимодействие со странами Центральной и Восточной Европы должно быть основано на общности интересов региона и способствовать упрочению в нем экономической стабильности»⁶⁹. За развитие региональных связей, в том числе в рамках Вишеградской группы и Совета государств Балтийского моря, выступает ПКП. В январе 1995 г. она подтвердила свое убеждение в том, что эти связи могут и должны быть фактором стабилизации во всем регионе Центральной и Восточной Европы, но вместе с тем – и эффективной поддержкой общеевропейского интеграционного процесса⁷⁰.

СДРП наряду с устремленностью в западноевропейские структуры подчеркивает актуальность восстановления и расширения необходимого для Польши присутствия на восточных рынках, а также «создание условий для регулярного сотрудничества стран Центральной Европы, которое должно заполнить собой вакуум, возникший вследствие распада СЭВ, и воссоздать экономические, политические и культурные связи в этом регионе»⁷¹. После парламентских выборов (сентябрь 1993 г.) левая правительственная коалиция, подтвердив стратегическую тенденцию ориентации на Запад, декларировала необходимость уделять больше внимания политике на Востоке, в том числе региональным формам интеграции – вишеградской, центральноевропейской, балтийской.

На встрече лидеров центрально- и восточноевропейских стран в Вильнюсе в сентябре 1997 г. А. Квасьневский заявил, что с начала своего президентства стремится «доказывать мировому мнению, что Центральная и Восточная Европа являются для мира зоной безопасности, сотрудничества, а не хлопот, беспокойства и непредвиденности»⁷². Следует отметить, что в таком составе (Белоруссия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Молдавия, Польша, Румыния, Украина, Финляндия, Эстония и Россия) лидеры региона не встречались со времен распада в 1991 г. Совета Экономической Взаимопомощи.

Первые шаги к новому сближению Польши с Украиной были сделаны еще в мае 1997 г., когда президенты А. Квасьневский и Л. Кучма подписали в Киеве документ, подводящий черту под историческими претензиями и обидами. Затем в Вильнюсе состоялась встреча в расширенном составе: Польша, Украина и три балтийские страны. В конце ноября 1997 г. в Бухаресте Л. Кучма и А. Квасьневский создали еще один центральноевропейский треугольник, подписав соглашение с Румынией. Стратегическое значение

всех этих соглашений польский лидер видит в укреплении безопасности и стабильности в регионе от «Балтики до Черного моря».

Радикально-левый Союз польских коммунистов «Пролетариат», заявляя о необходимости объединения усилий в регионе всех государств-должников, считает, что польская внешняя политика обязана «ориентироваться на более широкое сотрудничество со странами, имеющими подобные проблемы и общие интересы»⁷³. За сотрудничество с посткоммунистическими государствами, обремененными такими же, как Польша, социально-экономическими проблемами, при одновременном постепенном открытии всех их для европейской интеграции выступает Польская социалистическая партия (ППС)⁷⁴.

Наибольшие различия в позициях политических партий видны в определении ими существа восточной политики, особенно по отношению к России. Первые программные декларации СДРП подчеркивали трудности процесса «вхождения в Европу»: поляки не должны забывать, что их силой является сохранение рынков и свободы в политике на Востоке⁷⁵. Партия «Отчизна» призывала к более гибкому курсу в сфере экономических отношений с Россией, Белоруссией и Украиной. Национальная партия заявляла: политика государства в отношении России должна руководствоваться стремлением достижения партнерских, добрососедских отношений, а «хорошие отношения с Россией могут быть решающими в поисках возможностей усилить позицию Польши на международной арене в критической для нас ситуации». Партия «Щербец» требовала укрепления в польской внешней политике пророссийской ориентации, учитывая схожесть интересов «братских славянских народов»⁷⁶.

В предвыборной программе осенью 1997 г. ПКП заявляла, что вхождение Польши в западные структуры «будет идти параллельно с созданием стратегического союза НАТО с Россией» и высказывалась за расширение с последней политического, экономического и культурного сотрудничества. Всепольское соглашение пенсионеров также придает большое значение «недооцененным восточным рынкам». «Россия – это наш ближайший высококоразвитый партнер на Востоке, к тому же обладающий всей таблицей Менделеева», – отмечал глава избирательного штаба пенсионеров⁷⁷. В СДЛС возникали концепции расширения Веймарского треугольника (Франция – Германия – Польша) за счет России или даже создания оси Бонн (Берлин) – Варшава – Москва. «Если бы Россия успешно продвигалась к явно демократической системе, мы бы ничего не имели против; мы должны были бы играть активную роль в ее привлечении к решению европейских проблем.

Изолированная Россия очень опасна», – подчеркивал пресс-секретарь СДЛС А. Урбанчик⁷⁸.

Полярные позиции в этом вопросе занимает ДВП, придавая особое значение необходимости дистанцироваться от сотрудничества с Россией и активизировать усилия по вхождению в ЕС, намереваясь, в частности, пересмотреть соглашение с РФ об отмене виз. АВС настаивает на партнерских отношениях с Россией, подчеркивая, что польские власти не должны выступать в роли просителя. Вообще, антироссийских, русофобских настроений в современной Польше хватает, вряд ли есть хоть одна партия или политическое объединение, не подверженные в какой-то степени этим настроениям. Часто говорится, имея в виду восточную политику, о программе-минимум и программе-максимум. В качестве минимума Польша рассчитывает геополитически отгородиться от России за счет создания «пояса привилегированного добрососедства» из постсоветских государств. Как сказано, например, в предвыборной программе АВС, «принципиальный спор с Россией касается не вопроса членства Польши в НАТО и ЕС, а различия интересов в отношении государств, находящихся между Республикой Польша и Российской Федерацией, т.е. в отношении стран Балтии, Белоруссии, Украины и Молдовы»⁷⁹.

Что же касается программы-максимум, то заявляется, что Польша чувствовала бы себя комфортно, если сдвинулись бы на восток границы евроатлантических институтов – и НАТО, и ЕС. Однако, декларируя это, польские политики тут же стремятся «подсластить пилюлю». Так, А. Квасьневский в интервью газете «Речь Посполита» не забывает отметить, что «расширяя НАТО, надо все время поддерживать самые хорошие отношения с Россией»⁸⁰.

Таким образом, у польского политического истеблишмента, конечно, существует понимание известной значимости центральноевропейского регионализма и межрегионального сотрудничества с Восточной Европой, включая Россию. Но именно известной, определенной, т.е. не очень большой значимости. Новая региональная идентичность центральноевропейских стран отнюдь не в числе первоочередных идей для общественного сознания страны, которая борется за свое место и достойную роль в Европе и главные внешнеполитические пути достижения этого видит во вступлении в НАТО, уже состоявшемся весной 1999 г., и в ЕС, стать полноправным членом которого Польше предстоит уже в XXI в.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Pasierb B.* Dylematy polskiej geopolityki. Polska w Europie, ale jakiej // *Postzimmnowojenna Europa. Ku jedności czy nowym podziałom?* Red. Zoś-Nowak T. Wrocław, 1995. S.123.
- ² *Kielczewska M.* O podstawy geograficzne Polski. Poznań, 1946. S.44–45.
- ³ Запад не будет «умирать за Гданьск» // *Правда*. 1995. 18 нояб.
- ⁴ *Polityka*. 1996. N 39. IX. S.20–22.
- ⁵ *Rosati D.* Nowy Łach, stary strach. Dlaczego Unia Europejska boi się Polski? // *Polityka*. 1995. N 21. S.22–23; *Kawecka-Wyrzykowska E.* Ekonomiczne i pozaekonomiczne motywy członkostwa Polski w Unii Europejskiej // *Unia Europejska. Integracja Polski z Unią Europejską*. W-wa, 1996.
- ⁶ Цит. по: *Pasierb B.* Op. cit. S.126.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Krasuski J.* Gdzie leży Polska? // *Polityka*. 1992. N 52. S.14.
- ⁹ Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран // *Славяноведение*. 1997. N 3. С.3–27.
- ¹⁰ *Rakowski M.* Europa nie zaczeka // *Polityka*. 1997. N 9. S.28–30.
- ¹¹ *Urban J.* Laskotanie niedźwizdia // *Ibid.* S.33–34.
- ¹² *Szczygiorski A.* Lęk i niepewność // *Ibid.* S.32–33; *idem.* Straszanie Europą // *Polityka*. 1995. N 38. S.3.
- ¹³ *Rosnowski St.* Płytką świadomość. Debata w sprawie NATO // *Polityka*. 1995. N 37. S.3; *Бурак II.* Побойтесь бога, пан Ридзек // *Общая газета*. 1998. N 25. С.13.
- ¹⁴ *Wprost*. 1993. 7.XII.
- ¹⁵ *Kisilewski St.* Komu jest potrzebna Polska? // *Tygodnik powszechny*. 1990. 4.III; *Polityka*. 1990. 10.III.
- ¹⁶ *Gazeta wyborcza*. 1995. 13.V.
- ¹⁷ Пульс планеты (ИТАР–ТАСС). 1996. 2.III. СЕ–17.
- ¹⁸ *Urban J.* Laskotanie niedźwizdia // *Polityka*. 1997. N 9. S.33–34.
- ¹⁹ Rozmowa z ministrem spraw zagranicznych Dariuszem Rosatim. Granice ustępstw // *Polityka*. 1997. N 9. S.10.
- ²⁰ *Olechowski A.* Europejska opcja polskiej polityki zagranicznej // *Rocznik polskiej polityki zagranicznej*. 1995. W-wa. S.29.
- ²¹ *Stadtmüller E.* Przyszłość Polski w Europie lat dziewięćdziesiątych w opiniach partii politycznych i społeczeństwa // *Postzimmnowojenna Europa...* S.189.
- ²² Польша рассматривает перспективу вступления в НАТО с меньшим энтузиазмом // *Финансовые известия*. 1996. 18 июля.
- ²³ *Vaczyński J.* Ostatnie manewry. Polski marsz do NATO // *Polityka*. 1996. N 40. S.20–21.
- ²⁴ Пульс планеты. 1997. 5.III. С.3–4.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. 1997. 15.VII. С.3.
- ²⁷ Program społeczno-polityczny SdRP // *Trybuna Ludu*. 1991. 12. VI. S.2; *Polskie partie polityczne. Charakterystyki, dokumenty*. Wrocław, 1996. S.227.
- ²⁸ Program polityczny i społeczno-gospodarczy PSL (Uzupełniony na IV Kongresie PSL, luty 1995) // *Polskie partie...* S.160–161.
- ²⁹ Wolniej do Unii: w PSL o polityce zagranicznej // *Trybuna*. 1997. 11.VI.S.3.
- ³⁰ Uchwała programowa i statut przez pierwszy kongres. W-wa, 1993 // *Polskie partie...* S.296; *Rzeczpospolita*. 1997. 18.IX. S.18–19.
- ³¹ Deklaracja ideowo-programowa ZKP«P». 1994. Katowice // *Polskie partie...* S.330.

- ³² Deklaracja programowa IV zjazdu Krajowego ZCHN marzec 1995 // Polskie partie... S.316;
Pilka M. Wiele nas łączy // Tygodnik Solidarność. 1996. 8.III.S.3, 10.
- ³³ Polskie partie... S.57, 85, 23.
- ³⁴ *Ibid.* S.18, 25, 234, 260, 262–273; 85, 186–197.
- ³⁵ *Lentowicz Z.* Rywnym krokiem do NATO, każdy swoją dróżką // Rzeczpospolita. 1977. 18.IX. S.18.
- ³⁶ *Ibidem*; Tygodnik Solidarność. 1997. 16.V. S.6–7.
- ³⁷ Polskie partie... S.180.
- ³⁸ *Ibid.* S.34–35.
- ³⁹ *Ibid.* S.312.
- ⁴⁰ Rzeczpospolita. 1997. 18.IX. S.18.
- ⁴¹ Polskie partie... S.118.
- ⁴² *Ibid.* S.265. См. также: The Polish Transformation from the Perspective of European Integration. EU-monitoring. Warszawa 1997. February. P. 205–208.
- ⁴³ Mała ściągawka dla wyborcy 97 // Polityka. 1997. N 38. S.6.
- ⁴⁴ Пульс планеты. 1997. 15.VII. С.3.
- ⁴⁵ *Lentowicz Z.* *Op.cit.*
- ⁴⁶ *Herler M.* Cena sojuszu. Polska w NATO: przyszła pora policzenia kosztów // Polityka. 1996. N 20. S.31.
- ⁴⁷ Пульс планеты. 1997. 24 янв. С.2.
- ⁴⁸ Там же. 1997. 15 июля. С.2; Польша готова заплатить за вступление в Североатлантический блок // Финансовые известия. 1997. 6 мая.
- ⁴⁹ Финансовые известия. 1996. 18 июля; Rzeczpospolita. 1997. 16. XII. S.2.
- ⁵⁰ Цит. по: *Корнилов Л.* Злые ветры над Польшей сменяются ласковым веянием НАТО // Известия. 1998. 29 дек.
- ⁵¹ Два lata prezydenta // Rzeczpospolita. 1997. 23 XII. S.4; Prawo i gospodarka. 1998. 19.IV.
- ⁵² Пульс планеты. 1998. 23 февр. С.3.
- ⁵³ Цит. по: *Капустин А.* Членство Польши в НАТО – шанс для Украины // Независимая газета. 1998. 1 июля. С.5.
- ⁵⁴ Пульс планеты. 1997. 18 дек. С.4.
- ⁵⁵ Там же. 1997. 9 дек. С.3.
- ⁵⁶ Młodzi do dyplomacji. Bronisław Geremek na posiedzeniu Komisji Spraw Zagranicznych // Rzeczpospolita. 1997. 6–7.12. S.2.
- ⁵⁷ Trybuna. 1997. 16.XII.
- ⁵⁸ Na jakich warunkach do Europy // Rzeczpospolita. 1998. 31.III. S.3.
- ⁵⁹ *Olczyk E., Pilczyński J.* Początek wielkiej debaty. Poparcie dla integracji. Z UE z małymi zastrzeżeniami // Rzeczpospolita. 1998. 20.III. S.2; O integracji z Unią Europejską. Wybór ze stenogramu // Rzeczpospolita. 1998. 20.III. S.25.
- ⁶⁰ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z 20 marca 1998 r. W sprawie członkostwa Polski w Unii Europejskiej // Rzeczpospolita. 1998. 21–22.03. S.4.
- ⁶¹ Niewygodni euroentuzjaści i eurosceptycy. UE: więcej nadziei niż obaw // Rzeczpospolita. 1998. 8.IV. S.2.
- ⁶² Niewątpliwie mam satysfakcję. Rozmowa z prezydentem RP A.Kwaśniewskim // Rzeczpospolita. 1998. 14.V. S.2.
- ⁶³ Пульс планеты. 1998. 18 март. С.2.
- ⁶⁴ Na jakich warunkach do Europy // Rzeczpospolita. 1998. 31.III. S.3.

- ⁶⁵ Książą chcą do Unii // Rzeczpospolita. 1998. 24.III. S.1,2; Dobrze, że są różnice. Rozmowa. Ksiądz kardynał Józef Glemp, prymas Polski, przewodniczący Episkopatu Polski // Rzeczpospolita. 1998. 7.IV. S.1, 2.
- ⁶⁶ Polskie partie... S.85.
- ⁶⁷ Ibid. S.54, 164.
- ⁶⁸ Ibid. S.253, 262–273, 265.
- ⁶⁹ Ibid. S.312; Rzeczpospolita. 1997. 18.IX. S.18.
- ⁷⁰ Polskie partie... S.160–161.
- ⁷¹ Ibid. S.228.
- ⁷² *Ostrowski M.* Między morzami // Polityka. 1997. N 37. S.15; *Калашников В. Юннатовский* слет. Вильнюсский саммит // Коммерсантъ. 1997. N 32. С.36–37.
- ⁷³ Polskie partie... S.330.
- ⁷⁴ Ibid. S.132.
- ⁷⁵ Program społeczno-polityczny SdRP // Trybuna Ludu. 1991. 12.VI. S.2.
- ⁷⁶ Polskie partie... S.118, 253, 265; 186–197.
- ⁷⁷ Rzeczpospolita. 1997. 18.IX. S.18.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ Цнт. по: *Кобринская И.* У Польши появились свои интересы на просторах СНГ // Известия. 1998. 9 янв.
- ⁸⁰ Niewątpliwie mam satysfakcję. Rozmowa z prezydentem RP A. Kwaśniewskim // Rzeczpospolita. 1998. 14.V. S.2; *Эгерт К.* Польша рвется на Запад, но не хотела бы слишком отдаляться от Востока // Известия. 1996. 10 март.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ БОЛГАРИЯ: ПОИСКИ МЕСТА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

При всем «опьянении» общества постреволюционной свободой стремление стран Центральной и Восточной Европы к обретению (или восстановлению) полноценной европейской идентичности определялось вполне прагматичными, прежде всего социально-экономическими и политическими факторами и соображениями. На фоне крушения «реального социализма» естественной и привлекательной моделью общественного устройства виделась западная с ее сравнительно стабильной и эффективной экономикой, устоявшимися и сильными демократическими институтами, развитой социальной сферой, надежной системой коллективной безопасности. В зависимости от особенностей текущего момента, позиций оппонентов в идейно-политической полемике в качестве объекта для подражания выдвигались те или иные конкретные образцы: «шведская модель», английская или американская двухпартийная политическая система, испанский вариант достижения гражданского мира и др. В целом, однако, большинство влиятельных общественно-политических сил (одни – без каких-либо существенных оговорок, другие – с определенной подстраховкой) выразили намерение «вписаться» в западное политическое и экономическое пространство, освоить основные евроатлантические ценности, имеющие общечеловеческое значение. При этом, правда, постоянным рефреном звучит оговорка насчет необходимости учета и сохранения национальной самобытности, исторических традиций своих стран и пр.

1. Ориентиры общие, готовность разная

Известно, что устремленность в Европу подразумевает подключение к определенным европейским и евроатлантическим структурам, в первую очередь к ЕС и НАТО. Но претенденты на вступление в эти организации должны соответствовать довольно жестким критериям, которые распространяются на политическую, экономическую, социальную, правовую и военную сферы. Эти критерии в чем-то совпадают, в чем-то отражают специ-

фику каждой из названных организаций. К числу основных требований к претендентам на полное членство относятся: обеспечение в данной стране верховенства закона, соблюдение прав и свобод человека, гарантии прав национальных меньшинств, урегулирование на базе международных правовых норм территориальных, этнических и иных противоречий и споров с другими государствами; наличие жизнеспособной рыночной экономики, которая может выдержать конкуренцию, в том числе и внутри ЕС; включение в единое правовое поле Евросоюза, что, помимо прочего, предполагает передачу последнему части прав, связанных с национальным суверенитетом, освоение правового массива, включающего в себя около 25 тыс. различных нормативных актов; установление гражданского контроля над военными ведомствами; реорганизация и приведение в соответствие со стандартами и потребностями НАТО вооруженных сил и вооружений, военной инфраструктуры и военного бюджета¹.

Реальная политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в отдельных странах Центральной и Восточной Европы, разнообразие и масштабность указанных выше требований (а приведенный перечень не полон), позволяют говорить, что их выполнение для многих «евроабитуриентов» является весьма нелегким делом. Принципиально важно, что у этих стран существуют далеко не одинаковые внутренние и внешние предпосылки, различная степень приближенности к евроатлантическим параметрам. Именно этим в решающей мере объясняется то обстоятельство, что претенденты на вступление в «большую» Европу движутся к желаемой цели не единой шеренгой, а в порядке определенной очередности, которую, к удовлетворению одних и разочарованию других выстраивает «принимающая» сторона. Внутри последней нет полного единства мнений по вопросам строгой ранжировки данной очереди. Тем не менее в середине 90-х годов иерархический ряд претендентов на вступление в НАТО и ЕС стал принимать определенные (но не окончательные) очертания. В этой очереди появились «фавориты», «середняки» и «аутсайдеры».

Болгарские исследователи А. Георгиев и И. Иванов, используя в качестве главного критерия успеха в политических и экономических преобразованиях, предложили свою версию степени готовности постсоциалистических государств к вступлению в названные организации. Страны Центральной и Восточной Европы были разделены на пять групп, и указанная очередь приобрела следующий вид (сохраняется авторский порядок перечисления государств внутри каждой группы):

1. Словения, Чехия, Польша, Венгрия и, возможно, Словакия, хотя у нее существуют серьезные проблемы в отношении ее политической репутации;
2. Эстония, Литва и Латвия (вопреки некоторым различиям в результативности экономических реформ, а также проблемам в области прав человека);
3. Болгария и Румыния – государства с сопоставимыми экономическими трудностями, вызванными замедленным осуществлением структурной реформы собственности;
4. Хорватия, Македония и Албания – страны, которые объединяют некоторые «постюгославские» проблемы;
5. Республики бывшего Советского Союза – Украина и Белоруссия, которые в европейском контексте воспринимаются дифференцированно.

Все перечисленные государства, кроме Болгарии, Украины и Белоруссии, как отметили авторы ко времени написания их работы, уже заявили о своем желании стать полноправными членами НАТО. Но осуществление этого желания зависит не только от степени готовности данных государств, но и от ряда других факторов, включая внешние. С учетом этого наиболее благоприятные перспективы – у Польши, Чехии, Венгрии и, возможно, Словении. Самые минимальные – у Литвы, Латвии и Эстонии. Здесь играет роль мнение России, которое встретило понимание на Западе. Не исключено, указывали авторы, что в качестве компенсации прибалтийским республикам будет предложен более быстрый прием в ЕС².

Таким образом, различия между странами Центральной и Восточной Европы, не позволяющие им одновременно осуществить «евроатлантический прорыв», имеют не только историческую обусловленность, но и, что важнее, связаны с глубиной, устойчивостью (необратимостью) проводимых реформ. Именно эти различия позволяют как-то очертить во многом умозрительную и не бесспорную границу между Центральной и Восточной Европой.

На Мадридском саммите стран НАТО (июль 1997 г.) Венгрия, Польша и Чехия получили статус «приглашенных» в альянс. Полноправными его членами они стали, как и предполагалось, в 1999 г., когда Североатлантический союз отмечал свое пятидесятилетие. Ранее в числе первоочередников фигурировали и другие государства центральноевропейского региона, в частности Словакия, но затем она утратила место в «передовых рядах» ввиду претензий, предъявленных ей Западом по поводу некоторых явлений во внутривнутриполитической жизни страны³.

В 1998 г. Европейский союз начал переговоры с некоторыми государствами относительно их вступления в эту организацию. Из центрально-европейских стран на переговоры были приглашены опять-таки Венгрия, Польша и Чехия, к которым прибавилась Словения. Среди претендентов из «второго эшелона» называются Болгария, Словакия и Румыния, переговоры с которыми могут предположительно начаться через 3–4 года. Кстати, можно отметить, что свою принадлежность к центральноевропейскому региону активно подчеркивает сейчас из новых югославянские государства не только Словения, но и Хорватия⁴.

Представляется, что вопрос о новой региональной идентичности в его самом широком, цивилизационном аспекте приобрел сегодня для стран Центральной и Восточной Европы, учитывая избранный ими вектор развития, весьма принципиальное значение. Принадлежность к Центральной Европе в политическом и экономическом плане выглядит явно престижнее, служит своего рода «знаком качества», свидетельством большей близости к вожделенному Западу. И, напротив, находиться в Восточной Европе означает как бы некую «отодвинутость» от западного мира. Все это порождает ревность и соперничество, которые проявляются в соответствующих высказываниях представителей властных структур, в настроениях отдельных слоев общества и т.д. Нечто подобное происходит и внутри центральноевропейского и восточноевропейского регионов. Так, болгарскими исследователями отмечалось, что в конце 1996 – начале 1997 гг. позиции Болгарии в ее и без того вялом диалоге с НАТО ухудшились по причине того, что соседняя Румыния после победы правых на президентских и парламентских выборах ясно заявила о своем желании вступить в Североатлантический альянс. Тем самым, с точки зрения некоторых экспертов, она получила потенциальные шансы оказаться в «первой волне расширения» или, по крайней мере, быть исключенной из списка традиционных «балканских аутсайдеров»⁵.

Лидеры тех посткоммунистических государств, которые не попали в первые ряды кандидатов в основные евроструктуры, понимают, что главные причины этого отставания лежат в их «собственном доме». Вместе с тем предпринимаются активные попытки, используется различная аргументация с целью добиться большего расположения со стороны влиятельных западных кругов, институтов, отдельных лидеров, чтобы ускорить процесс своего включения в Европу.

Выступая в апреле 1997 г. перед Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ), президент Болгарии П. Стоянов признал, что его страна по сравнению с другими центральноевропейскими государствами отстает в

уровне готовности для присоединения к НАТО. Однако он подтвердил неоднократно выражавшуюся ранее приверженность Болгарии принципу равных стартовых возможностей. Переговоры о вступлении в Североатлантический союз должны начаться со всеми кандидатами одновременно, ибо в противном случае болгарский народ потеряет уверенность в необходимости своего стремления к атлантической интеграции⁶.

Социологические исследования показывают, что болгарская общественность при всей многовариантности мнений равнодушна к тому, что расширение НАТО начинается с северной зоны центральноевропейского региона. Тем самым, считают некоторые респонденты, Запад как бы подчеркивает важность и значимость для него бывших социалистических стран из этого политико-географического района. Существует и такая точка зрения, согласно которой в результате возможных договоренностей, взаимных уступок между Западом и Россией процесс расширения Североатлантического союза ограничится именно упомянутым районом, а Балканы, как и Прибалтика в соседнем восточноевропейском регионе, останутся в так называемой «серой зоне». Одним из последствий подобного варианта может стать изоляция Болгарии, что в цивилизационном плане нанесет ущерб и приверженцам европейской идентичности, и сторонникам евразийской идеи (традиционные славянско-православные связи и их современная проекция)⁷.

В упомянутом выступлении президента П. Стоянова на сессии ПАСЕ были обозначены преимущества, которыми, по его мнению, обладает Болгария перед другими кандидатами в члены НАТО: геополитическое положение страны, ее прекрасные отношения с соседними государствами, безупречное поведение во время действия международного «югоэмбарго», высокая технологическая и общая культура болгарского народа⁸. Эта тема затрагивалась и послом по специальным поручениям при НАТО (должность, учрежденная в марте 1997 г.) С. Тафровым. Во время его пребывания в США, встреч с представителями госдепартамента и Пентагона дипломат указал на отличные отношения Болгарии с ее соседями, отсутствие у нее территориальных претензий. Особо отмечалось, что страна имеет одинаково хорошие отношения с членами НАТО – Грецией и Турцией. При этом была использована довольно своеобразная историческая аналогия: примирение Болгарии с Грецией и Турцией сравнивалось с примирением между Францией и Германией после второй мировой войны. Болгария, считает С. Тафров, внесет в НАТО не какие-либо проблемы, а, напротив, надежность⁹.

Можно, конечно, выразить определенный скептицизм по поводу названных достоинств и преимуществ Болгарии. Здесь важнее другое: этих

«kozyрей» было явно недостаточно, чтобы страна оказалась среди тех, кого пригласили в НАТО в первую очередь. Принцип равных стартовых возможностей в данном случае не применялся. То же самое следует сказать и про начавшуюся процедуру приема новых членов в ЕС, хотя и здесь Болгария настаивала на применении этого принципа¹⁰.

Думается, однако, что в отношении ЕС болгарское требование «равенства» выглядит несколько чрезмерным. Учитывая нынешнее состояние и возможности экономики страны, сомнительно, что она в близком будущем сможет адаптироваться к жестким евростандартам, стать полноценным участником функционирования евроатлантического экономического пространства. Следует, впрочем, заметить, что даже для стран, приглашенных к переговорам, превращение в полноправных членов ЕС – дело отнюдь не завтрашнего дня. Например, переговоры с Грецией, Испанией и Португалией продолжались 7–12 лет. Не одно десятилетие (с 1963 г.) добивается, будучи членом НАТО, приема в ЕС Турция, переговоры с которой по существу и не начинались (здесь, правда, случай особый)¹¹.

2. Упущенное время

Известно, что и внутри «социалистического содружества» Болгария по своему экономическому развитию не находилась в передовиках. В политическом плане за ней закрепилось звание самого верного «советского сателлита». Однако ее отставание от других центральноевропейских государств по уровню соответствия западным стандартам, наконец, по степени доверия к ней со стороны Запада формировалось в значительной мере уже в процессе перехода от тоталитаризма к демократии, от централизованного планового хозяйства к рынку.

Обо всем этом немало сказано, говорится и по сей день. Казалось бы, суть проблемы очерчена и многие знают (во всяком случае заявляют об этом) как ее решать. Но подтверждается старая истина: гораздо легче выдвигать лозунги и задачи, вообще заниматься «вербальными упражнениями», обвиняя во всех грехах и провалах идейно-политических соперников, чем вести повседневную рутинную практическую работу, добиваясь благоприятных результатов и платя за них как можно меньшую социальную и иную цену. Но как раз в этом отношении, в плане соответствия реальных результатов реформ и цены, которую должно было заплатить за них население, Болгарии похвастаться было нечем (подробнее об этом будет сказано ниже).

П. Стоянов, еще будучи кандидатом в президенты, на встрече с дипломатическим корпусом в Софии (апрель 1996 г.) заявил, что Болгария не

смогла принять участие в строительстве основ новой, объединенной Европы, поскольку находилась под советским господством. Но с окончанием холодной войны у страны появился уникальный шанс стать неразрывной, полноправной частью единой Европы. После ноября 1989 г., отметил Стоянов, вопреки некоторым колебаниям, главным образом относительно темпов и способов включения в европейские и евроатлантические структуры, все болгарские правительства работали для участия страны в евроинтеграции¹². Ранее нечто подобное утверждал предшественник П. Стоянова на посту президента Ж. Желев, говоря о сохранении преемственности парламентом и правительством (в их различных составах) в проведении болгарской европейской политики. Он подчеркивал также тесное переплетение, взаимозависимость между интеграцией в европейское сообщество и политическими, социальными и экономическими реформами.

Почему же указанная работа, преемственность политики не вели к тем результатам, каких удалось достичь за переходный период в северной части центральноевропейского региона? Уместно в плане размышления над поставленным вопросом привести высказывание уже упоминавшегося С. Тафрова, который отметил, что в январе–феврале 1997 г. (дата ухода в отставку правительства социалистов) в Болгарии завершилась «нежная» революция. Парламентские выборы в апреле 1997 г., на которых внушительную победу одержал правоцентристский блок Объединенных демократических сил (ОДС), просто «узаконили» этот факт¹³.

Вряд ли можно полностью согласиться с тем, что финиш «нежной» революции напрямую увязывается с отстранением от власти Болгарской социалистической партии (БСП). При этом просматривается уверенность, что социалисты больше не вернуться к власти. БСП, однако, думает иначе, но, как говорится, время покажет. Интереснее другое: в приведенном высказывании содержится признание, что «нежная» или «бархатная» революция в Болгарии, если под последней понимать смену общественного строя, – затянулась более чем на 7 лет, т.е. на срок, не сравнимый по своей продолжительности с аналогичными событиями в других центральноевропейских государствах. Очевидно, это во многом предопределило потерю Болгарией темпов в деле создания предпосылок, условий для ее более активного включения в европейские интеграционные процессы. Реформы в Болгарии, особенно в социально-экономической сфере, которые и должны были, главным образом, формировать эти условия, зачастую становились заложниками (жертвами) конъюнктурной, не отвечающей интересам большинства общества политики.

В посттоталитарный период политический ландшафт Болгарии приобрел биполярную конфигурацию. На вершине одного полюса расположилась БСП (бывшие коммунисты), другой возглавил антикоммунистический Союз демократических сил (СДС). Отношения между этими главными действующими лицами политической сцены чаще характеризуются не диалогом, совместным поиском решений общественно значимых, актуальных задач, а острой конфронтацией, поводов для проявления которой было предостаточно.

За указанный период в Болгарии четырежды проходили парламентские выборы, столько же – президентские¹⁴. Весной 1998 г. к власти пришло восьмое по счету за эти годы правительство. Сменяющие друг друга кабинеты имели различную партийно-политическую окраску. Их возглавляли представители и БСП, и СДС; они имели и коалиционный характер, и надпартийный, и «служебный». Естественно, у этих кабинетов неодинаковые позиции относительно темпов, методов, конкретных подходов к реформированию страны и общества. Вместе с тем, судя по высказываниям отдельных болгарских авторов, у некоторых из правительственных «команд», несмотря на различия в идейно-политической принадлежности, просматривалось и нечто общее, отнюдь не положительное.

Так, в период, когда главную роль в руководстве страной играл СДС, старейший болгарский социал-демократ А. Москов писал: «Стремление к мгновенному введению частнокапиталистической рыночной системы выдвинуло на первый план личности, жадные к власти и обогащению. К управлению пришли неподготовленные, некомпетентные люди, проявившие себя лишь в ожесточенных антикоммунистических криках, но быстро усвоившие искусство и менталитет коммунистической бюрократии»¹⁵. В том же духе высказался по поводу правления социалистов в 1995–1996 гг. проф. М. Семов, заметивший, что ставшие у руля БСП «30–35-летние бывшие напористые комсомольцы, за плечами у которых ничего, кроме комсомольского напора, не было, оказались и достаточно агрессивными, и достаточно алчными...». Председателем правительства стал «твердолобый комсомолец, не имеющий ни дня трудового стажа, кроме как в комсомольских органах, и ему было поручено руководство партией и государством»¹⁶.

Конечно, можно не разделять эти не вполне «академические» суждения, но, очевидно, основания для них были. Немало времени и сил правящие верхи тратили на борьбу за власть, ее удержание и, следовательно, использование служебных преимуществ, т.е. преследовали не общенациональные, а узкогрупповые, эгоистические интересы. К слову, при проведении в феврале 1998 г. социологического исследования 35% опрошенных заявили, что

нынешнее болгарское правительство действует в интересах всего общества, 40% – в интересах отдельных социальных групп, 25% – в интересах самого себя и близких к нему кругов¹⁷.

На ход и направленность реформ в Болгарии оказали влияние и некоторые особенности общественно-политической и экономической жизни страны в период «реального социализма» и его заката. В Болгарии не сложились традиции массового противостояния коммунототалитаризму, которые имелись в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии; болгарское общество не выдвинуло из своих рядов демократических лидеров, духовных вождей. Как отметил П.Стоянов, его поколение не знало своего В. Гавела или Л. Валенсу, не говоря о таких масштабных фигурах, как А. Сахаров или А. Солженицын¹⁸.

Возникшие в Болгарии в 80-е годы неформальные организации диссидентского толка во многом разделяли идеи горбачевской перестройки («больше демократии – больше социализма»), т.е. стремились к реформированию, улучшению существующего строя. По-настоящему антикоммунистической и влиятельной организацией стал Союз демократических сил, образованный в декабре 1989 г. Но в начальный период своего существования он, по выражению одного болгарского автора, представлял собой нечто вроде «паноптикума»: в него входили люди, искренне верящие в коммунизм, но оппозиционно настроенные к режиму Живкова, диссиденты из среды интеллигенции, представители запрещенных в 1947 г. традиционных партий, активисты недавно возникшего студенческого и экологического движения¹⁹.

Относительная слабость оппозиции и переоценка ею собственных возможностей, не всегда верно избираемая тактика, бескомпромиссный антикоммунизм СДС, грубо отвергавший достаточно распространенный в народе левый менталитет привели к тому, что получило название «болгарского феномена» и не имело аналогов в других восточноевропейских государствах. Болгарская компартия, переименованная вскоре в социалистическую, и после отстранения Т. Живкова еще довольно долго (около двух лет) сохраняла положение главной политической силы страны. Она, в частности, выиграла проведенные на многопартийной основе в июне 1990 г. парламентские выборы, получив около 53% голосов избирателей. Естественно, подобный «социалистический рецидив» не мог не вызвать настороженности со стороны некоторых западных кругов²⁰.

Следует также отметить, что у Болгарии не было опыта реальной трансформации экономики в условиях строительства «развитого социализма» в направлении ее либерализации, умножения рыночных элементов, что

имело место, например, в Венгрии. Несмотря на многочисленные разговоры и решения о реформах, по степени огосударствления экономики мало кто из центральноевропейских государств мог сравниться с Болгарией. Это породило соответствующую массовую психологию и поведение и, естественно, затруднило стране вхождение в рынок.

Страны северной зоны центральноевропейского региона опередили Болгарию, Румынию и некоторые другие государства южной (балканской) зоны в попытках заполнить своеобразный вакуум, образовавшийся после распада Варшавского договора и упразднения СЭВа. Как известно, сперва была создана «Вишеградская тройка» (Венгрия, Польша, ЧСФР), превратившаяся после «бархатного развода» последней в «четверку». Несколько позднее на основе этой «четверки» возникло Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (ЦЕФТА), подписанное уже пятью государствами – Венгрией, Польшей, Словакией, Чехией и Словенией. В апреле 1997 г. к этому соглашению присоединилась и Румыния. Болгария стала членом ЦЕФТА лишь в июле 1998 г. Помимо развития торгово-экономических связей в рамках данного соглашения, активизировалось, так сказать, межрегиональное сотрудничество за счет учреждения «гексагональной группировки» (известной под названием Центральноевропейской инициативы или дунайско-адриатического сообщества), куда вошли, помимо вишеградцев, Австрия, Италия и Югославия. Эта группировка и другие многосторонние межгосударственные формирования, способствуют субрегиональному взаимодействию, сближению северной и южной зон Центральной Европы, а также ее разнообразным контактам с западноевропейским регионом. Естественно, что упущенное время в деле углубления региональных межгосударственных отношений Болгарии предстоит наверстывать, если она усматривает в этом потенциальные для себя преимущества, которые ей вполне по силам реализовать.

3. Все ли одинаково стремятся в Европу?

При отсутствии принципиальных разногласий относительно приоритета европейского направления во внешней политике Болгарии, позиции основных политических сил различаются, когда речь заходит о путях обеспечения национальной безопасности страны, прежде всего о ее вступлении в НАТО²¹.

Последовательными сторонниками присоединения Болгарии к альянсу являются радикал-демократы, правоцентристы, прежде всего СДС. Как заявил Ж. Желев, первый болгарский президент, избранный всенародным голосованием, в стране все парламентские и внепарламентские демократи-

ческие силы – «пронатовские». Лишь БСП занимает неясную и двусмысленную позицию²². В СДС по данному вопросу не было и нет серьезных дискуссий. Тем самым Союз еще раз демонстрирует свою неизменную атлантическую ориентацию, «западную идентичность». Его нынешний лидер И. Костов настаивал на необходимости дать Болгарии «совершенно ясный сигнал» о том, что она желает вступить в НАТО и не выдвигает здесь никаких условий²³.

Подчеркивая отсутствие альтернативы членству страны в НАТО, болгарские правые не могут при этом не считаться с известной российской позицией по вопросу о расширении альянса. Лидеры СДС и его союзников неоднократно заявляли, что с Россией нужно развивать дружественные отношения и ее нельзя оставлять вне системы европейской коллективной безопасности. Вместе с тем отмечалось, что Болгария проводит самостоятельную внешнюю политику. Как заявила, например, глава болгарского МИДа Н. Михайлова, недопустимо, чтобы «третьи страны» накладывали вето и контролировали процесс расширения НАТО. Она также выразила надежду, что уже в 1999 г. Болгария получит приглашение вступить в Североатлантический альянс²⁴. Можно предположить, что в термине «третьи страны» содержится намек на Россию.

В связи с определенным переплетением «натовских» и «российских» сюжетов в болгарской внешней политике интересно вспомнить о словесной пикировке, произошедшей на Парламентской ассамблее Совета Европы (апрель 1997 г.) между президентом РБ П. Стояновым и российским депутатом, лидером ЛДПР В. Жириновским. Последний с присущей ему прямотой спросил, есть ли логика в стремлении Болгарии стать членом антироссийской организации – НАТО? Ведь Россия дважды освобождала Болгарию, 50 лет покупала болгарские некачественные товары, которые Запад никогда бы не взял. П. Стоянов ответил, что он любит Россию, ее народ и культуру, но еще больше любит Болгарию. А национальные интересы диктуют евроатлантическую ориентацию. Это – цивилизационный выбор, а не вызов России. После вступления Болгарии в НАТО ее отношения с Россией улучшатся, они станут отличными, великолепными, даже «бриллиантовыми», добавил болгарский президент²⁵.

Позиция БСП по вопросу о вступлении Болгарии в НАТО выглядит не столь однозначно. Здесь сказывается наличие в партии различных течений – от «ортодоксов» до «реформаторов», которые по-своему подходят к отдельным аспектам данного вопроса (правда, многие реформаторы в последние годы покинули БСП, примкнув к уже существующим или создав новые организации социал-демократического, «западного» уклона). У БСП

больше, в сравнении с другими политическими силами, проявляется «оглядка» на Россию.

Болгарские исследователи отметили, что «заглох» ранее выдвигаемый БСП тезис, согласно которому с роспуском Варшавского договора НАТО превратилась в анахронизм. Позднее среди социалистической элиты возобладали точка зрения, что для Болгарии важнее интегрироваться в ЕС и другие чисто европейские структуры; НАТО не является единственной организацией, способной помочь обеспечению безопасности в Европе; никакая формула европейской безопасности не возможна без участия России. В программных документах БСП середины 90-х годов записано: «...самым благоприятным было бы, чтобы взаимодействие и возможное приобщение Болгарии к НАТО сопровождалось трансформацией этой организации в универсальную систему общеевропейской и глобальной безопасности, что даст возможность участвовать в ней всем европейским государствам, включая и Россию»²⁶.

Недавний руководитель БСП и глава социалистического правительства Ж. Виденов говорил о необходимости реализма, исключающего иллюзии по поводу близкого и полноправного членства Болгарии в НАТО²⁷. Это высказывание лишней раз подтверждает наличие существенных различий в подходах к принципиальному вопросу. Социалисты избегают его прямой формулировки: вступать или не вступать. У них речь идет о «взаимодействии», «приобщении» к НАТО, желательности ее трансформации и т.д. По их мнению, на данном этапе достаточно ограничиться участием Болгарии в натовской программе «Партнерство ради мира», в то время как СДС настаивает на быстром и безусловном достижении полного членства.

Между тем для БСП далеко не чуждо стремление обрести имидж и статус современной европейской левой партии. Это проявляется в многочисленных заявлениях партийных лидеров, в различных документах партии, в ее международных контактах. БСП декларирует свою приверженность прогрессивным идеям европейского и мирового социалистического и социал-демократического движения, прилагает усилия, чтобы стать членом Социалистического интернационала.

Отношение к «натовской теме» других партий и блоков, представленных в болгарском парламенте, определяется их социальной базой, программными целями, политической конъюнктурой, собственными расчетами тех плюсов и минусов, которые может принести членство страны в НАТО. Для Движения за права и свободы (ДПС), электорат которого в основном составляют болгарские этнические турки и мусульмане, данное членство

важно, скорее всего, с точки зрения превращения Болгарии в союзника Турции. Это, видимо, помогло бы Движению отстаивать свои взгляды и влиять на политику по упорядочению положения турецкого меньшинства, дало бы какие-то возможности оживить (может быть, в некоей новой формулировке) сравнительно давнюю, но вряд ли полностью забытую и довольно оригинальную идею относительно европеизации Болгарии. Еще в 1990 г. лидер ДПС А. Доган заявил, что путь Болгарии в Европу лежит «через Босфор и исламский мир»²⁸.

Болгарский бизнес-блок (БББ) – партия мелких и средних предпринимателей считает, что с вступлением страны в НАТО торопиться не следует, ибо это очень дорогостоящее дело и к тому же данная организация не предоставляет полной гарантии безопасности своим членам. По мнению БББ, в области национальной безопасности Болгария должна опираться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя свою обороноспособность и активизируя внешнюю политику²⁹.

В начале 1997 г. на политической арене Болгарии появилась новая партия – «Европейские левые» (ЕЛ), инициаторами создания которой стали главным образом выходцы из реформаторского крыла БСП. Несмотря на свою молодость, на выборах в апреле того же года ЕЛ сумела провести своих представителей в Народное собрание (парламент), получив 14 депутатских мандатов.

ЕЛ провозгласила намерение стать частью международного сообщества партий демократического социализма (Социнтерна), которые за последние 15 лет превратились в мировой центр левой демократической мысли и предлагают современные социалистические решения проблем, стоящих перед их странами и миром в целом. К таким партиям ЕЛ относит французских социалистов, германских социал-демократов, английских лейбористов, а также венгерских социалистов (возглавляемых Д. Хорном), польских социал-демократов (А. Квасьневский) и др.

Евролевые подчеркивают, что в географическом, историческом, политическом, экономическом, культурном и цивилизационном аспектах Болгария принадлежит Европе. Стабильное и безопасное будущее страны может быть достигнуто только в рамках объединенной Европы. Поэтому одной из первостепенных своих задач ЕЛ считает работу во имя ускоренного интегрирования Болгарии в европейские политические, экономические и военные организации. Для партии это «не вопрос прихоти или моды, а глубоко осознанная необходимость, цивилизационный выбор»³⁰.

Таковы, вкратце, позиции влиятельных политических сил (точнее, их руководства) по вопросу о вступлении Болгарии в европейские и евроатлан-

тические структуры как магистральном пути возвращения в Европу. Здесь практически нет разногласий по поводу целесообразности присоединения к ЕС (что сделать, кстати, гораздо сложнее), но они проявляются, когда речь заходит о членстве в НАТО. Естественно, если по данному вопросу откровенно высказываются рядовые граждане, представители отдельных социальных слоев и групп, то палитра мнений, мотивации позиций выглядит намного богаче, ибо основной способ получения подобной информации – социологические исследования, которые обычно анонимны и, следовательно, отсутствуют такие сдерживающие факторы, как «партийная дисциплина», точка зрения «начальства» и т.п.

Однако следует учитывать, что выявляемый посредством социологических исследований «глас народа» не может быть принят в качестве полностью надежного индикатора. Это – категория переменчивая, зависящая от множества самых различных причин, в том числе и сиюминутных, чисто бытовых, житейских. Поэтому результаты отдельных исследований, даже посвященных одной и той же проблеме, разделенных не слишком большим промежутком времени и проведенных добросовестно, а не «по заказу», порой могут не совпадать. В итоге политические, государственные, общественные деятели и иные потребители информации получают возможность (нередко реализуемую) интерпретировать полученные данные по своему усмотрению, пользуясь одними и пренебрегая другими.

В ходе социологического исследования в декабре 1996 г. на вопрос, следует ли Болгарии в ближайшее время стать членом НАТО, респонденты дали такие ответы: «да» – 39%; «нет» – 29%; не имели окончательного мнения – 32%³¹. Согласно результатам других исследований, в середине 1996 г. свыше двух третей опрошенных граждан высказались за полную интеграцию Болгарии в Евросоюз, а около 52% – за полноправное членство страны в НАТО (последний показатель был в то время самым низким среди других постсоциалистических государств). Нужно также учесть, что респонденты были лишены возможности уйти от прямого ответа («да» или «нет»), прибегнув к формулировке типа «не имею мнения»³².

Необходимо добавить, что среди опрошенных болгарских граждан оказалось немало (по различным данным – не менее 25%) сторонников нейтралитета страны. Главный аргумент в пользу такого выбора: «Ни разу членство Болгарии в каком-либо союзе не принесло в конечном счете добра отечеству». При этом подобная позиция вовсе не означает отказ от европейской самоидентификации, поскольку многие нейтраллисты желают превращения Болгарии в «балканскую Швейцарию»³³. Идеи нейтралитета или неприсоединения к военным блокам достаточно распространены и среди

политиков, и интеллектуалов, и других групп. В стране действует общественный комитет «Нейтральная Болгария», выступающий за проведение референдума по вопросу о нейтралитете государства. И здесь нельзя говорить об отсутствии «европеизма». По словам одного из руководителей названного комитета, для Болгарии лучше всего подошел бы «нейтралитет по швейцарскому образцу»³⁴.

Приведенные выше данные позволяют делать различные выводы, дополнительно мотивировать те или иные решения и т.д. И все же они не дают оснований выдавать стремление к быстрейшему и безусловному вступлению в НАТО за выражение «воли народа». То же можно сказать и об утверждении, что большинство болгарского народа не приемлет НАТО³⁵. В самом общем виде ситуация такова: ни в одном государстве Центральной и Восточной Европы нет ни партийного, ни общественного консенсуса по вопросу вступления как в НАТО, так и в Евросоюз. Последний, кстати, на основании Маастрихтского договора начал утрачивать характер чисто экономической организации, расширяя сферу своей компетенции на проблемы внешней политики, безопасности, обороны.

В 1998 г. по поручению ЕС Институт изучения Европы проанализировал настроения населения стран, претендующих на членство в Евросоюзе. Оказалось, что в государствах, входящих в первую группу кандидатов, большинство граждан считает, что после вступления в ЕС жить им станет хуже; в странах «второго эшелона» мнение большинства прямо противоположно. Например, за присоединение к Евросоюзу в Венгрии высказались 42% опрошенных граждан, в Чехии – 34%. Главными причинами не столь высокого показателя являются: убежденность, что в ЕС «верховодят» 2–3 крупных государства, межнациональные корпорации и, следовательно, мелкому и среднему предпринимательству стран-«новичков» места там не найдется; вступление в ЕС предполагает массу новых обязанностей, перестройку всего хозяйства, устоявшегося жизненного уклада, что потребует огромных затрат, в основном из собственного кошелька.

В таких же государствах, как Болгария и Румыния, желающих вступить в ЕС больше; здесь сильнее иллюзии, эмоции относительно «вхождения в Запад». Как отметил руководитель исследования М. Хофман, эти страны «еще не провели у себя приватизацию, еще не заплатили дорогую цену за перемены в социальной сфере, потому-то они и ждут много от Запада, надеются на него»³⁶. Получается, что люди, у которых в большинстве своем жизнь уже резко ухудшилась, заплатили еще недостаточно.

Таким образом, в странах Центральной и Восточной Европы позиции граждан и власть предержащих о целесообразности присоединения к той

или иной международной организации не всегда совпадают. Разумеется, полного совпадения быть не может, но, очевидно, следует учитывать соотношение противоположных мнений. Решения можно принимать исходя из воли большинства, особенно если оно весомое; можно также, как показывает практика, руководствоваться принципом «власть умнее».

БСП предложила вынести вопрос о вступлении Болгарии в НАТО на всенародный референдум. Против этого выступили правящие в настоящее время в стране силы, в том числе и президент П. Стоянов. Суть аргументации противников референдума состоит в том, что в сегодняшней тяжелой ситуации народ, задавленный социально-экономическими трудностями, не сможет принять правильное решение. Возникает некоторое недоумение. Почему тот же народ, обремененный теми же проблемами и приведший на последних выборах к власти и нынешнего президента, и СДС удостоился со стороны последних похвалы за мудрость, зрелость, верность выбора и т.д. И еще. П. Стоянов заявил, что в случае соответствующего решения Народного собрания он «с удовлетворением и незамедлительно» назначит референдум по вопросу о сохранении в стране республики или же о восстановлении монархии³⁷. Итак, решение принципиального вопроса о форме правления доверить народу можно, а о вступлении в НАТО – нельзя. Позиция президента объясняется, вероятнее всего, тем, что о результатах голосования по первому вопросу можно не беспокоиться – болгары выскажутся за республику. Что касается итогов референдума по второму вопросу, то они не представляются столь предсказуемыми.

Если гипотетически предположить, что референдум о вступлении Болгарии в НАТО состоится, то победу, наверное, одержат проголосовавшие «за», однако их перевес вряд ли будет внушительным. Но если вопрос «за» или «против» вступления в НАТО перенести в плоскость «доверяешь» или «не доверяешь» президенту и правительству, то недостаточно убедительная победа, сильно «не дотягивающая» до той, которая была одержана на президентских и парламентских выборах, может нанести ущерб престижу стоящих ныне у власти. Таким образом, судя по всему, указанный референдум не состоится и вопрос о присоединении к НАТО по-прежнему будет решаться властными структурами.

В течение всего посттоталитарного периода Болгария не только декларировала, но и принимала официальные документы, оформляющие ее намерения присоединиться к организациям, олицетворяющим собой «большую Европу». В этом направлении были достигнуты и определенные практические результаты. В декабре 1990 г. парламент принял резолюцию о стремлении Болгарии стать полноправным членом европейского сообщест-

ва. Приоритеты внешней политики страны были обозначены в декларации Народного собрания (декабрь 1993 г.), в которой указывалось: Болгария проводит линию на сотрудничество с целью присоединения к европейским и евроатлантическим структурам при их будущем расширении в соответствии с национальными интересами; решение о присоединении к этим структурам – вопрос суверенного выбора страны; Болгария не создает систему собственной безопасности за счет третьих стран; Болгария будет участвовать в программе «Партнерство ради мира».

В 1992 г. Болгария была принята в Совет Европы, а в мае 1994 г. первой среди посткоммунистических государств заняла председательский пост в этой организации. В том же году Болгария получила статус ассоциированного члена Западноевропейского союза (ЗЕС), а с 1 февраля 1995 г. обладает аналогичным статусом в Европейском союзе. В декабре 1995 г. она направила официальное заявление о полномочном членстве в ЕС. В марте 1997 г. сделана заявка о приеме в НАТО.

Хорошо однако известно, что одного желания мало. Для реализации своих евроатлантических устремлений Болгария не прекращает усилий, чтобы обрести и утвердить такой собственный облик, который устроил бы тех, от кого зависит удовлетворение поданных ею заявок. Пока наиболее заметных успехов удалось добиться в политической сфере.

4. Успехи демократизации и социально-экономические неудачи

Ж. Желев заявил в 1995 г., что Болгария превратилась в страну, свободную по всем европейским и мировым стандартам³⁸. Столь же лестные характеристики в адрес Болгарии и ее народа особенно щедро раздавались, в том числе и зарубежными общественными и политическими деятелями, после победы правоцентристов (соответственно, поражения социалистов) в последних избирательных кампаниях. Так, бывший посол Франции в Болгарии Ф. Дайе оценил результаты парламентских выборов в апреле 1997 г. как доказательство принадлежности Болгарии к странам с европейским уровнем демократии. Депутат российской Государственной Думы, лидер партии Демократическая Россия Г. Старовойтова заявляла, что российским избирателям не худо было бы позаимствовать болгарский опыт, и выражала уверенность, что «рано или поздно и в России победят демократы»³⁹.

Звучали и иные оценки. Известно, что выборы 1997 г. проводились, как уже не раз бывало, до истечения конституционного срока полномочий парламента. Это диктовалось главным образом массовым недовольством населения ухудшением своего и без того нелегкого социально-экономического положения. С конца 1996 г. в стране начались демонстрации,

митинги и т.п., основным требованием которых было проведение досрочных выборов в Народное собрание, где большинство в то время принадлежало социалистам и их союзникам. В январе 1997 г. участники одного из митингов предприняли попытку захвата здания парламента. Оценивая это событие, газета «Дума» (орган БСП) писала, что оно «поставило крест на почти семилетних робких попытках европеизировать нашу балканскую психику»⁴⁰.

Можно отдать должное процессу демократизации общественной жизни в Болгарии, хотя здесь и не обходится без издержек. Иногда демократия «перехлестывает через край», и ее проявления принимают не законосообразные, а искусственно подогреваемые, плохо контролируемые формы. С другой стороны, наблюдаются ограничения свободы деятельности средств массовой информации. Однако главные проблемы Болгарии сосредоточены в экономической области, положение в которой в решающей степени определяет общую ситуацию в стране, состояние ее связей с внешним миром, возможности реального участия в интеграционных процессах.

Общие направления и цели хозяйственных реформ в Болгарии известны, они не представляют собой чего-либо уникального, существенно отличающегося от других центральноевропейских государств. Такие понятия и ориентиры, как «приватизация», «структурная перестройка», «совершенствование налоговой системы» и т.п. изобилуют в экономических программах всех болгарских правительств посттоталитарного периода. Задача состоит в наполнении этих программ практическим содержанием, в преодолении той части реформаторского пути, который уже прошли вырвавшиеся в этом отношении вперед другие бывшие социалистические страны. Пока же из-за непоследовательности, нехватки решимости, чрезмерной занятости политической борьбой, недостаточной разработанности нормативной базы и других причин попытки хозяйственных реформ в Болгарии давали чаще, мягко выражаясь, неутешительные результаты. Появились даже имеющие негативный смысл термины «болгаризация», «болгарский вариант» развития экономики и финансовой системы. Примечательно, что эти определения употребляются прежде всего учеными и политиками России и Румынии, которые совсем не отличаются успехами в собственных реформах⁴¹.

В середине 90-х годов западные аналитики, используя такие критерии, как торговая, налоговая, банковская и валютная политика, условия для размещения иностранных инвестиций и др., оценили уровень экономической свободы в различных государствах мира. Всего в списке фигурировали 142 страны. Первое место (высший бал) было отдано Гонконгу, последнее –

КНДР. В этом промежутке лучшее место среди государств Центральной и Восточной Европы заняла Чехия – 12. Далее следовали: Словакия – 62, Венгрия – 67, Польша – 72, Албания – 92, Болгария (вместе с Россией и Монголией) – 100, Румыния – 112 (для сравнения можно указать на 7-е место США)⁴².

Одна из самых болезненных проблем социально-экономической сферы Болгарии – острая нехватка капиталовложений, потребность в зарубежных кредитах. Средства можно получить на Западе, но он не проявлял к Болгарии особой благосклонности. Так, по данным польского государственного агентства по иностранным инвестициям, размеры зарубежных капиталовложений в страны Центральной и Восточной Европы в 1990–1997 гг. составили (в расчете на душу населения): Венгрия – 1470 долл., Словения – 800, Чехия – 699, Польша – 362, Болгария – 95 долл. (для сравнения: Эстония – 400, Россия – 44 долл.)⁴³.

Незавидное место, отводимое Западом Болгарии, мотивировалось прежде всего отсутствием у нее глубоких рыночных преобразований. Получался замкнутый круг: чтобы строить рыночное хозяйство, нужны средства, а чтобы получить их, необходимо наличие «рыночных» достижений. Западу требовались убедительные доказательства, что предоставленные им средства будут целенаправленно использоваться именно на развитие рынка, а не просто проедаться, уходить в те или иные «черные дыры». Действительно, в годы правления социалистов на долю частного сектора в Болгарии приходилось лишь 45% ВВП, продолжалось субсидирование убыточных государственных предприятий и т.д.

Однако возлагать вину за недостаточную «рыночность» только на социалистов было бы неверным. Предшествующее правительство («надпартийное») возглавлял профессор Л. Беров, бывший до своего премьерства экономическим советником президента Ж. Желева. И именно этот кабинет президент весной 1994 г. публично лишил своего доверия, обвинив его в провале приватизации и аграрной реформы, в неумении привлечь в страну иностранные инвестиции (согласно болгарской Конституции, президент не может отправить правительство в отставку, так как это право парламента). Позднее Ж. Желев упрекал Запад в способствовании победе болгарских социалистов на парламентских выборах в декабре 1994 г. По его мнению, Запад должен был предложить нечто вроде нового «плана Маршалла», чтобы уберечь народ Болгарии и других постсоциалистических стран от огромных трудностей переходного периода и тем самым помешать их полеведению⁴⁴.

Предотвратило бы появление названного плана наступление левой волны в центральноевропейском регионе, доказать вряд ли можно. К тому же с приходом к управлению левых в Венгрии, Польше реформы там не остановились, а в некоторых аспектах проводились даже жестче. И все же в подходах Запада к бывшим социалистическим странам просматривается определенный политический подтекст. Возвращение в конце 1994 г. к власти БСП, являющейся, по мнению многих, одной из наиболее слабо реформируемых среди посткоммунистических партий, существенно охладило отношения Запада и его финансовых институтов к Болгарии. Это объясняется не только экономической политикой социалистов, но и их, по сравнению с другими политическими силами, большей «прорусскостью» и, напротив, меньшей «прозападностью». Во многом благодаря этому Международный валютный фонд исключил Болгарию из списков получателей помощи⁴⁵.

Положение изменилось, когда у власти в стране вновь оказались правые. В Болгарию пошли западные кредиты. Так, было подписано соглашение о выделении международными финансовыми институтами 1,55 млрд долл. для осуществления программы преобразования болгарской экономики в 1999–2001 гг. (до сих пор общий объем иностранных инвестиций в Болгарию составлял 1,25 млрд долл. – один из самых низких показателей в регионе)⁴⁶. По рекомендации МВФ и Всемирного банка ее финансовая система была взята под строгий «монетаристский» контроль специального валютного совета, членами которого стали и представители этих организаций. Национальная валюта была «привязана» к германской марке. Эти и некоторые другие меры способствовали началу улучшения макроэкономической ситуации, но для преодоления социально-экономического кризиса еще потребуются немало времени. Запад внимательно наблюдает за состоянием социальной сферы в странах Центральной и Восточной Европы, оценивая ее соответствие средним западноевропейским показателям. И в этом отношении Болгария выглядит не особо привлекательно.

За первые семь лет болгарских реформ (1990–1996 гг.) доходы граждан увеличились в 29 раз, а розничные цены – в 103 раза, т.е. в среднем болгары стали беднее почти в 4 раза. В 1996 г. уровень инфляции составил около 311%, безработица охватила 14% трудоспособного населения, а средняя зарплата упала до 20 долл. (в считающейся самой бедной балканской стране – Албании она равнялась 60 долл.)⁴⁷. Проведенное в апреле 1997 г. социологическое исследование показало, что свыше 75% опрошенных отнюдь не спокойны за свое будущее, причем более 40% думают, что их нелегкое положение и далее станет ухудшаться, а 23% считают, что сохранится их нынешнее нищенское существование. 56% заявили, что они не могут купить

даже самые необходимые для жизни вещи, и лишь 2% не испытывали никаких финансовых проблем. Наиболее незащищенными чувствовали себя люди активного возраста (30–50 лет), а также женщины, лица с недостаточным образованием и нацменьшинства. Примечательно, что эти люди примерно поровну подразделяются на приверженцев социалистов и сторонников демократов. Социологи отметили и рост оптимистических настроений (их доля составила 19%), носителями которых являются преимущественно лица в возрасте менее 30-ти лет, имеющие высшее образование, проживающие в столице или в других крупных городах, болгары по национальности, симпатизирующие демократам. Их оптимизм основывался на убеждении, что страна уже достигла «дна» и дальше падать некуда⁴⁸.

5. Не так уж желанные, или Первые разочарования

Многие граждане Болгарии надежды на улучшение своей жизни связывают с эмиграцией. После 1989 г. страну покинули свыше 500 тыс. человек, большинство из которых – молодые и квалифицированные люди. Согласно опросам общественного мнения, готовность при первой же возможности эмигрировать выразил каждый третий болгарин⁴⁹.

Основной поток реальных и потенциальных эмигрантов устремлен на Запад, однако последний не проявляет большого восторга от подобного способа «вхождения в Европу». У него хватает собственных «болячек» (например, в государствах ЕС насчитывается 18 млн безработных), чтобы принимать у себя людей, претендующих на рабочие места, пополняющих криминальные структуры и т.д. Поэтому на доступ граждан из стран Центральной и Восточной Европы Запад вводит определенные ограничения, причем применяются они не ко всем одинаково. П. Стоянов, выступая на международной конференции «Европа – единство в многообразии» (Варна, сентябрь 1996 г.), отметил унижительность для Болгарии положения, когда она оказалась единственной из ассоциированных членов ЕС, внесенной в так называемый «негативный» (шенгенский) список, который ограничивает возможности ее граждан в получении визы для поездки и пребывания на Западе. Даже «во времена турецкого рабства болгарам было легче попасть в Европу, чем сейчас», – заявил президент РБ, выразив надежду, что эта несправедливость будет исправлена⁵⁰.

Однако смягчения указанных ограничений пока не предвидится. Более того, вице-канцлер и глава МИД Австрии В.Шюссель (с 1 июля 1998 г. Австрия на полугодичный срок заняла пост председательствующего в ЕС) предупредил, что граждане государств, которые станут новыми полноправными членами Евросоюза, не смогут в течение 5–10 лет свободно переме-

щаться и получать постоянную работу в 15 странах—основателях союза. Это заявление вызвало весьма негативную реакцию в болгарской печати. Западная Европа, отмечал публицист С. Терзиев, ведет себя «как городская дама, которая, увидев на пороге своего деревенского родственника, с отвращением отворачивается». ЕС превращается в крепость, внешняя стена которой очерчивается Шенгенскими соглашениями; эта стена призвана «удерживать на дистанции государства, не представляющие интереса для богатой части континента. В их число входит и Болгария»⁵¹. По мнению близкого к правительству политолога О. Минчева, Европа превратилась в «гнездо расизма и ксенофобии». ЕС посредством утвержденного в Шенгене особого визового режима возводит новую берлинскую стену. Запад не готов и, вероятно, не желает «осуществлять объединение континента теми темпами, которые были заданы крушением коммунистической системы»⁵².

Кроме глобальных, геополитических проблем пресса в своих упреках Западу затрагивала и деликатные, психологические струны. Говорилось, например, что болгарские граждане, выстаивая в огромных очередях за получением виз у западных посольств и консульств, испытывают такое же унижение своего человеческого и национального достоинства, как в концлагере. Раздавались призывы об организации акций протеста перед посольствами стран ЕС. Высказывались предложения, что Болгарии следует подумать о возврате к визовому режиму, который она в одностороннем порядке отменила в 1997 г. для граждан западноевропейских государств, теряя на этом миллионы долларов и не дождавшись соответствующих встречных шагов со стороны Запада⁵³.

Можно, таким образом, говорить, что эйфорические прозападные настроения, охватившие значительную часть болгарского общества и усиленно подогреваемые многими СМИ на фоне победы правых на выборах, довольно быстро пошли на убыль, столкнувшись с повседневными реалиями. Это подтверждается и изменившейся тональностью официальных заявлений. Так, осенью 1996 г. лидер СДС И. Костов утверждал, что социалисты своей неясной, колеблющейся внешней политикой препятствуют занять стране полагающееся ей место в Европе — там, куда ее привел еще хан Аспарух⁵⁴. Заявление несколько странное, ибо ни социалисты, ни кто-либо другой с названного места Болгарию не уводил. Здесь важнее другое — у болгарского руководства вскоре стало отчетливо просматриваться беспокойство в связи с отсутствием со стороны Запада положительных сигналов относительно вступления республики в НАТО и ЕС, выражаться неудовлетворенность продолжительностью процедур приема в эти организации.

Тот же И. Костов, будучи уже премьер-министром РБ и выступая на посвященном проблемам стран Центральной и Восточной Европы международном экономическом форуме (Зальцбург, июнь 1998 г.), обратил внимание на появление признаков того, что благополучные европейские страны готовят сценарий «проволочек и изоляций», следствием которого может стать появление на континенте «новых разделительных линий». Лишь ускорение процесса приема бывших социалистических стран в ЕС остановит, как он подчеркнул, «рост бедности и конфликтов на межнациональной, этнической и религиозной почве»⁵⁵. (Если следовать подобной логике, то в ЕС надо в первую очередь принять Албанию, Боснию, Македонию, Сербию, т.е. государства, где такие конфликты или уже имеют место, или в любой момент возможны.)

И. Костов отметил также, что Болгарию не устраивает ее прием в полноправные члены ЕС лишь через 10 лет, поскольку такие сроки не могут «мотивировать наше поколение». Не утруждая себя особым дипломатическим этикетом, он заявил, что единственной альтернативой интеграции Болгарии в европейские и евроатлантические структуры является приход к власти в стране «режимов в духе Милошевича и Лукашенко»⁵⁶.

Какова будет реакция Запада на подобные претензии и аргументы, изменится ли его позиция в более благоприятную для Болгарии сторону? Представляется все же, что в его глазах весомее выглядят факты, свидетельствующие о наличии в Болгарии серьезных экономических, социальных и других проблем. По многим важным критериям она пока значительно проигрывает в сравнении с такими центральноевропейскими государствами, как Венгрия, Польша, Словения, Чехия, с которыми ведутся соответствующие переговоры и уже определены сроки их вступления в ЕС. Что же касается Болгарии, то трудно предположить, что в ближайшем будущем процесс ее присоединения к этой организации существенно ускорится. Так, по мнению авторитетных экспертов, Евросоюз может пополниться в 2004 г. Венгрией и Кипром. В 2005 г. к ним, возможно, присоединятся Словения, Польша, Чехия и Эстония, в 2008 г. – Словакия, Латвия и Литва. Болгария и Румыния могут стать членами ЕС не ранее 2010 г.⁵⁷

6. В большую Европу – через Балканы

Важным критерием интеграционной совместимости того или иного государства с основными военно-политическими и экономическими организациями Европейского континента является, как отмечалось, отсутствие у этого государства серьезных противоречий, споров с соседними странами. Для Болгарии данный критерий имеет особое значение хотя бы в силу ее

географического положения – она расположена в центре Балканского полуострова, за которым издавна закрепились недобрая «слава» порохового порога Европы.

Исторически на Балканах традиционно сталкиваются или, скажем осторожнее, не всегда совпадают интересы великих (и не только) держав. Здесь проходит наиболее беспокойная и, пожалуй, самая неустойчивая, размытая часть границы между существующими цивилизациями, расположены болевые точки соприкосновения различных этносов, конфессий, конфликты между которыми не утихают многие годы, принимая порой открытые, острые или же латентные формы. Эти конфликты зачастую не признают государственных рубежей, втягивают в себя другие, небалканские страны и международные организации. Можно вспомнить известную концепцию директора Института стратегических исследований при Гарвардском университете С. Хантингтона насчет современного мира, стоящего будто бы на пороге разлома цивилизаций и конфликтов между ними, которым суждено в дальнейшем преобладать в сфере международных отношений. Эта концепция подвергнута разносторонней критике, и вполне вероятно, что С. Хантингтон неправ, экстраполируя имеющиеся сегодня место межнациональные и религиозные конфликты на будущее всего человечества⁵⁸. Но применительно к текущему моменту, к конкретному региону (имея в виду и нынешнюю ситуацию на Балканах) его взгляды имеют определенное подтверждение. Болгарии предоставлено широкое поле деятельности для активного участия в урегулировании внутрибалканских противоречий и тем самым набирать «проходные баллы» для вступления в евроструктуры.

Существует также точка зрения, что в наше время возобладала тенденция к дезинтеграции, усилению сепаратизма. В подтверждение этому приводятся такие цифры: в 1920 г. в Европе насчитывалось 23 государства и 18 тыс. км государственных границ, а в 1994 г. эти показатели увеличились соответственно до 50 и 45; свежими свидетельствами дезинтеграции служат бывшие СССР, СФРЮ и ЧСФР. Опираясь на эти и другие данные, французский ученый П. Бонифас пришел к мысли, что мы живем в век распада (последний пример – Косово), который угрожает всему миру⁵⁹.

Цифры и факты, приведенные П. Бонифасом, бесспорны, но согласиться с его выводом нельзя. Ведь большинство новых государств, возникших на месте названных федераций, так или иначе проявляют стремление к сближению, к объединению усилий в той или иной сфере, создавая для этого или новые интеграционные формы, или используя уже сложившиеся. Конечно, процесс этот не прямолинеен. Он осложняется и напластованными ранее чувствами обиды, недоверия в отношениях между отдельными стра-

нами и народами, новыми проблемами, связанными с отстаиванием собственных и по-своему понимаемых национальных интересов, и др. Известно, например, что различные государства Центральной и Восточной Европы соперничают между собой в деле завоевания расположения со стороны международных организаций Запада.

Болгария, как уже говорилось выше, заявила о своих «отличных», «прекрасных» отношениях с сопредельными странами. Отвлекаясь от «возвышенности» таких определений, можно признать их справедливыми, если иметь в виду отсутствие официально предъявляемых территориальных и иных серьезных претензий. Но комплекс этих отношений далеко не исчерпывается соблюдением принципа нерушимости границ, других норм международного права, его нельзя охватить межгосударственными договорами, соглашениями и т.п. Существуют и такие сильно действующие, особенно на Балканах, факторы, как историческая память, полноценно удовлетворенное или ущемленное национальное достоинство и др. На массовое сознание болгарского народа по сей день оказывает влияние ощущение исторической несправедливости, проявившейся в разделении нации, урезании территории страны. Эти настроения вольно или невольно подпитываются официальными и академическими кругами, средствами массовой информации. Нечто подобное происходит и в некоторых граничащих с Болгарией государствах. Все это не позволяет говорить о «безоблачности» ее отношений с соседями или, используя модный российский термин, с «ближним зарубежьем».

Определенные отрицательные моменты, связанные с прошлым и настоящим, присутствуют, например, во взаимоотношениях Болгарии и Румынии. Болезненным и застарелым является вопрос о Южной Добрудже – болгарской северо-восточной области, которая в результате второй Балканской (межсоюзнической) войны отошла в 1913 г. к Румынии, а в 1940 г. при содействии Германии была возвращена Болгарии. Но, отмечает болгарский исследователь Л. Петров, и в 1941–1944 гг., и в годы «социалистического интернационализма» Румыния не оставляла планов вновь включить эту область в состав своей территории. Более того, уже при демократическом режиме глава румынского МИДа говорил о болгарской оккупации Южной Добруджи. Правда, затем последовало официальное заявление румынской стороны об отсутствии у нее территориальных претензий к Болгарии. Возвращение Южной Добруджи, добавляет автор, получило после второй мировой войны международное признание. Область была оставлена в составе Болгарии в отличие от таких болгарских земель, как Западная Фракия, Вардарская Македония, некоторые другие западные районы⁶⁰.

Добруджанский вопрос обсуждается и в Румынии, причем обычно негативно по отношению к Болгарии. В прессе отмечается, что Добруджа – важный объект заботы болгарских историков и политиков, предупреждается о возможном притязании Болгарии на Северную Добруджу, принадлежащую Румынии. Указывается, допустим, что в Интернете можно обнаружить статью о «Великой Болгарии», включающей в себя и названную область, автор которой утверждает, что Добруджа – «колыбель болгарской нации», является регионом, отторгнутым от Болгарии. Эти утверждения квалифицируются в румынской печати как «ревизионистские», основывающиеся на исторических мифах, либо отражающие различные политические тенденции⁶¹.

Отнюдь не «парадно-официальную» оценку дает одна бухарестская газета современным румыно-болгарским отношениям: «Под маской взаимопонимания и регионального сотрудничества между Румынией и Болгарией ведется открытое соперничество за интеграцию в НАТО и Европейский союз. Под зеленым сукном стола переговоров не прекращаются удары ногами ниже пояса»⁶². Использование «неджентльменских» приемов в отношениях между государствами и субъектами более низкого уровня – явление довольно ординарное, особенно когда речь идет о значительных финансово-экономических выгодах. Так, в первую очередь по причине нежелания упустить или уменьшить эти выгоды стороны не могут в течение нескольких лет договориться о месте строительства нового моста через Дунай. Болгария и Румыния соперничают также по поводу выбора основного черноморского перевалочного пункта евроазиатского транспортного коридора «Трасека»: будет ли это болгарский Бургас или румынская Констанца? От решения этого вопроса зависит, какая из сторон станет получателем ежегодного дохода, измеряемого сотнями миллионов долларов. Конкурентная борьба за реализацию своих интересов является для Болгарии и Румынии, помимо прочего, и своего рода школой, подготовкой к интеграции в Европу, где конкуренция и более масштабна, и более жестка.

Большую озабоченность вызывают у Болгарии процессы, происходящие в государствах, возникших после распада СФРЮ. Отношение Болгарии к нынешнему сербскому режиму видно из цитированного выше высказывания И. Костова на экономическом форуме в Зальцбурге. Сербия обвиняется также в ущемлении прав этнических болгар, проживающих на ее территории.

Мало изменилось отношение Болгарии к «македонскому вопросу». Она первой признала независимую Республику Македонию, однако не признала существования македонской национальности и языка. Здесь позиция

Болгарии осталась прежней: македонцы – это болгары, а македонский язык – диалект болгарского. Точка зрения Македонии прямо противоположна: страна имеет собственный национальный язык. Так называемый «языковой спор» (этот термин широко употребляется) охладил отношения между двумя государствами. Из-за него, в частности, не были подписаны более 20 (по данным на конец 1997 г.) соглашений об экономическом, политическом, культурном и научном сотрудничестве. Дело дошло до того, что Болгария предложила использовать в двусторонних отношениях в качестве рабочего английский язык⁶³.

В известной мере этот спор был смягчен признанием Болгарией в 1999 г. существования македонского языка, что во многом было обусловлено текущими конъюнктурными соображениями. Однако официальное признание не означает мгновенных радикальных сдвигов в общественном сознании, в точке зрения ученых и т. д. Существуют, в частности, опасения, что население болгарского Пиринского края также объявит себя македонцами, т.е. в стране появится новое нацменьшинство, которое может потребовать автономии, имея зарубежного покровителя и т.д. Иными словами, резко возрастут проблемы, с которыми Болгария уже сталкивается в связи с наличием в стране турецкого нацменьшинства. Решать же их прежними репрессивными методами сегодня недопустимо – в противном случае двери в Европу перед Болгарией наверняка захлопнутся.

Главными очагами напряженности на Балканах, в Европе в целом стали в 90-е годы Босния и Косово. Умиротворение этих районов потребовало вмешательства многих государств, международных организаций, включая НАТО, и проходило при активном использовании силовых, военных и полицейских методов. Последнее позволяет говорить, что в данном случае имели место не только европеизация Балкан, но и балканизация Европы. Правомерно задается вопрос, насколько долговечным окажется хрупкое затишье, поддерживаемое Дейтонскими соглашениями, и не постигнет ли их судьба Версальского мира?⁶⁴ Сумеют ли введенные ныне в Косово миротворческие силы обуздать экстремистов из ОАК, охваченных жадой мщения сербам за их предшествующую политику этнических чисток в крае, кровавого геноцида албанского населения? Во время боснийского и косовского кризиса Болгария занимала, как известно, «пронатовскую» позицию. Думается при этом, что любой итог косовского кризиса не будет для Болгарии полностью благоприятным. Если дело ограничится лишь восстановлением существовавшей до 1974 г. автономии Косово, то и это способно подогреть имеющиеся в Болгарии сепаратистские настроения, вопрос о положении турецкого, цыганского и других этнических меньшинств. Про-

блема обострится, если нечто подобное косовскому конфликту начнется в соседней Македонии, где албанцы составляют около 25% населения⁶⁵.

Для Болгарии и, представляется, для Балкан в целом еще худшим выглядит вариант фактического, тем более юридического отделения Косово от СРЮ. Это создаст условия для реализации идеи «Великой Албании», облегчит осуществление плана формирования балканской «мусульманской дуги» от Албании через Косово, западную Македонию, Боснию, юго-восточную Болгарию до Турции. План этот отнюдь не иллюзорен, поскольку сегодня Запад, нередко прибегая к двойному стандарту, поддерживает на Балканах мусульман, которые получают также разностороннюю помощь от исламских государств.

В свою очередь в Болгарии и ряде других балканских стран среди значительной части общества распространена идея создания, в противовес названной «дуге», некоего православного «щита», состоящего из Болгарии, Греции, Сербии и других стран. Однако для официальной Софии с ее прозападными устремлениями проявление интереса к подобным «щитам», «осям», к идее панславизма (противостоящего пантюркизму, панисламу) означает нанесение ущерба своему «европейскому реноме».

В настоящее время у Болгарии сложились в чем-то специфические, но в целом нормальные отношения на межгосударственном уровне с Грецией и Турцией. Однако в общественном сознании восприятие этих государств далеко не одинаково. По данным социологического исследования, Греция расценивается болгарами как соседнее государство, менее всего угрожающее национальной безопасности Болгарии. Контрастным, свидетельствующим о наличии в массовом сознании стойкого негативного стереотипа, является отношение к Турции. Она, вопреки заявлениям официального руководства, воспринимается общественностью в качестве самого опасного соседа, источника внешней угрозы Болгарии, в том числе и ее европейской идентичности. Турция как бы исключается из европейской цивилизации, болгарско-турецкая граница считается рубежом между двумя различными и конфликтно сосуществующими мирами⁶⁶.

Сказанное выше подтверждает, что Болгария объективно не может остаться в стороне от внутривалканских проблем и что в ее отношениях с соседями присутствуют определенные негативные моменты. Очевидной является необходимость наращивания совместных усилий не только для постепенного разрешения существующих проблем, освобождения от наслонений прошлого, но и для развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, поиска его организационных форм. В этом направлении уже сделаны первые шаги и предпринимаются новые. Так, осенью 1997 г. на

Крите состоялась встреча лидеров стран Юго-Восточной Европы. Положительным является сам факт, что за одним столом собрались руководители Албании, Болгарии, Греции, Македонии, Турции, Румынии и Югославии. На встрече было выдвинуто предложение о создании новой постоянной региональной структуры по балканскому сотрудничеству. Предложение не прошло, но и полностью не похоронено – консультации будут продолжены. Участники встречи согласились вести работу по унификации национальных законодательств и приведению их в соответствие с международной практикой, снизить торговые барьеры, усилить борьбу с организованной преступностью и т. д.

Комментируя критскую встречу, немецкая «Франкфуртер Рундschau» отметила изложенное греческим премьер-министром видение будущего Балкан: превращение этого самого взрывоопасного субрегиона в Европе в обитель экономического сотрудничества, политического взаимопонимания и мирного сожительства. На фоне тлеющего югославского кризиса, этнических конфликтов и исторической вражды, писала газета, эта мечта выглядит утопией. Но только на первый взгляд. Ибо, если балканские государства не одумаются и не придут к взаимопониманию, они будут исключены из новой европейской архитектуры и в экономическом отношении будут плестись позади других европейских стран⁶⁷.

По существу, в этом комментарии отражена стоящая перед большинством балканских государств дилемма: или «одуматься», или оставаться на неопределенное время на европейских задворках. Как скоро удастся выбраться оттуда – зависит прежде всего от них самих. В этом смысле в качестве девиза балканских стран можно предложить известные афоризмы Козьмы Прутковка: «Если хочешь быть счастливым, будь им» и «Чем скорее проедешь, тем скорее приедешь». Для большей ясности слово «счастливым» надо заменить на «европейцем»⁶⁸. Остальное – вполне к месту.

История распорядилась таким образом, что нынешний путь Болгарии в большую Европу лежит через Балканы, точнее, через активное и плодотворное участие в решении субрегиональных проблем, устранение внутренних слабостей и, может быть, освобождение от некоторых, присущих ей как государству и как нации «балканских» черт – чрезмерной массовой эмоциональности, не всегда достаточной толерантности и т.п., но при сохранении, конечно, своих лучших качеств и традиций. Путь этот нелегок, но, достойно проходя «балканское чистилище», можно укрепить доверие к себе Запада, приобрести опыт, закалку, которые пригодятся на общеевропейском и евроатлантическом политическом и экономическом пространстве.

Примечания

- ¹ См.: Независимая газета. 1996. 5 июля; 1998. 5 июня; 1998. 14 июля.
- ² *Иванов И., Георгиев А.* България в поствоенния контекст на Балканите // България и НАТО: Недовършеният дебат. София, 1997. С.3.
- ³ На Мадридском саммите по настоянию США из числа первых претендентов на вступление в НАТО были исключены Словения и Румыния, хотя их интересы лоббировали Италия, Франция и др. Между тем, по некоторым оценкам, румынские вооруженные силы являются наиболее боеспособными среди армий участников бывшего Варшавского договора и находятся под эффективным гражданским контролем. Явно обиженной оказалась и Словения, премьер-министр которой Я. Дрновшек еще в сентябре 1996 г. твердо заявил, что его страна будет в числе первых новых членов НАТО, на что получено одобрение сената США // См.: Демокрация. 1996. 1.Х; Независимая газета. 1997. 9 июля; Известия. 1997. 17 июля.
- ⁴ Президент Хорватии Ф. Туджман без обиняков заявил, что его страна принадлежит Центральной Европе, а не Балканам. В частности, он предложил Сабору (хорватскому парламенту) законодательно запретить любое политическое объединение Хорватии с государствами, возникшими на территории бывшей СФРЮ. По его убеждению, интеграция с Боснией, Югославией или Македонией «означала бы крах всего того, чего страна достигла на трудном пути к самостоятельности и независимости». При этом вхождение в ЕС и присоединение к натовской программе «Партнерство ради мира» были объявлены непосредственной целью внешней политики Хорватии // Сегодня. 1997. 24 января.
- ⁵ България и НАТО... Предговор. С.3.
- ⁶ См.: Демокрация. 1996. 1.Х; 1997.24.IV; Пари. 1997.24.IV.
- ⁷ *Ценков Е.* Дебатът НАТО и България: цивилизационният аспект // България и НАТО ... С.30.
- ⁸ Демокрация. 1997.24.IV.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Демокрация. 1998. 22.II.
- ¹¹ К Турции предъявляются претензии в связи с несоблюдением в стране общепринятых в Европе демократических норм, нарушением прав человека и нацменьшинств («курдская проблема»). Указывалось, например, что нельзя принимать в ЕС государство, где применяются пытки; высказывалось также соображение, что Турция не может быть членом Евросоюза как страна, принадлежащая не к европейской, а иной, мусульманской цивилизации // Финансовые известия. 1997. № 50. С.1; Известия. 1997. 17 июля и 1999. 23 июня; Независимая газета. 1997. 17 июля.
- ¹² Свободен народ. 1996. 16.V.
- ¹³ Демокрация. 1997.24.IV.
- ¹⁴ Частота избирательных кампаний в Болгарии приобрела черты определенной исторической традиции. Так, со времени обретения независимости до начала второй мировой войны, т.е. за 60 лет, парламентские выборы в стране проводились 30 раз.
- ¹⁵ Свободен народ. 1994. №48. С.2.
- ¹⁶ Новое время. 1997. №3. С.29.
- ¹⁷ Демокрация. 1998.23.II.
- ¹⁸ Независимая газета. 1998. 27 августа.
- ¹⁹ *Кръстев И.* Полупарламентарният режим. Структура и перспективи на партийната система в България (декември 1989 – октомври 1994 г.) // Политически изследвания. 1995. № 4. С.393.
- ²⁰ БСП сохранила значительное влияние в обществе, возможность воздействовать на ситуацию в стране и после проигрыша выборов в октябре 1991 г., в результате которых она получила

- 106 депутатских мандатов из 240 (у СДС – 110 мандатов). На следующих выборах (декабрь 1994 г.) БСП с союзниками вновь одержала победу, завоевав 125 депутатских мест. Однако на выборах в апреле 1997 г. она потерпела весьма серьезную неудачу, получив всего 58 депутатских мандатов, а возглавляемый СДС правоцентристский блок «Объединенные демократические силы» (ОДС) – 137. Кроме того, кандидат от ОДС П. Стоянов в конце 1996 г. был избран президентом Болгарии.
- ²¹ Подробнее об отношении представленных в парламенте партий к членству Болгарии в НАТО см.: *Тодоров А.* Алиансът като елемент на българския междупартиен дебат // *България и НАТО ...* С.15–19.
- ²² Там же. С.17.
- ²³ *Континент.* 1995.14 апр. Это заявление было сделано, когда правительство возглавляли социалисты, следовательно, «сигнал» должен быть дан ими. Кроме того, со стороны СДС прозвучало известное требование о предоставлении равных стартовых возможностей при принятии в НАТО новых членов.
- ²⁴ 24 часа. 1998. 22 февр.
- ²⁵ См.: 24 часа. 1997. 24 апр.; *Демокрация.* 1997. 24.IV; *Пари.* 1997.24.IV.
- ²⁶ *Тодоров А.* Указ соч. С.16–17.
- ²⁷ Дума. 1995. 22 апр.
- ²⁸ *Отечествен вестник.* 1990. 11.VII.
- ²⁹ *Тодоров А.* Указ соч. С.18.
- ³⁰ *Труд (София).* 1997. 16.IV.
- ³¹ *Пульс планеты (ИТАР–ТАСС).* 1996. 25.12. С.3–4.
- ³² *Дайнов Е.* Пътят към НАТО в огледалото на масовото съзнание и пресата в средата на 1990-те години // *България и НАТО ...* С.26.
- ³³ 24 часа. 1995. 29 сент.; *Пульс планеты.* 1996. 7 февр. С.2.
- ³⁴ *Пульс планеты.* 1996. 7 февр. С.2.
- ³⁵ Дума. 1997. 15 март.
- ³⁶ *Независимая газета.* 1998. 11 июля.
- ³⁷ *Демокрация.* 1997. 17.IV.
- ³⁸ Дума. 1995. 3 март.
- ³⁹ *Стандарт.* 1997. 20 апр.
- ⁴⁰ Дума. 1997. 18 апр.
- ⁴¹ См.: *Илларионов А.* Святочные гадания на кофейной гуще // *Известия.* 1996. 24 дек.; *Улюкаев А.* «Мы очень похожи на Бразилию» // *Новое время.* 1998. №22. С.7; *Пульс планеты.* 1998.13 июля.С.13.
- ⁴² *Известия.* 1997.26 дек.
- ⁴³ Дума. 1996.11 янв.
- ⁴⁴ Там же. 1 март.
- ⁴⁵ См.: *Демокрация.* 1996.1.X; *Известия.* 1997.6 февр.; *Финансовые известия.* 1997.21 авг.
- ⁴⁶ *Финансовые известия.* 1998.15 сент.
- ⁴⁷ См.: *Финансовые известия.* 1997.14 янв.; *Пари.* 1997.31.III.
- ⁴⁸ *Стандарт.* 1997. 8 мая.
- ⁴⁹ См.: *Демокрация.* 1996. 1.X; *Новое время.* 1997.№1–2. С.29.
- ⁵⁰ *Демокрация.* 1996. 1.X.
- ⁵¹ *Сега.* 1998.2.VII.
- ⁵² *Сега.* 1998. 6.VII.
- ⁵³ *Пульс планеты.* 1998. 14 июля. С. 9.
- ⁵⁴ *Демокрация.* 1996. 1.X.

- ⁵⁵ Компас (ИТАР–ТАСС). 1998. №27. С.47–48.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Известия. 1999. 23 июня.
- ⁵⁸ См.: *Кандель П.* Россия перед соблазном «конфликта цивилизаций» // *Власть*. 1995. № 12. С.61–66; *Бовин А.* В XXI веке жизнь станет проще // *Известия*. 1998. 3 июля.
- ⁵⁹ Правда. 1998. 1 июля.
- ⁶⁰ *Петров П.* Всяка една от договарящите страни се задължава // *Демокрация*. 1991. 3.VII.
- ⁶¹ Пульс планеты. 1998. 14 июля. С.9.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. 1997. 18 нояб. С. 12.
- ⁶⁴ *Колотовкин М.* Расширение НАТО: новые аспекты старой темы // *Сегодня*. 1996. 22 март.
- ⁶⁵ По мнению экспертов, если в Македонии сохранится нынешняя демографическая тенденция, когда в семьях мусульман-албанцев насчитывается от 5-ти и более детей, а в семьях православных славян-македонцев – обычно 1–2 ребенка, то через 20 лет страна станет преимущественно албанско-мусульманской. Кстати, уже сейчас македонские албанцы не соглашаются с официальной статистикой, утверждая, что их удельный вес в населении страны составляет не 22–23%, а свыше 40% (*Известия*. 1998. 24 июля).
- ⁶⁶ *Ценков Е.* Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁷ Цит. по: 24 часа. 1997.6.XI.
- ⁶⁸ Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1976. С. 118.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Когда заходит разговор о современной Центральной Европе как регионе, указывают прежде всего на феномен непрекращающейся все 90-е годы напряженности в южной его части (субрегионе). Да и процессы на «благополучном» севере не относятся к разряду обычных для политической практики: в Польше, например, к концу текущего десятилетия зеркально повторяется ситуация его начала – когда президент и парламентское большинство придерживаются разной партийной ориентации; крайней сложностью отличались выборы в мае 1998 г. в Венгрии, где в первом туре положение было предпочтительным у Венгерской социалистической партии (ВСП), а во втором – оказалось лучше у ее оппонентов. Одним словом, проблем в этой части Европы хватает, и новая региональная идентичность, если она и начинает осознаваться не только на идейно-теоретическом, но и на практико-политическом уровне, «целительным эффектом», особенно в южной части центральноевропейского региона, не обладает, как было замечено на одной международной конференции¹. И тем не менее есть основания рассмотреть общие проблемы Центральной Европы в качестве важного признака новой региональной идентичности, сделав, естественно, акцент и на политике по отношению к ЕС и НАТО, и на положении в южном субрегионе.

1. Общие проблемы региона

Важнейшие политические изменения в центральноевропейских странах имеют общий вектор: отказ от непримиримой межпартийной враждебности (она сохраняется, но все чаще выглядит контрпродуктивно); намечающийся маятникообразный переход власти от одной партии к другой, что является показателем известной зрелости политических отношений и в страновом, и в региональном аспекте; устремленность новых демократических государств в евро- и атлантические структуры – НАТО, Европейский союз и т.д.

1996–1998 гг. – время считающихся последними в этом столетии парламентских и президентских выборов в ряде стран Центральной Европы, которые знаменовались поражением партий социал-демократической ориентации и на севере, и на юге центральноевропейского региона: в Польше и Венгрии, с одной стороны, и в Румынии и Болгарии – с другой. Социал-демократы, напротив, упрочили свое положение в Чехии, а в Албании взяли «реванш», оказавшись при этом, что продемонстрировала их позиция относительно Косово, яростными националистами.

Указанные победы и поражения свидетельствуют о том, что политическая жизнь в странах региона и в регионе в целом уже стабилизировалась. Этим Центральная Европа все в большей мере становится похожей на западноевропейский регион. Однако данная стабилизация происходит на фоне экономической нестабильности, причем не только в южном субрегионе, но, например, и в самой благополучной стране северного субрегиона – Чехии. По этому параметру граница между Западной и Центральной Европой (а также между последней и Восточной Европой) просматривается довольно четко и переступить ее с востока на запад не позволяется. Не исключено в этом контексте, что введение евровалюты – еще один шаг к отторжению стран центральноевропейского региона, отнюдь не компенсируемый их приемом в НАТО.

В то же время региональный потенциал при решении экономических и иных проблем используется в Центральной Европе еще очень слабо, особенно в югославянских государствах – республиках бывшей СФРЮ. При этом даже, казалось бы, высокий уровень политической стабильности в Словении и Македонии не должен успокаивать (особенно это касается последней, где явно с сепаратистских позиций начинает выступать албанская часть населения).

Руководство центральноевропейских государств проявляет чрезмерный эгоизм, предпочитая «совершенно суверенные решения» какому-либо внутрирегиональному политическому сотрудничеству. В этом плане судьба «Вишеградской группы» становится все более проблематичной.

Неудача институционализированного политического взаимодействия в центральноевропейском регионе обусловлена форсированным «маршем на Запад», который тоже как раз в 1994 г. отказался от идеи принятия групп государств в свои структуры в пользу индивидуального подхода. Поэтому коллективные действия в Центральной Европе именно с того времени стали быстро падать в цене, страны региона начали демонстративно «индивидуализироваться», заявляя, как это сделали Венгрия и Чехия, что они не

желают «пристраиваться к самому медленному кораблю и от других не требуют ждать их».

Такие внешнеполитические позиции деформируют внутрирегиональные связи в целом. На сравнительно небольшом центральноевропейском пространстве происходят разнородные явления: «западные» Польша, Чехия, Венгрия, Словения отчуждаются от «восточных» Словакии, Румынии, Болгарии, не говоря уже о новых югославянских государствах. Вторая трещина проходит между субрегионами по оси: север–юг. Практически то же самое в еще более ограниченном, но окрашенном кровью пространстве происходит в упомянутых югославянских государствах.

Но все же начинает ощущаться воздействие некоторого силового поля, создаваемого укреплением западноевропейского региона. Оно, скажем, способствовало позитивным подвижкам в венгеро-румынских отношениях, подписанию соответствующего межгосударственного договора. Активизируется участие западноевропейцев и в процессах, происходящих в южном субрегионе Центральной Европы. Можно, следовательно, говорить о благотворности укрепления западноевропейской региональной идентичности. Этот регион прокладывает пути общеевропейской политической и экономической интеграции.

Единая Европа – идеал и цель, это признается и центральноевропейскими странами. Дело остается за малым: пройти самый простой и краткий путь, войдя в Европу. Но в истории и в политике самые короткие пути оказываются наиболее длинными.

Правда, к концу 90-х годов центральноевропейский регион, пожалуй, уже явственно обозначил свое позитивное отличие от восточноевропейского: дело здесь все же идет к общей стабилизации, чего никак нельзя сказать, допустим, о России, Белоруссии или Украине как важнейших регионообразующих Восточной Европы. Вектор стабилизации направлен при этом с «благополучного» севера (хотя и на нем не исключены те или иные очаги социальной напряженности) на «бедный» и «неспокойный» (пока) юг².

В чем-то похожие процессы происходили в 60–70-е годы в Западной Европе – волна стабилизации здесь тоже двигалась с севера на юг. Политически «успокаивались»: Франция – после потери Алжира; Испания, Португалия и Греция – после падения репрессивных режимов; Италия – после спада волны терроризма (хотя последняя затронула все страны Западной Европы и до сих пор нельзя с уверенностью сказать, действительно ли необратимо она пошла на убыль). Однако в народнохозяйственном аспекте Центральная Европа во второй половине 90-х годов все резче сталкивается с непроницаемостью, точнее, с селективной пропускной способностью эко-

номической границы с Западом. Факты отдельных прорывов (контракт Чехии на поставки газа из Норвегии) дела не меняют: на уровне современных производств связи не налаживаются. В начале текущего десятилетия казалось, что экономическая интеграция будет осуществляться сразу же вслед за политическим сближением (например, после принятия в Совет Европы в 1990 г. Венгрии, в 1991 г. – Польши, а в 1993 г. – Чехии и Словакии) и что можно будет вследствие этого просто «забыть» о былых торговых партнерах с Востока. К концу же 90-х годов выявляется: Западу нужно от региона в лучшем случае сырье, а не товары равного, а то и лучшего качества. Такова логика экономического сотрудничества на межрегиональном уровне и преодолевать ее очень трудно, даже если обе стороны говорят о дружбе и искренне стремятся к ней. Трезвым осознанием этой «логики» и определяется актуальность присутствия центральноевропейских государств на восточных рынках – в России и странах СНГ, а также создания условий для всестороннего, а не только внутрирегионального сотрудничества, о чем лишь начинается серьезный разговор на правительственном уровне и в широких политических кругах социал-демократического и либерально-демократического толка.

Именно на фоне замедления темпов экономического сближения с Западом усиливается устремленность в другие структуры, в первую очередь в Североатлантический союз, которому приписываются некие идеализированные качества. И здесь следует, видимо, указать на проявление действия своеобразного компенсаторного механизма: НАТО представляется сверхжеланной целью тем в большей степени, чем в меньшей выявляется возможность интеграции в других сферах³.

Последнее, на наш взгляд, – ложная атрибуция, затрудняющая процесс региональной идентификации. Политическим руководством стран Центральной Европы* не в полной мере осознается тот факт, что НАТО – это больше, чем просто Североатлантический союз или по преимуществу европейская организация. Например, не учитывается, что США и Канада – не только атлантические, но также тихоокеанские и северно-ледовито-океанские – если можно так выразиться – державы. Равно как, кстати говоря, и Россия...

---

* В известном смысле нынешняя Центральная Европа была Восточной до тех пор, пока из нее не вывели советские войска. Но факт вхождения в НАТО Венгрии, Польши и Чехии не превратил страны этого региона в Западную Европу, как не произошло подобного превращения вследствие договоров 30-х годов Германии с Польшей и другими центральноевропейскими государствами.

Надо отметить, что суть и скорость «бархатного развода» Чехии и Словакии (в котором первая сторона – вопреки видимости – «виновата» не в меньшей степени, чем вторая) в какой-то мере детерминировались стремлением «развитой» Чехии быстрее попасть в Европейский союз без «отсталой» Словакии. Оказалось же, что «разведенным» странам туда проникнуть труднее. С конца 80-х годов и, пожалуй, до начала 1993 г. ЧСФР, действительно, отдавалось предпочтение в связи с возможным подключением к ЕС. Бескровный характер «бархатной» революции в ноябре 1989 г., успешные демократические процессы после выборов год спустя, радикальность экономической реформы, внешняя политика, направленная на стабилизацию центральноевропейского региона посредством активного участия в деятельности «Вишеградской группы», получили высокую оценку западного истеблишмента. После же распада ЧСФР ситуация явно изменилась в худшую сторону.

Можно указать на три главные причины сложившегося положения. Во-первых, чешское государство, несмотря на свое важное геополитическое положение в Европе, уже не пользуется таким успехом на Западе, как было в начале десятилетия. Чехия, в отличие от ЧСФР, не способна в глазах Запада играть роль центральноевропейского стабилизатора. Напротив, территория бывшей ЧСФР рассматривается как источник новой нестабильности из-за осложнений в чешско-словацких, словацко-венгерских, а потенциально и в чешско-германских и словацко-украинских отношениях.

Во-вторых, оторвавшись от огромного и перспективного экономического пространства на Востоке (бывший Советский Союз) Чехия потеряла и экономическую привлекательность на Западе. Доказательством этого служат резкая стагнация иностранных капиталовложений, уход с чешского рынка крупных инвесторов – «Мерседеса», «Сименса», «Ивеко».

В-третьих, репутации ЧР на Западе нанесли определенный ущерб и промахи новой чешской дипломатии. К таковым следует отнести попытку в одностороннем порядке оторваться от «Вишеградской группы», а также сдержанное отношение к идее европейской интеграции и Маастрихтскому процессу. В совокупности все перечисленное негативно сказывается на стремлении ЧР пополнить ряды ЕС, и неизбежно возникает, хотя бы в связи только со сказанным, вопрос: а следовало ли «разводиться», вышла ли от этого польза и Чехии, и Словакии?

Сейчас ситуация повторяется на уровне субрегиона: «богатые» участники «Вишеградской группы» по видимости обладают большими шансами на сближение с Западной Европой. Но это уже коллективная иллюзия относительно того, что ограниченность от «бедного и беспокойного» юга ре-

гиона поможет его северной части успешнее интегрироваться в ЕС и НАТО. Более оптимальным представляется следующий путь: центральноевропейским странам следует ориентироваться не на вхождение поодиночке или группами в западноевропейские объединения («забывая» иногда при этом, что и они сами, и Россия – тоже Европа), а на примыкание к ним в качестве региона. В конечном счете это более выигрышная стратегия и для всей Европы.

Граница – экономическая, политическая и т. п. – между западной, центральной и восточной частями Европы, конечно же, сохранится, но не в виде некой «заклятой» черты или улицы с однонаправленным в сторону Запада движением; это движение, т.е. перемещение капиталов, ресурсов, инициатив и пр., будет характеризоваться также направленностью внутрь региона и на столь многообещающие восточноевропейские рынки. Итак, не вхождение в Запад, а примыкание к нему с перспективой союза с формирующимся с трудностями регионом на востоке континента. Думается, что такая конфигурация способна обеспечить разворачивание процессов и более отдаленной перспективы: то ли создания Соединенных Штатов Европы, то ли задуманного в 80-е годы строительства «общеевропейского дома», то ли оформления общей северной оси от Ванкувера до Владивостока...

2. Страны центральноевропейского региона и НАТО

Европейская интеграция оказалась в 90-е годы более сложным процессом, чем это представлялось в 80-е или еще раньше, когда активно обсуждались ее основополагающие идеи. Западная Европа не абсолютно сплотилась на следующий день после Маастрихта, а Восточная – не полностью распалась после Беловежской Пуши. В этих условиях от интеграционного потенциала собственно Центральной Европы зависит многое. И устремленность в НАТО является тут весьма симптоматичной. *Объективно* вхождение в данную военно-политическую организацию ставит перед странами Центральной Европы больше проблем, чем это осознается их государственным руководством и всей политической элитой. Свидетельство тому – позиции президентов трех стран «первого призыва», т.е. Чехии, Венгрии и Польши, отраженные в их статьях для журнала «Транзишн»⁴.

В первой из них президент Чехии В. Гавел утверждает, что начавшееся в 1989 г. избавление от советской империи и коммунизма, равно как и от связанной с ними опасности европейской и мировой войны по существу определили первоначальную устремленность в НАТО стран региона. Но вот к концу 90-х годов Старый континент и мир в целом начали беспокоить конфликты иного, этнонационального рода. «И восемь лет спустя после

падения коммунизма, – пишет Гавел, – я глубоко убежден, что сохранение мира остается куда более сложной задачей⁵. Опасности возникают снова и снова, а демократия не демонстрирует, как и прежде, достаточной силы и решимости, чтобы с ними справиться. В этой связи он и обращается к проблеме расширения НАТО за счет первых трех центральноевропейских стран, которое будет означать, по его словам, «расширение сферы мира и стабильности». В НАТО придут и другие страны региона – и наконец-то «прекратится эра, когда большие и мощные решали судьбу меньших и не столь мощных, деля мир между собой на сферы влияния»⁶.

Однако обеспечение общеевропейской безопасности немислимо, по логике В. Гавела, без участия США, которые он призывает к решительности, наращиванию усилий по утверждению в центральноевропейском регионе ценностей рыночного либерализма и демократии. Из контент-анализа данной статьи нельзя не сделать выводы о гордом проамериканском сервилизме ее автора, хотя и задрапированном в рассуждения европейского интеллигента-идеалиста о вечных демократических ценностях.

В самом названии статьи-обращения президента Венгрии А. Гёнца содержится другой – прагматический, а не идеалистический – оттенок того же гордого сервилизма: «Самый дешевый путь к гарантии безопасности». Гёнец ратует за «трансатлантическую идею», по его выражению, из самой глубины Европейского континента. «Венгерский народ, – пишет он, – воспринял сообщение о вступлении в НАТО с большим удовлетворением и гордостью». Исполняется мечта Дж. Маршалла, преодолевается 40-летнее отторжение от мира свободы, обеспечивается в дальнейшем «экспорт стабильности» и в соседние страны.

Особо венгерским президентом отмечается тот факт, что ни один солдат из любой страны НАТО не погиб за интересы другого государства – ее члена. Но подчеркивается, что «европейские союзники не могут сами в рамках континента справиться с кризисом – без активной роли Соединенных Штатов»⁷. При этом, согласно Гёнцу, конечно же, не надо забывать о важном экономическом и политическом партнерстве НАТО и России; поэтому не так уж корректно заявление Е. Примакова, что решение о расширении НАТО на восток – наиболее катастрофичное в истории альянса. «Я хотел бы, чтобы все катастрофы были подобны этой», – иронизирует прези

---

* Речь идет о подписании 15 декабря 1997 г. в Брюсселе протоколов о вступлении в НАТО Венгрии, Польши и Чехии. Они стали ее полными членами весной 1999 г. Именно к этому времени, к 50-летию организации, предусматривалось завершить ратификацию протоколов в парламентах сначала 16-ти стран НАТО, а затем в каждом из вступающих государств.

дент. И все, испытывающие тревогу относительно возможности исключения России из евроатлантической интеграции, должны, по его логике, успокоиться.

Самозащита для Венгрии слишком дорога, заключает Гёнц, поэтому она вынуждена выбирать вариант коллективной защиты. В рамках такого «превентивного альянса», как НАТО, «мы должны иметь общее будущее»⁸.

В целом же в статье президента Венгрии меньше говорится об Америке, а больше о «коллективизирующейся» Европе, что без участия США, опять-таки, невозможно. О коммунизме не упоминается, фактору России придается немногим большее внимание, чем в статье В. Гавела.

Самая большая по объему публикация «Изоляционизм – это анахронизм» принадлежит перу президента Польши А. Квасьневского. С расширением НАТО формируется, по его словам, новая евроатлантическая среда безопасности. Распад Варшавского блока породил некоторые страхи и сделал Центральную Европу «серой зоной» – и вот страхи проходят, а зона «просветляется». Это происходит потому, «что, к счастью, НАТО почти немедленно отвергла формулу продолжения нажима на своих бывших противников»⁹. И хотя цена за вступление Польши в альянс будет очень высокой, институциональное возвращение в Европу легче всего осуществляется через интеграцию с НАТО. В 1997 г. Польша тратила на нужды обороны 2,7% валового внутреннего продукта. Но в Маастрихте было дано обещание увеличить обеспечение оборонного бюджета до 3% ВВП, т.е. в большей степени, чем это позволяют темпы экономического развития.

История показала, что лишь вмешательство Америки способствовало установлению демократических порядков в Европе после мировых войн, отмечает Квасьневский. За это было заплачено тысячами жизней американских солдат. Не следует забывать и о влиянии политики «нового курса» (в этом напоминании содержится аллюзия на «социалистическое происхождение» президента Польши – бывшего функционера ПОРП). Поэтому «Европа нужна Америке – и Америка нужна Европе»¹⁰. Американская модель демократии показала свою высокую жизнеспособность, приведя к устранению фашизма в Италии и Германии. А сегодня, подчеркивает польский лидер, как бы повторяя аргументы А. Гёнца, «в рамках континента может создаться новый вариант “плана Маршалла”»¹¹.

Бойтся ли Польша России? – ставит вопрос А. Квасьневский. Нет, но хаос в постсоветском пространстве весьма опасен – опаснее чего-либо еще в Восточной Европе. Здесь наиболее дружелюбны отношения Польши с Украиной. Но, заявляет президент, «мы убеждены в мудрости политической элиты России»¹². Тогда не так опасен будет «исламский фанатизм» и

«китайский экспансионизм»), т.е. с учетом того, что люди в России боятся их не меньше продвижения НАТО. И все же сегодня требовать для России места в НАТО контрпродуктивно, считает Квасьневский, с нею лучше поддерживать отношения партнерства, которое успешно налаживается. А российским реформаторам, кроме прочего, надо бы поблагодарить инициаторов расширения НАТО, которая обеспечит спокойствие на западных российских границах и, следовательно, даст больше времени и возможностей для проведения реформ. «Я верю, – заключает президент, – что 4 апреля 1999 г. станет важнейшим днем польской истории и истории свободного мира»¹³. Поэтому он и обратился со страниц журнала с призывом к Сенату США санкционировать решение о расширении НАТО, т.е. не избежал своего варианта гордого сервиллизма.

Весьма примечательно, что аргументация А. Квасьневского чуть ли не дословно совпадает с аргументацией Е. Бузека – его политического противника и премьер-министра страны, который утверждает: Польша благодаря НАТО выйдет из «геополитических клещей» между Россией и Германией, станет равноправной частью Европы, опираясь на США¹⁴.

Надо, так сказать, в скобках заметить, что на страницах данного номера журнала свой «обиженный невниманием» голос за НАТО подает и Румыния. Главный тезис публикуемой статьи «НАТО усилит Румынию» в следующем: если здесь не осуществляются реформы, то страну не примут в НАТО. Но этот тезис лукаво трансформируется в другой: если ее не примут в НАТО, то не пройдут и реформы. Авторы статьи – американские ученые румынского этнического происхождения (или иммигранты) – предостерегают об «опасности сизифовой дискриминации»¹⁵.

Вряд ли стоит упрекать журнал за изложение лишь одной позиции, даже если она столь буквально совпадает с мыслями и чувствами президентов трех суверенных государств, но нелишне сказать, что есть и иные точки зрения. Однако, что касается позиций президентов, то какое же общее заключение можно сделать из всех трех статей? Явно противоречивое. Для того, чтобы идеи демократии побеждали в Европе, должна помочь Америка. Не так ли коммунисты более полувека назад говорили (и другим, и себе): чтобы идеи социализма победили в Европе, должен помочь СССР. Аналогия слишком грубая, чтобы не быть достаточно правдоподобной. И если коммунизм сокрушен, то ведь демократия – в отличие от него – не импортируется,

---

* По вопросу о недопустимости продвижения НАТО на восток – по крайней мере на уровне деклараций – и правые, и левые в России в целом едины. Аргумент президента Польши в этом плане скорее казуистический, чем доброжелательный.

а возвращается. А раз так, то не лучше ли заменить гордый сервиллизм, характеризующий позиции глав государств – новых членов НАТО, на тяжелую и неброскую работу по такому возвращению, опираясь на себя, на свой регион, на континент в целом?

Неизбежно возникает также проблема цены продвижения НАТО в восточном направлении и его смысла. Оплачивать надо даже пропагандистские кампании, а затраты на модернизацию вооруженных сил новых членов НАТО и их доля в общих расходах этого альянса будут несравненно большими, чем одно лишь идеологическое обоснование подобных шагов.

Денег у центральноевропейских стран нет. Поэтому их своеобразной платой будут дальнейшие обличения кремлевских властителей в агрессивности, воспоминания об исторических грехах Российской империи и СССР, обвинения в азиатской сущности русской души и т.д., и т.п. С одной стороны, следовательно, неприкрытая русофобия политического истеблишмента Центральной Европы, а с другой – сервиллизм различных оттенков, который проявляется прежде всего как раз у наиболее искренних и идеалистических деятелей типа того же В. Гавела. Ни в коем случае не стоит в связи с этим обвинять и его, и других политиков. Кроме того, они вряд ли смогут – даже если бы захотели – побудить НАТО любой ценой продолжать свою экспансию. Но если бы такая ситуация имела место, жертвы – и не только финансовые – пришлось бы приносить в первую очередь именно центральноевропейским странам. Причем это оказались бы напрасные жертвы. Во-первых, потому, что сегодня эффективные политические решения принимаются не отдельными национально-государственными образованиями и даже не связками (страна-покровитель – страна-клиент). Политику делают, точнее, будут делать в следующем, XXI в. регионы, и тут у того же Европейского союза больше преимуществ, чем у НАТО. Именно потому, что это в большей мере региональное образование.

Во-вторых, к началу XXI в. отчетливо вырисовываются контуры стратегического партнерства – на новых основаниях – России и Запада, причем в двух вариантах. Первый – по оси Вашингтон–Москва, второй – по оси Париж–Берлин–Москва. При всей декоративности и декларативности «дружеских встреч», не отменяющих обычных в политике «обгонов и подножек», эти встречи увеличивают значимость контактов именно между крупными державами. Герои демократического возрождения из стран Центральной Европы – типа Валенсы и Гавела недолго были фигурами первого ряда на телеэкранах и в газетах. Их сменили сверхагрессивные «борцы за свободу» в Боснии и Герцеговине, а к лету 1998 г. – в Косово. Лидеры же крупных государств с экранов телевизоров не исчезают никогда.

Что касается укрепления оси Запад–Россия, то если российские реформы увенчаются успехом, это станет в каком-то смысле исторической неизбежностью. Если же не увенчаются, возможно всякое: новый всплеск милитаризма, националистический изоляционизм или шовинистический экспансионизм посткоммунистического толка. Логически нетрудно предположить, что центральноевропейские страны – новые члены НАТО оказываются в проигрышном положении как в первом, так и во втором случае. И никакие упоминания о грехах и преступлениях прошлого не могут быть оправданием ошибочной геополитической стратегии в будущем.

В связи с этим становятся более понятными также некоторые различия в стратегии продвижения НАТО у американской и западноевропейской сторон. Если уж тратить деньги на модернизацию армии, обеспечение безопасности, расширение сферы демократии и т.д., и т.п. – а это цели, декларируемые для обоснования идеологии продвижения НАТО, – то куда эффективнее направлять их на регион, составляющий действительную угрозу для западноевропейских стран. Это – южное направление региона, и в первую очередь Югославия*. Если это не осознанная стратегия, то, по крайней мере, ощущение на уровне политического инстинкта: крупнейшие европейские континентальные страны концентрируют внимание на этом регионе, который был для них одной из главных арен столкновения интересов, регионе, из которого в конце концов выросла первая мировая война, плавно перешедшая во вторую. В исторической памяти США это просто не отражено. Отсюда излишняя поспешность решений и преувеличения, а точнее – неправильное применение своих возможностей, конвульсивность политических решений: удача Дейтона отменяется в чем-то лобовыми попытками решить проблему Косово**.

---

* Конечно, о прямом быстром или даже достаточно отдаленном во времени приобщении стран данного субрегиона к НАТО речи не идет. Интересы Германии на Балканах весьма красноречивы. Англия здесь постоянный гость, Италии первой приходится ощущать приливы и отливы войн и революций в бывшей Югославии и Албании. То же можно сказать и о поддержке Румынии со стороны Франции.

** Россия вряд ли в состоянии повлиять на выбор стратегии НАТО в данном субрегионе. Более того, ее прямое вовлечение в балканские дела может ускорить реализацию сроков продвижения этого блока и на восток, и на юг. Но коренным образом ситуация не изменится. Хотя расширение НАТО на восток не может не тревожить Россию, однако этим не отменяется необходимость разворачивания фронта НАТО не на восток, где угрозы вырисовываются лишь в будущем, причем их вероятность гораздо меньше 50 на 50, а в южном направлении. Этот стратегический момент, еще раз повторим, инстинктивно ощущается странами Западной Европы.

Несложные умозаключения показывают, что расширение НАТО на восток может не расшатать, а усилить некоторые позиции России; чрезмерные упования на то, что приближение НАТО к российским западным границам изменит ситуацию в пользу центральноевропейцев, уже подвели наиболее нетерпеливых политиков из этого региона, поспешивших ужесточить свои отношения с «колоссом на глиняных ногах». Не все просчитали центральноевропейские политики и в подвижках позиций стран Западной Европы, для которой восточное направление расширения НАТО имеет под собой несколько иные основания, чем те, что вкладываются лидерами Центральной Европы. Все-таки центральноевропейские страны для запада континента – не столько авангард продвижения демократии, сколько санитарный кордон, существование которого будет продолжительнее постверсальского.

Что касается отношения США к центральноевропейскому региону, разным его полюсам – северному и южному, то в нем выделяются «почти свои» Польша, Чехия и Венгрия и носитель «дьявольского» начала – югославянские государства. Соответственно строится и политика, более того, ее образцы навязываются – и безуспешно – западноевропейским партнерам по НАТО. В свою очередь и югославянские государства делятся на более чем «свой» север – Словения, прошедшая через этническую чистку Хорватия и «красно-коричневая» Сербия, находящаяся южнее. Соответственно, заметим, сербские политики, испытывая подобное отношение, которое весной 1999 г. дошло уже до ракетно-бомбовых ударов по территории СРЮ, дьяволизуют даже те попытки вмешательства НАТО и США в кризисные ситуации на югославянских землях, которые можно было бы считать конструктивными. По-другому и не может быть, когда избирательное отношение к государствам и народам становится нормой политических акций.

Тем самым формируемому и форсируемому взаимному согласию в одной зоне региона противостоит политика, ориентированная на, по крайней мере, несдерживание эскалации конфликтов – в другой. Вследствие этого между странами региона усиливаются взаимные претензии, намечаются и укрепляются внутререгиональные перегородки – не говоря уже о неконструктивном отчуждении центральноевропейцев от Восточной Европы.

И в то же время к концу 90-х годов начинает ослабляться чувство причастности Европе через вхождение в НАТО и в другие общеевропейские структуры. Ряд заявлений высокопоставленных деятелей стран Центральной Европы свидетельствует о том, что их внимание концентрируется все в большей мере на ближайших соседях, поскольку стена между Западной и Центральной Европами вовсе не разрушается такими темпами, как стена между Восточным и Западным Берлином. А это все говорит о том, что реги-

он и субъективно, и объективно готов к шагам по консолидации, упрочению своей новой региональной идентичности. Многое зависит от воли политических деятелей. И примечательно, что избиратель в этих странах к концу 90-х годов пристальнее следит, чтобы эта воля не превращалась в своеволие.

3. Югославия и «югославии»

С вопросом формирования новой региональной идентичности существенно связана и проблема национально-государственного структурирования стран – республик бывшей Югославии, субрегиона, который является источником нестабильности для всего мира, а не только для Центральной Европы или Европы в целом. Здесь как раз наглядно подтверждается справедливость следующей констатации сотрудников Стокгольмского института исследований проблем мира: «Наибольшую угрозу безопасности Европы после холодной войны представляют не конфликты между государствами, а конфликты внутри них»¹⁶.

Проблема заключается в том, что на данном пространстве происходит определенная цепная реакция появления новых «югославий» – распад, полураспад и едва ли не четвертьраспад. Политики, о которых в спокойные времена говорилось бы лишь в набранных петитом разделах непервостепенной светской хроники или курьезов, выступают на первых страницах ведущих газет, символизируя «стремление к свободе и независимости» любой ценой и уж в первую очередь ценой жизни своих сограждан иной этнической принадлежности и религиозной ориентации. И создается некий «контагий» – заразительная атмосфера и внутри той или иной страны, и за ее рубежами: почему им можно, а нам нельзя? Но не только атмосфера. Накопленное оружие в регионе имеет тенденцию к употреблению – это известная истина.

В этом плане перед НАТО возникает миссия: усмирить. Кто ее будет осуществлять? Казалось бы, легче всего сделать это наиболее сильному. Но опыт США последних лет в Сомали, Ливане и других точках земного шара свидетельствует не только об удачах. Кроме этого, чрезмерная вовлеченность вызывает нередко негативную реакцию со стороны других стран.

Приходится по-новому определять каналы воздействия на беспокойные югославянские государства, в данном случае на Сербию в связи с ситуацией в Косово. В рамках Западной Европы усиление внутрирегиональной идентичности привело к исцелению куда более запущенной «болезни» – конфликта в Северной Ирландии. НАТО и другие международные силы не могут не считаться с тем фактом, что при цивилизованном подходе к решению застарелых проблем усиление фактора региональной идентичности

носит, безусловно, позитивный характер. И стоит ли поднимать градус накала национальных движений, если есть другие примеры?

Эти общие соображения, на наш взгляд, позволяют предполагать, что острота национальных конфликтов в южном субрегионе Центральной Европы притупляется – или снижается степень ее восприимчивости извне. Пример с Косово еще раз выявляет механизм «запуска» этноконфликта во всей его «обнаженности»: сначала формируется группа борцов за «национальную идею», подпитываемая внешними силами; затем она вооружается и вооружает своих приверженцев; после этого возбуждает массовые возмущения, а потом звучат апелляции к международным организациям и торг, где ценой выступает возможный развал того или иного государственного образования. При этом почему-то самым широким вниманием со стороны миротворческих и надгосударственных организаций, а также политиков вполне демократического толка пользуются наиболее агрессивные националистические лидеры. Все это отслеживается средствами массовой информации, которым – по какой-то дьявольской логике – интересны новости именно такого рода. Создается даже впечатление, что значительная часть предпринимаемых действий не происходила бы, если рядом, на подхвате не находились бы телевизионные камеры...

Косово, кстати, лихорадило в течение всего 1998 г., а Белград, пытавшийся подавить непокорных с помощью оружия и вообще очистить от албанцев этот край, спровоцировал весной 1999 г. прямое вмешательство стран НАТО, ракетно-бомбовые удары по своей территории. В настоящее время миротворческие воинские контингенты стран НАТО, а также России занимаются в Косово вопросами «замирения», хотя полностью искоренить националистический вирус им, конечно, не под силу. Центральноевропейские же политики из стран «благополучного севера» придерживаются воззрений, что ареал возможного заражения этим вирусом ограничен лишь «нестабильным югом» региона по причине прежде всего низкого социально-экономического уровня тамошних государств, бедности основной массы их населения, в условиях которой недовольство людей своим бедственным положением легко канализируется в националистическое русло, как, впрочем, и в русло религиозного фанатизма. Поэтому, к слову сказать, идея объединения усилий как «левых», так и «правых» во всех центральноевропейских странах для решительного отпора «демонам национализма» не получила должного развития на уровне региона.

За стремлением отграничить по всем параметрам свои страны от «беспокойного юга» и подчеркиванием несхожести мироощущения жителя «Средней Европы», с одной стороны, и балканского менталитета – с другой,

кроется известная неготовность центральноевропейской политической элиты взвешенно и перспективно оценить современный югославский кризис, последствия которого оказались значительно масштабнее, чем это предполагалось. Бывшая большая Югославия распалась на маленькие. И еще вопрос: труднее было контролировать находившуюся в экономическом коллапсе СФРЮ конца 80-х годов или теперь маленькие «югославии», в каждой из которых кровопролитие сдерживается большими усилиями и человеческими жертвами? Государственные образования появляются здесь по принципу «матрешки»: из «большой Югославии» создается «малая», а в ее рамках тенденцию к сепаратизму демонстрирует Косово, лидеры которого тоже требуют государственного статуса. Примерно та же ситуация была характерна и для Боснии и Герцеговины, где сформировались Сербская республика и хорватско-мусульманская федерация.

В Боснии и Герцеговине, конфликт заметим, этнополитический и конфессиональный полностью не погашен. Решение же вопроса посредством, например, такого проекта, как печатание на единых банкнотах мусульманских мечетей, католических костелов и православных храмов выглядит или глупостью, или, наоборот, шагом в весьма отдаленное будущее. Та же ситуация возникает при решении вопроса о флаге, валюте, едином паспорте и даже номерных знаках на автомобилях. По видимости это очень демократические решения, по сути же – профанация устоев современной социальной жизни.

На наш взгляд, все в большей степени выявляются издержки следующего положения вещей: фактически сверхсложность ситуации на бывших югославских землях заключается в том, что способы решения проблем этих земель предлагаются крупными державами и даже сверхдержавой. Государствам небольшим, распадающимся и желающим распасться на еще более мелкие национальные образования без какой-либо объединяющей идеи, это в определенной мере льстит: как же, ведь они тоже выступают «за демократию», они – в первых рядах борцов за нее. Хотя при этом забывается, что демократия скорее возвращается, чем завоевывается в боях...

Таким образом, в качестве поиска выхода из данной ситуации можно было бы подумать над мерами по конструктивному смыканию пространств южного и северного флангов региона, а внутрирегиональные конфликты в принципиальном плане, видимо, вполне решаемы по модели кипрского вопроса. Гомогенизация общеевропейского геополитического пространства должна быть дополнена гомогенизацией центральноевропейского региона. Внутри этого региона могут быть найдены свои решения конфликтов на базе упрочения у всех национально-государственных субъектов чувства

новой региональной идентичности, использования резервов взаимного сотрудничества, пока что по большей части пропадающих втуне.

Шведские ученые-политологи, например, прямо связывают перспективу обеспечения безопасности в Европе с укреплением региональной идентичности¹⁷. Очевидные пробелы в национальной и региональной идентичности и приводят, по их мнению, к такому парадоксальному положению, когда государства не удерживают своих внутренних структур и ищут пути их упрочения вовне. Другой важный момент: формируется право «cooperative intervention» – совокупного воздействия – на ситуацию внутри стран. И очень важно не злоупотреблять этим правом, ранжировать его, подчеркивают они.

На наш взгляд, раньше и сейчас такое право узурпировалось в основном Америкой (об этом пример и с Боснией, и с Косово). Чтобы эффективно использовать потенциал этого права, оно должно также делегироваться региональным инстанциям.

Двадцать новых независимых государств (ННГ) после распада СССР, СФРЮ и ЧСФР обладают неустоявшимся статусом (failed status), считают специалисты Стокгольмского Института исследований проблем мира. Они выносят на обсуждение концепцию новых рисков в этих государствах, в первую очередь в тех, которые возникли на территории бывшей СФРЮ. Согласно данной концепции, потенциальные риски в южном субрегионе Центральной Европы связаны: а) с ростом этнорелигиозных конфликтов – в отсутствие демократических регуляторов этих конфликтов или их неприемлемости; б) с политической нестабильностью как следствием такого перехода к многопартийности, когда на лидирующие позиции вырвались бескомпромиссные националистические силы; в) с социальной нестабильностью, вызванной посттравматическим стрессом от шоковой терапии в сфере экономики, а в случае с некоторыми странами – республиками бывшей СФРЮ («малая Югославия», особенно Сербия) – коллапсом этой экономики; г) с экологической опасностью, усугубляющейся от развертывания неконтролируемых производств и т.п. Самое же опасное заключается в том, отмечают шведские ученые, что данный риск в полной мере в субрегионе пока не осознан.

Характер даже постановки подобных вопросов вызывает тревогу. А это в свою очередь требует разработки новых стратегий, нацеленных на минимизацию вышеперечисленных рисков от остроконфликтного развития «малых югославий», разработки стратегий и с участием США (поскольку это сверхдержава), и без них (ибо бремя неудачных попыток разрешения

рисковых ситуаций придется взять на свои плечи прежде всего странам-соседам).

4. Страны Центральной Европы и ЕС

Новые акценты в плане формирующейся новой региональной идентичности ставят начавшиеся в апреле 1998 г. переговоры о полном членстве в ЕС Польши, Чехии, Венгрии, Словении, Эстонии и пяти других стран, также подавших соответствующие заявки, которым рекомендовано активизировать политические (Словакия) или экономические (Болгария, Румыния, Латвия и Литва) реформы. Документы на прием были одобрены в марте 1998 г. Советом ЕС на уровне министров иностранных дел. Процедура предусматривает и учет мнения Европарламента. Финансовая помощь ЕС странам-кандидатам будет предоставляться в зависимости от выполнения взятых ими обязательств по демократизации политических систем и либерализации экономики. Она может быть прервана, если ЕС усмотрит серьезные недостатки в выполнении этих обязательств. Каждая страна-кандидат должна принять национальную программу внедрения у себя достижений европейской интеграции, иными словами, общих для ЕС стандартов в законодательной, экономической, экологической и других сферах. Программы включают конкретный график решения этих задач, в том числе промежуточные контрольные сроки, а также описание источников финансирования. Отмечена необходимость усиления социального диалога между государством, работодателями и профсоюзами, реформ системы социального обеспечения и пенсий, соответствия с европейскими нормами трудового законодательства.

Общими приоритетами являются укрепление юридических и административных структур, налаживание контроля за рынком, гармонизация промышленных стандартов, реализация правил конкуренции и защиты прав потребителя. Определяются требования по уровню инфляции, дефицита государственного бюджета и государственного долга. Предписано наладить эффективный контроль на границах, реформировать законодательство в области предоставления убежища иностранцам, борьбы с преступностью и коррупцией. Страны-кандидаты должны приступить к работе по приведению к нормам ЕС экологической обстановки.

Кроме этих общих задач, каждое из десяти названных государств получило отдельные предписания. Вот некоторые из них, поставленные перед кандидатами «первой волны» с учетом выставленных ЕС «оценок»: Венгрии, которая уже определила в конкретном рабочем плане экономические приоритеты, создала соответствующие структуры, в том числе региональные, и ввела юридические нормы ЕС в части промышленной собственности

и государственных заказов, осталось уточнить юридические нормы приема иммигрантов, усовершенствовать технический контроль за автомобильным транспортом и т.п. Польше следует выполнить программы структурной перестройки металлургической промышленности, усовершенствовать предприятия по переработке молока и мяса, а также наладить контроль за качеством этих продуктов. Чехии предстоит создать независимые органы по защите информационных данных. Перед Словенией стоит задача присоединиться к международным конвенциям в области уголовного права, иностранных инвестиций, а также ядерной безопасности с учетом сейсмического риска в зоне АЭС Крско.

Данная совокупность фактов требует уточнения некоторых положений о ресурсе внутрирегиональной идентичности центральноевропейских стран. Он, как ни парадоксально, усиливается именно тогда, когда эти страны делятся на «отличников» и «отстающих». Характерны и интересны здесь суждения Л. Барбека в газете «Файнэншл таймс». Он подчеркивает значимость некоторых приоритетов для центральноевропейского региона в связи с усилившимся взаимодействием стран этого региона с ЕС*. Это не столько активная политика последнего по привлечению новых своих членов или форсированное вмешательство по линии НАТО в политику государств – бывших республик Югославии. Важнее то, что консолидирующийся с 1998 г. политически ЕС – именно через отношение к своему «другому», т.е. в данном случае к Центральной Европе, должен превратиться в ключевой фактор в регулировании внутриконтинентальных конфликтов, а также в поиске новых форм общеевропейской интеграции.

Данное положение Л. Барбек аргументирует, что называется, доказательством от противного. Он цитирует оценки американского дипломата Р. Холбрука, при содействии которого были подписаны Дейтонские соглашения и который высказался о своей посреднической миссии в том смысле, что-де она оказалась необходима, ибо сами европейцы не могли обуздать «игроков у себя на заднем дворе»¹⁸. Он же обвинил ЕС в том, что тот «полностью проспал» ситуацию, когда чуть было не произошло столкновение между Грецией и Турцией из-за необитаемого острова в Эгейском море. Эти и аналогичные примеры, по мнению Холбрука, говорят об одном: ЕС

---

* Одной из причин такого усиления является то, что американская дипломатия оказывается в Европе, по его утверждению, сверхуспешной. Ряд событий в этом ключе свидетельствует о том, что США берут на себя инициативу по устройству дел в Европе, игнорируя иногда мнения самой Европы. На наш взгляд, это касается не только центральноевропейского, но и западноевропейского региона, о чем с наибольшей определенностью заявляет Франция.

является несомненным экономическим гигантом, но обречен оставаться политическим карликом.

15 стран – членов ЕС дали решительный отпор всем тем, кто поддерживает данный тезис Холбрука, утверждается в рассматриваемой статье. Характерно, что это произошло в момент переговоров о членстве в ЕС 10 стран Центральной, а также Восточной Европы.

Процесс расширения ЕС продолжится в течение значительной части грядущего столетия и не обойдется без конфликтов «из-за болгарских вишен, чешских яблок и польских помидоров... Однако, – замечает Л. Барбек, – никому не следует игнорировать растущее влияние факта этого расширения ЕС, как и то обстоятельство, что упомянутое расширение – лучшее подтверждение формирующейся общеевропейской политики, прежде всего в области безопасности»¹⁹.

Интересен также приводимый газетой сопоставительный анализ статуса правительств в странах Западной и Центральной Европы. Как подчеркивает Л. Барбек, слабые коалиционные правительства стран Центральной Европы преодолевают сопротивление бюрократических структур экономическим реформам благодаря требованиям извне о соблюдении правил единого рынка ЕС. В то же время – часто вопреки своим интересам – они демонстрируют чрезмерную устремленность в НАТО именно как в надъевропейскую структуру и с большим вниманием смотрят на заокеанского «учителя» (США), чем на ближнего соседа (ЕС).

Правительства же западноевропейских стран давно поняли, что добиваться осуществления реформ легче во имя «единой Европы». Они в должной мере осознают ресурс принадлежности к своему региону – в отличие от правительств центральноевропейских государств, с иррациональной настойчивостью стремящихся к вхождению в соседний регион.

Здесь, по градации Л. Барбека, «передовые» страны – Чешская Республика, Венгрия, Польша, Эстония и Словения (плюс Кипр), вторая группа – Болгария, Румыния, Латвия, Литва и Словакия*.

Анализ, проведенный Л. Барбеком, как представляется, лишь подтверждает уместность идеи автора данной статьи о возможности двух стратегий в межрегиональном взаимодействии Западной и Центральной Европы. Первая исходит из посылки о необходимости «индивидуального разговора» с каждой из стран, желающей вступить в европейские структуры. В ходе ее

---

* В результате принятия Эстонии в составе первой группы кандидатов юрисдикция ЕС распространится и на территорию бывшего Советского Союза, т. е. дальше тех пределов, за которые НАТО пока опасается расширяться.

осуществления, на наш взгляд, могут усугубляться дисбалансы и конфликты внутри центрально-европейского региона и между регионами^{*}. Вторая стратегия предполагает подключать регионы – или хотя бы их части – посредством не организационного вхождения в европейские структуры, а примыкания к ним^{**}.

Контуры данных стратегий определяются со все большей четкостью, и выше уже говорилось о том, что западный политический истеблишмент с 1994 г. постоянно высказывается за индивидуальный подход. Но есть и иная точка зрения, указывающая на предпочтительность стратегии «примыкания» (региона или субрегиона) по сравнению со стратегией «вхождения» (отдельных, самых «примерных» стран). Но данная проблема нуждается в дальнейшей разработке.

Важное значение здесь приобретают программы решения конфликта в Косово. Америка видит (точнее, навязывает видение) потерпевшую сторону в этом конфликте в албанцах, которые отстаивают свои права, выступая против «посткоммунистического диктатора» С. Милошевича. Конечно, для американских политиков коммунизм-тоталитаризм должен быть повержен любой ценой, а демократические права любого сообщества защищены. Но это скорее идеологическая завеса реальной политики, о чем свидетельствует, например, заявление государственного секретаря М. Олбрайт еще от 9 марта 1998 г. Она заметила тогда, что США рассматривают этот конфликт не как внутреннюю проблему Косово или Югославии, а как проблему прав человека, оправдывающую вмешательство международных организаций. «Такое насилие, – подчеркнула Олбрайт, – это оскорбление для универсальных норм в области прав человека, которые мы обещали поддерживать»²⁰. И то, что на «заднем дворе» Европы в правила игры в области обеспечения прав человека включается и оружие, заокеанских политиков интересует мало: тем хуже для «игроков», но «игра» должна вестись.

По-иному видят (должны видеть) проблему европейские политики. Они отходят от некоторых стереотипов о безусловной деструктивности таких «монстров», как В. Мечьяр, С. Милошевич и др., и безусловной же благотворности «демократических» движений по национальному признаку. При этом данными политиками – в большей мере западно- и в меньшей центрально-европейскими – осознается, что они должны решать возникаю-

---

* Не по принципу ли «одна винтовка – один голос», столь умело реставрируемому в конце XX века?

** В этом плане цитированная формула Р. Холбрука о необходимости «обуздания игроков у себя на заднем дворе» приобретает тот смысл, что проблемы и конфликты успешнее решаются при непосредственном участии «ближних дворов», т. е. стран-соседей.

щие конфликты по принципу предпочтительной вовлеченности в происходящее близлежащих стран – не столько для укрепления их позиций, сколько для того, чтобы конфликт не переметнулся и к ним. Опыт же решения таких конфликтов мудрыми, но далекими (даже заокеанскими) наставниками в последней четверти XX в. показал свою недостаточную эффективность.

В заключение остается высказать несколько соображений прогностического порядка. Представляется, что лишь кристаллизация региональных структур и упрочение новой региональной идентичности центральноевропейских стран – сначала в политике, затем в экономике – сделают регион надежной опорой стабильности в Европе. Центр политической активности смещается – и будет смещаться – в народнохозяйственную область. При этом есть все основания предполагать, что на авансцену выдвинется так называемая «эмпирическая экономика». Это значит, что решение задач хозяйственного развития, если можно так выразиться, абстрагируется от абстракций. В странах Центральной Европы справа уже слабо слышны голоса о безусловной благотворности идей «чикагской школы», слева – о приемлемости «шведской модели». В чести специалисты, решающие конкретные проблемы в конкретных обстоятельствах.

Важный фактор упрочения новой региональной идентичности – образование устоявшихся партийных структур. Чем дальше по пути стабилизации идет та или иная страна региона, тем большей определенностью отличаются полюса (в основном два), на которых распределяются их политически оформленные силы. Один из этих полюсов – партии социалистической и социал-демократической ориентации. Они научились, с одной стороны, парламентским путем приходить во власть (отзвук «сенсационности» в связи с «возвратом коммунистов» пропадает), а с другой – с минимальными политическими потерями уходить из властных структур*.

В качестве прогноза можно выделить и положение о продвижении волны стабильности с севера региона на юг. Но этот процесс нелинеен и происходит небеспроблемно. Так, в северной зоне «отверженной» считалась Словакия. В чем причины этого? Не только в завышенных притязаниях

---

* Как подчеркивает Б. Кагарлицкий, «народы Восточной Европы не раз проявляли солидарность, отстаивая свои права перед советским «Большим братом». Солидарность еще более необходима, когда на место московского «Большого брата» приходит вашингтонский или брюссельский. Несмотря на все старые обиды без региональной интеграции никаких надежд на самостоятельное развитие нет... Успех левых зависит и от того, смогут ли они в качестве альтернативы глобализации выдвинуть новую модель региональной интеграции равноправной и свободной от имперского наследия» (Кагарлицкий Б. Реформы в Восточной Европе: новая периферия // Свободная мысль. 1999. № 2. С. 60–73).

харизматического (точнее, нагнетающего свою харизму) политика В. Мечьяра, бывшего премьер-министра. Дело скорее в относительной отдаленности страны от Западной Европы: она не так ощущает мощное влияние суперсилового поля Германии, унифицирующего многие стороны политического процесса в странах приграничных. Однако важнее всего то, что растет степень осознания причастности к центральноевропейскому региону стран южной его зоны. Это просматривается на примере позиций руководства Венгрии, Чехии и Польши по отношению к югославским конфликтам.

Таким образом, ресурс внутрорегиональной идентичности в Центральной Европе уже начинает выявлять свой потенциал. Особенно значим здесь «хороший» пример Западной Европы и неприятие неустроенности Восточной Европы. Правда, при этом на первый регион возлагаются чрезмерно «обременительные» надежды, а второй регион характеризуется в тонах излишней и даже агрессивной безнадежности.

Смягчение этих крайностей относительно «дальних» соседей может произойти вследствие усиления взаимоотношений между «ближними» соседями – странами региона. Включая ту его бурную южную часть, которая вызывает особую тревогу среди стран не только континента, но и всего мира.

Что касается России, то она могла бы стать желаемым партнером центральноевропейских стран в случае определения ею известных приоритетов своей политики на этом направлении. Роль одного из таких приоритетов могла бы, очевидно, сыграть славянская идея в рамках общеевропейской*. Эта идея вовсе не означает противопоставления остальным идеям²¹. Так, англосаксонская идея как раз оказывает сдерживающее влияние на интеграционные процессы в Западной Европе, но вызывает определенное уважение; она – дополнительный фактор региональной идентичности, хотя ее носителями являются Англия и – на дистанции – США. Можно говорить о германской идее, составлявшей один из краеугольных камней в деле интеграции Германии и не выказывавшей каких-либо агрессивных устремлений со стороны сопредельных стран. Активизируется романская идея, способствующая наряду со славянской усилению идентичности Европы в целом. И

---

* Т.Г. Масарик в своей работе «Славяне после войны» (Прага, 1923) отмечал, что каждый из славянских народов «именно благодаря своему освобождению получил особую задачу, в [решении] которой лишь частично может быть поддержан остальными славянскими народами» (с. 17). Они образуют при этом некую политическую единицу – славянские соединенные штаты, которые могут послужить опорой и европейским соединенным штатам. «Новая Европа будет создаваться понемногу и по частям» – таков вывод Масарика (с. 23). Он актуален и сегодня.

как Западная Европа является примером для подражания для Центральной Европы, так и последняя может стать примером для Восточной Европы, которая, конечно же, отличается от «ближних» и «дальних» регионов-соседей. В Восточной Европе тоже формируется новая региональная идентичность, но не теми темпами и даже не в том направлении. Однако это – тема других разработок.

В целом же подобная идентичность – не магическое слово, это скорее указание на вектор неизбежных для XXI в. изменений, в первую очередь доминирования политики регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Stability and Security of Eastern and Southeastern Europe. Ljubljana. 1997. P. 108.

² Подробнее см.: Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран («Круглый стол») // Славяноведение. 1997. № 3. С. 3–27.

³ Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Страны «Вишеградской группы» и НАТО // НАТО: факты и комментарии. Вып. 1. М., 1997. С. 11–13.

⁴ Joining the NATO Parade. Three Presidents speak out // Transition. Changes of Post-Communist Societies. 1997. Vol. 4. № 7. См. также: *Задорожнюк Э.Г.* Президенты стран Центральной Европы о благе вхождения в НАТО // НАТО: факты и комментарии. М., 1998. Вып. 5. С. 12–16.

⁵ Joining the NATO... P. 16.

⁶ Ibid. P. 17.

⁷ Ibid. P. 20.

⁸ Ibid. P. 21.

⁹ Ibid. P. 23.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid. P. 24.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. P. 25.

¹⁴ См.: Независимая газета. 1997. 27 дек.

¹⁵ Transition. Changes of Post-Communist Societies (London). 1997. Vol. 4. № 7. P. 29.

¹⁶ Future Security Agenda for Europe. Stockholm. 1996. October. P. 1.

¹⁷ Europe: Creating security through International Organization. Stockholm. 1996.

¹⁸ Financial Times. (London). 1998. 6. IV.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Мир и мы. (ИТАР–ТАСС). 1998. 7 мая. С. 8.

²¹ Подробнее см.: *Zadorozhnyuk E.* Perspectives of a New Europe in the Programs of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe // Emerging of Democracy in Transition Europe. Wrocław. 1997. P. 99–109; *Задорожнюк Э.Г.* «Россия и Европа». Т.Г. Масарик: новые подходы к старой идее европейского единения // Т.Г. Масарик и Россия. Санкт-Петербург. 1997. С. 27–35. Т.Г. Масарик. К 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии. Круглый стол // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 143–146.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.....	3
<i>Ю.С. Новопашин.</i> Новая региональная идентичность центральноевропейских стран (Вместо введения).....	6
<i>Н.В. Коровицына.</i> Регион «догоняющей» модернизации: коммунистический и либерально-демократический опыт.....	36
<i>Б.Й. Желицки.</i> Центральноевропейская идентичность и Венгрия.....	60
<i>О.Н. Майорова.</i> Приоритеты польской внешней поли- тики в программах политических партий и обществе в целом.....	80
<i>Ю.Ф. Зудинов.</i> Посткоммунистическая Болгария: поиски места в современном мире.....	108
<i>Э.Г. Задорожнюк.</i> Политические процессы в Централь- ной Европе и становление новой региональной иден- тичности.....	140

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА
В ПОИСКАХ
НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Сборник статей

Сборник подготовлен к печати
в редакционно-издательском отделе
Института славяноведения РАН

Обложка М.И.Леньшиной

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 30.05.2000 г. 10,1 печ. л. Тираж 300 Заказ 67
Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС
129164, Москва, ул. Маломосковская, д. 8

